ИСТОРИЯ ПОПАДАНКИ

ДАРЬЯ БЫКОВА

ЛЮБОВЬ ПОПАДАНКИ

Annotation

Стоит ли бороться за свою любовь?

Маша уверена, что стоит. Никита Рекунов – ее судьба, и она готова за ним и в огонь и в воду, и даже к неприятным ей инопланетянам. Стоит ли этим самым инопланетянам доверять? Определенно нет. Не стоит. Особенно этому синеглазому киару, не зря же от одного его взгляда становится не по себе… А случай, судьба и собственная неосмотрительность, как назло, сводят с ним все чаще…

- Дарья Быкова
  - Глава 1. Маша и ксенофобия
  - Глава 2. Маша и предложения разной степени заманчивости
  - Глава 3. Маша и неожиданности
  - Глава 4. Маша пробует себя в слежке
  - Глава 5. Маша делает глупости
  - Глава 6. Маша и странные последствия утренних пробежек
  - Глава 7. Маша в гостях
  - Глава 8. Кое-что проясняется
  - Глава 9. Ох уж эти инопланетные феромоны…
  - Глава 10. Счастье не в аггру, а в его количестве
  - Глава 11. Эти инопланетяне… себе на уме
  - Глава 12. Вирус
  - Глава 13. Первые последствия и другие неприятные сюрпризы
  - Глава 14. Последствия продолжаются
  - Глава 15. Снова на корабле
  - Глава 16. Сишшаа
  - Глава 17. Какой же праздник без драки?
  - Глава 18. Нежданный союзник
  - Глава 19. Нхассы
  - Глава 20. Лаборатория
  - Глава 21. Свои
  - Глава 22. Завидная добыча для любого киару
  - Глава 23. Да!
  - Глава 24. На Землю
  - Глава 25. Жду!
  - Глава 26. Всё наконец-то становится хорошо

Дарья Быкова
Любовь попаданки

Глава 1. Маша и ксенофобия

Когда случился первый контакт, я была на третьем курсе и, признаться честно, восприняла новость об этом весьма равнодушно. Мой младший брат прыгал от восторга и мечтал на них посмотреть, а лучше потрогать – вот уж бр-р-р, а я думала о вещах куда более важных – что мне надеть на свидание с Ромкой. Не то чтобы все мои интересы и в самом деле сводились исключительно к платьям и мальчикам, но встреча с Романом уже через пару часов и в кафе по соседству, а эти инопланетяне где-то в Средиземном море, не говоря уже о том, что живут вообще далеко в космосе и встречаться со мной, к счастью, не собираются.

Слухов и домыслов тогда было немерено. Каждый считал своим долгом поделиться страхами или надеждами. Кто-то кричал, что они нас поработят, кто-то – что наоборот, приведут, наконец, к светлому будущему. Первых, кстати, было значительно больше, и на вторых они посматривали с этакой снисходительностью: дескать, что с вас, блаженных, взять? Почему-то ожидание от жизни и окружающих исключительно плохого часто считается искушённостью и чуть ли не мудростью, хотя на самом деле это обычный пессимизм и попытка создать иллюзию контроля, чтобы не так страшно было болтаться в лодке жизни по её непредсказуемым волнам.

Что ожидаемо, ни сказки, ни кошмара не случилось. Они охотно обменивались с нами технологиями, причём, это как-то не афишировалось, но было заметно: исключительно мирными технологиями и со всеми странами сразу. Вероятно, их странная этика велела поступать именно так. Этим, пожалуй, и только этим они мне были немного симпатичны, но куда более они были мне безразличны. В космос я никогда не рвалась – я и в самолётах-то чувствую себя крайне плохо, во власть мне тоже ни к чему, да и не возьмут так сразу наверх-то, а значит, пересечься с гостями из космоса мне негде. И это прекрасно!

С этой установкой я и прожила следующие два с половиной года, а теперь вот стою в длинной очереди желающих попасть в совместный проект землян и инопланетян. Проект то ли по освоению чего-то там, то ли по исследованию того же чего-то там. В общем-то, мне неважно. Хотя надо кого-нибудь из конкурентов ненавязчиво расспросить, а то вдруг вопрос какой зададут на собеседовании. Не могу же я вывалить на них правду: к вам Никитос записался, а я его люблю-не могу. И он меня тоже. Наверное. Просто сам этого ещё не понял. Вернее, запутался. Такое бывает. Говорят.

Не просто так ведь Никитос добивался меня почти полгода, красиво, очень красиво, гад такой – да я любя, любя! – ухаживал, а когда я сдалась-таки на милость победителя, он почти сразу и охладел. А я наоборот – влюбилась по уши и даже больше и, узнав, что его зачислили (соцсети – наше всё!), бросилась тоже подавать заявку. Успела в последний момент. А сегодня – последний день собеседований, вот и вытянулась очередь на весь коридор моего родного ВУЗа, и что-то подсказывает мне, что номер «триста пять» – несчастливый, равно как и ещё сто-сто пятьдесят номеров до него, нас просто не успеют принять. А мне надо. У меня любовь!

Удивительно, но без пяти минут семь я всё-таки вошла в заветный кабинет. И едва сделала шаг от порога внутрь, как уже улёгшееся было от усталости волнение охватило с новой силой. Это у остальных решается всего лишь место практики, а у меня на кону вся судьба!

– Мария Романова? – равнодушно спросил председатель комиссии, к счастью, человек. – Зачем Вы хотите участвовать?

Я открыла уже рот, чтобы вдохновенно соврать какую-нибудь полагающуюся по случаю чушь, у меня это иногда очень даже неплохо выходит, жаль, что только иногда, но тут мой взгляд наткнулся на него. На инопланетянина. У них в комиссии был инопланетянин, а я до сих пор их как-то… ну, не очень. Да, это немного странно, учитывая, что я рвусь в совместный проект, но к тому, что они встретятся где-то там и когда-то потом, я была готова, я на всё ради любви была готова. А вот уже сегодня сталкиваться с ними – оказывается, нет. Тем более с такой частотой. Ведь этот уже не первый… хотя, может, это он же? Если он же, то плохо дело…а ведь похож! Ох…

– Скажите, Мария, – вступил он в разговор. Голос был приятный, и, если постараться, то можно попробовать представить, что это просто обычный земной мужчина. Ага, размечталась. – Вы испытываете неприязнь к нашей расе?

И – я прямо чувствую – глазами впился. Они что, правда что ли ложь чувствуют? И что за вопрос – стандартный ли?

– Нет, – бодро соврала я. – Никак нет. Зачем бы я иначе хотела принять участие в этом проекте?

Ну, точно он. Вон как недоверчиво прищурился и сейчас головой покачает, и всё. Никитос улетит, а я останусь с разбитым сердцем и ворохом сожалений.

Этого синеглазого я встретила в коридоре ещё утром. Ну, как встретила… Я от него шарахнулась, ударилась о стенку и чуть не упала, а он же меня и поддержал. Я не визжала, но поспешно высвободилась,

смущённо бормоча какие-то извинения пополам с благодарностью, совершенно не искренние, увы.

– Мне показалось, что моё прикосновение было Вам неприятно, – спокойно сказал он, абсолютно не смущаясь присутствия лишних ушей. Скучно ему что ли?

– С прикосновениями незнакомых людей – то же самое, – поспешно заверила я его, понимая – не верит.

Но он неожиданно кивнул, и председатель комиссии удивлённо, как мне показалось, сообщил:

– Вы зачислены. Через три дня – оргсобрание, информацию можете найти на сайте. Всего доброго.

Я очень быстро убралась из кабинета, на радостях бросившись обнимать следующего за мной кандидата, и вдруг с ужасом поняла, что этим как раз окончательно прокололась – тот синеглазый инопланетянин прямо с порога задал моей жертве вопрос:

– Давно Вы знакомы с Марией Романовой?

Вообще, если подумать объективно и отстранённо, то ничего такого в этих вот инопланетянах не было: ни скользких щупалец, ни третьего-четвёртого и так далее глаза, ни мерзких каких-нибудь наростов… Так что объяснить свою неприязнь как-то логически я не могла, возможно, дело как раз в том, что слишком они похожи на нас, но внутри-то наверняка совершенно другие. Это как с поганками: больше всего ненавижу именно те, которые маскируются под благородные грибы. Но ничего. Ради любимого я потерплю. Кстати, о любимом…

Сказать ему сразу? – подумала, открывая Никитину страницу в соцсети. Или встретить на оргсобрании и сделать вид, что и не знала, что он тоже вписался в этот проект? И хорошо бы при этом как-нибудь ещё внушить ему мысль, что сама судьба сводит нас вместе, вот только гипнозом я, увы, не владею. Вообще, мне хотелось как-то исхитриться и пройти по тонкой грани: с одной стороны, ни в коем случае не показаться навязчивой, а с другой – не дать о себе забыть. Подожду, – всё же решила я, два дня как-нибудь да протерплю… и тут мой взгляд упал на сообщение на его «стене» от некой «Натусик». Эта… эта… отправила ему песню, на редкость дурацкую песню, ну и что с того, что я сама её напеваю периодически? И сердечко нарисовала, в котором указала «Н&Н». Никитос и Натусик, надо думать. А он… он это убожество лайкнул. Не могло же оно в самом деле ему понравиться, право слово? И эта сюсюкающая Натуся тоже, наверняка, не могла. Он у меня просто вежливый мальчик, добрый…

Расстраивать не хотел. Ну вот, у неё на стене от него, к счастью, ничего и нет. Разве что, – испортила я сама себе чуть наладившееся уже настроение, – мне он тоже ничего никогда не писал вот так вот, напоказ.

Помедитировав ещё минут десять на страницу любимого и обожаемого, я всё же заставила себя её закрыть и полезла на сайт этого, теперь я могу говорить «нашего», проекта. Там меня поджидала очередная засада: оказывается, каждый участник ещё должен пройти собеседование с психологом. С их психологом! А я и с человеческими-то не очень нахожу контакт. Хотя опыт у меня небольшой: ежегодная медкомиссия в ВУЗе, куда с недавнего времени включили то ли психолога, то ли психотерапевта, и ещё одно добровольное обращение к психологу в надежде, что она – а мне её троюродная сестра очень даже рекламировала и именно в таком качестве – научит, как быстро и с гарантией вернуть Никитоса. Ни то, ни другое мне симпатии к людям с профессией, начинающейся на «псих» не добавило.

Осмотры я не любила, потому что на них приходилось врать. Я – абсолютно нормальный человек, вот клянусь, но иногда разговариваю сама с собой. Не так, конечно, что «дорогая Маша, давно не виделись, как у тебя дела, ой, что сейчас расскажу!», но, бывает, хвалю себя: «Ты, Машка, молодец!», или наоборот, не хвалю: «Давай, Машка, поднимайся с дивана и дуй на пробежку!». Но попробуй только ответить «да» на этот провокационный вопрос у психиатра! А про сны? На всякий случай я всегда отвечала, что мне вообще ничего не снится. А то мало ли… Уверена, если начать приглядываться, то любого человека можно признать «слегка того», а то и не слегка…

Психолог же… Я возлагала на неё большие надежды. Олька мне тогда все уши прожужжала, какая эта Елена Александровна классная, и как она ей помогла, вот я и подумала – схожу на пару сеансов, выучу несколько психологических приёмчиков, и всё, готово, Никитос снова у моих ног. Но, как водится, реальность с ожиданиями разошлись только так…

– Вам надо перестать так много о нём думать, – сказала Елена Александровна, глядя на меня своими большими, идеально накрашенными глазами. – Займитесь собой, своей жизнью. Перестаньте зацикливаться на вашем общем гипотетическом будущем!

Ха, – подумала я, гадая, это у неё свои такие замечательные ресницы, или она их нарастила, – а кто тогда будет заботиться о нашем общем будущем, если не я? И как оно тогда наступит, если о нём никто не позаботится? Даже как-то жалко отданных денег стало, но что уж теперь… Интересно, сама-то Елена Александровна замужем? Или всё ждёт, пока как-то само образуется? Но спрашивать не стала. Я – вежливая девочка.

Стараюсь, по крайней мере. А вообще, это прекрасная тактика: не можешь дать клиенту то, чего он хочет, убеди его, что ему это вовсе и не нужно. И всё это за его деньги, ну круто же, да? Мысль, что Елена Александровна, возможно, не так уже и не права, я затолкала в самый тёмный угол. В конце концов, сдаться и отступить я всегда успею!

В общем, немного повздыхав на предмет встречи с их инопланетным психологом, и не ожидая от этого рандеву ничего хорошего, я всё-таки щёлкнула на «записаться» и выбрала единственное оставшееся время – завтра и в жуткую рань. Ничего удивительного, что не заняли.

И ничего удивительного, что я ужасно опаздывала. На общение отводилось всего тридцать минут, и двадцать пять уже прошли, когда я вбежала на этаж. Это очень-очень плохо, – крутилось у меня в голове, периодически, правда, сменяясь робкой надеждой – а вдруг это к лучшему всё, и сократившееся время общения не позволит мне особо облажаться. С другой стороны, опоздание – явно не лучшая рекомендация… Сказать, что троллейбус сломался? Лифт? Машина не завелась? Я переводила через дорогу партию старушек?

В кабинет я влетела, практически оттолкнув уже заходившего было следующего кандидата, – ишь, торопыга! – и, задыхаясь от быстрого бега, вцепилась в ручку двери, плотно её прикрывая, чтобы не выставили. – Пять… минут… ещё! Пожалуйста!

По закону подлости – да, есть такой закон, и прекрасно действует, по крайней мере, в отношении меня! – психологом оказался тот самый синеглазый. Впрочем, определила я это больше по голосу – честно признаться, не могла я толком смотреть на них, чужих. По телевизору нормально, а лично – никак. Мне было неловко, стыдно за свою неприязнь и казалось, что они обязательно её прочитают, стоит только встретиться глазами… Хотя этот, конечно, и так в курсе. И поэтому решил не идти мне навстречу.

– Мария Романова? – как-то удивлённо произнёс он, направляясь к нам с дверью – я нуждалась в поддержке, а дверь мне её любезно оказывала. – Прошу прощения, но у меня встреча и…

– Пожалуйста! – взмолилась я и сделала неслыханное и крайне для самой себя неожиданное – вцепилась ему в руку. Неосознанно, чисто инстинктивно, чтобы остановить от открывания двери или фатальных для меня слов. И теперь мучительно соображала – что делать-то? Отпустить? Решит, что снова брезгую, и тут уже ничего не поможет. Держать дальше? А вдруг расценит как нападение? Он замер и молчал, и пришлось-таки

поднять взгляд. Мамочки! Так близко я никого из них точно никогда не видела. Хорошо ещё, он на меня не смотрит… ну, точнее, смотрит на мою руку, а не в глаза. Как смотрит – не понять. Удивлённо? Сердито? Ждёт, что я сама догадаюсь руку убрать? А я – нет, не догадаюсь. Он-то совсем невысокий, оказывается, всего на полголовы выше меня, а я тоже не сильно большая, и не сказать, что накачанный, хотя так в одежде и не понять… и с чего я вообще думаю об этом? А черты лица не то чтобы совсем уж чуждые, но всё равно, какое-то всё другое. Более грубые и чёткие линии, и краски более яркие. Такой синевы в человеческих глазах не увидишь, как и серебряных волос. Может быть, просто считать его персонажем из какого-нибудь мультфильма? К мультяшкам я вроде неприязни не испытываю… пока.

– Пожалуйста! – повторила умоляюще, вздрогнув, когда он взглянул на меня.

Медленно и неохотно кивнул, всё так же стоя у двери:

– Пять минут. Говорите. И нет необходимости меня держать, Мария Романова, я уже понял, что Вы работаете над своей фобией, и почти делаете успехи.

Я моментально его отпустила, разозлилась и, кажется, даже покраснела. По крайней мере, щёки стали вдруг горячими, и даже уши, кажется, тоже нагрелись. Всё-таки наши, человеческие, психологи куда любезнее и тактичнее.

– Мне двадцать один год, не замужем, красный диплом, специализация: микробиология, – оттарабанила я и выжидательно на него уставилась. А что ещё сказать-то? Отношения с родителями хорошие. Любовь – несчастная. Так что ли?

– И? – он вернул мне не менее выжидательный взгляд. – Вы именно это так хотели мне сказать, что задерживаете мою встречу с представителем Городского Комитета по Развитию?

От недосыпа и нервов соображала я плохо и долго, но всё-таки сообразила. Психолог и Городской Комитет по Развитию – что-то тут не сходится. Значит… значит, кто-то промахнулся кабинетом и совершенно напрасно облапал инопланетянина, ещё и потеряв при этом драгоценные остатки своего времени у психолога.

– Вы не психолог, да? – всё же уточнила я уже очевидное.

Он покачал головой:

– На четвёртом этаже, Мария Романова. Это – третий.

И открыл мне дверь. Типа, давай, до свидания. А лучше – прощай.

Наверное, надо было молча уйти, постаравшись сохранить хоть

немного достоинства, но это означало бы крах всего и конец всему.

– Пожалуйста… – сказала я и замялась, не зная, о чём именно просить. Но глаза, полные готовых пролиться слёз, всё же на него подняла. И невольно вздрогнула от пристального взгляда.

Всё-таки глазищи у него уж слишком синие, как ненастоящие… Надо, наверное, что-то сказать? Попросить замолвить за меня словечко у психолога? Извиниться за потраченное время? А чего он сам-то молчит? И не моргает. Он вообще настоящий? А вдруг, эта псевдочеловеческая внешность – лишь скафандр, а под ним скрываются какие-нибудь крошечные муравьи-древоеды или осьминоги? А может, вообще медузы… Бррр.

– Что? – словно подслушав мои мысли, спросил синеглазый. И наконец-то моргнул. – Я не психолог, Мария Романова, и психологом не стану, как бы Вы ни просили. Всего доброго.

И выразительный взгляд на дверь.

Я же… я ушла. Нет, вовсе не сдалась, но психолога уговорить будет, наверняка, проще, чем эту медузу в синеглазом скафандре. Так что вперёд, на четвёртый этаж, бороться за своё счастье.

Не знаю, сделал ли что-то синеглазый, или же мне просто так повезло, что более вероятно, но психолог меня приняла. Я ещё только вбегала на этаж, когда услышала, как кто-то называет мои имя и фамилию, и бросилась к кабинету со всех ног. И теперь вот сидела в жёстком и холодном кресле, отвечая на вопросы, один удивительнее другого.

– Вам приходилось убивать? – благожелательно спросила молодая женщина, сверкая на меня изумрудными глазами и делая какие-то пометки в планшете. Надеюсь, это у неё не портативный детектор лжи. Не то чтобы мне было что скрывать, ну, кроме ксенофобии, но схожесть с допросом сама по себе нервировала.

– Считаете ли Вы, что люди и руане равны, или одна из рас превосходит другую? Самый страшный поступок, который Вы совершили? Самый лучший поступок? Чем Вы гордитесь?

С прискорбием вынуждена признать, что я оказалась совершенно серой и непримечательной личностью, которой и гордиться нечем и вспомнить тайком – а-ля «стыдно рассказать, но приятно вспомнить» – тоже нечего. А ещё было здорово не по себе от того, что на некоторые вопросы я не успевала отвечать, но инопланетянку это не смущало, словно мои ответы не имели никакого значения, а важно было лишь задать вопрос. Так что я всё с большей опаской косилась на предмет у неё в руках, а вдруг

это не планшет, а считыватель мыслей? Я тут всякую ерунду думаю, вон синеглазый постоянно в голову лезет, и зла я на него, хоть и понимаю, что сама во всём виновата, а эта вот штуковина, небось, берёт и всё записывает, и мои злость и нелояльность в том числе.

– Какие у Вас отношения с Киару? – очередной неожиданный вопрос, и я, уже привыкнув к тому, что стоит помедлить несколько секунд, и мы перейдём к следующему, решила даже не спрашивать, кто это. Но девушку заклинило. Она взглянула в планшет, нахмурилась и снова посмотрела на меня. – Какие у Вас отношения с Киару, Мария Романова? Почему Вы не отвечаете?

– Кто это? – спросила я, вздыхая. Думалось почему-то про синеглазого, но отношений у меня с ним, к счастью, никаких нет. До ответа психолог, хотя какой она к бесенятам психолог, следователь, да и только, не снизошла.

– Мы закончили, – сообщила она. – Будьте любезны, пригласите следующего.

Из здания я выходила с неприятным осадком на душе: всё же как-то по-дурацки получилось с этим синеглазым, а выглядеть нелепо я не люблю. Сама, конечно, виновата, ещё и унижалась зачем-то перед ним… И теперь этот эпизод как заноза в моей памяти – саднит, раздражает и не даёт о себе забыть.

До чего же они, эти инопланетяне, всё же неприятные… И до чего же сложно простить синеглазому своё собственное унижение.

Глава 2. Маша и предложения разной степени заманчивости

– Мария Александровна, Вы любите свою страну?

– Люблю! – честно ответила я. Да и разве можно ответить «нет», когда на тебя так смотрят. Словно не ответа ждут, а уже меру пресечения выбирают.

Я вообще всяческих спецслужб крайне опасаюсь, робею как-то перед ними, и это мне самой в себе не нравится, но отказаться от общения с оными ещё меньше шансов, чем в случае с инопланетянами.

Тихий, вежливый человек позвонил мне вчера вечером и пригласил «зайти побеседовать». И вот теперь я ючусь на крайне жёстком и неудобном стуле – специально они, что ли, такую мебель закупают? – и хорошо ещё, что лампу в глаза мне не направили. Впрочем, мне и без лампы достаточно неуютно, так и хочется согласиться на всё что угодно, лишь бы скорее уйти. И никогда больше не приходить.

– Тогда, – благожелательно улыбнулся мне вежливый человек с ледяным взглядом, – буду с Вами откровенен.

Вот уж только этого не надо, – мелькнула глупая мысль, – меня ж потом никуда не выпустят. Впрочем, чего это я? Конечно, он не будет откровенен. Он, наверное, вообще ни с кем не бывает откровенным. Интересно, есть ли у него семья? И как он с женой и детьми разговаривает, если они у него всё-таки есть? Таким же тихим, невыразительным и одновременно вкрадчивым голосом?

– Вы же понимаете, что так долго продолжаться не может? – сказал он вдруг сурово, и у меня внутри что-то ёкнуло. Но говорил он не обо мне, к счастью. – Руане изо всех сил пытаются соблюсти равновесие, делятся технологиями со всеми сразу, да и делятся-то крохами… Это всё слишком неустойчиво, и рано или поздно перекос всё равно возникнет и, возможно, как раз благодаря этому совместному проекту! Понимаете?

Я аккуратно, даже, скорее, осторожно кивнула.

– Вы! – воскликнул человек, кажется, он представлялся Олегом Владимировичем, но точно не помню, мандраж от обстановки мешает сосредоточиться на деталях. – Именно Вы можете принести нашей Родине стратегическое преимущество, а значит, обеспечить безопасность, процветание и мир во всём мире, как бы пафосно это ни звучало!

От подобной чести мне стало здорово не по себе, я ж не совсем глупенькая, понимаю, что к чести прилагается огромная и совершенно мне не нужная ответственность. А хотя, наверняка, он всем так говорит. Точно. Выдыхай, Машуля. Ты же не думала, что в совместный проект можно попасть, минуя такую вот вербовку и проверку на лояльность? Признаться честно, я просто об этом совершенно не думала, но, разумеется, это очевидно, да. Так что ничего странного и никакой особой отве… Додумать я не успела.

– Вы чем-то приглянулись Киару! – доверительно-поощрительным тоном сообщил мой собеседник, и я напряглась. Нервно сглотнув, поправила волосы и переспросила:

– Киару? Кто это?

– В нашем языке нет аналога этому слову, поэтому мы используем их название. Признаться честно, для нас пока загадка, чем эти самые киару занимаются и за что именно отвечают, в привычную людям систему управления они не укладываются. Киару иногда вообще никакого участия в переговорах или принятии решений не принимают, а иногда что-то скажут, и всё, руане сделают именно так.

– А при чём тут я? – спросила с грустью, начиная догадываться, что синеглазый – тот самый киар или как его там, и от этого мои не самые добрые чувства к нему лишь окрепли.

– Вас не должны были взять в проект, Вы же сами это понимаете, – мягко пожурил меня мужчина. – Вы шарахаетесь от наших инопланетных друзей, совершенно не интересуетесь тематикой проекта… наконец, Вас даже расспросить ни о чём не успели – вмешался киару, и готово – Вы приняты.

– И теперь Вы хотите, чтобы я отдалась этому не пойми кому за какой-нибудь их инопланетный секрет? – мрачно предположила я, и тут же пожалела. Тон безнаказанным не остался.

– Мария Александровна! – смерил он меня выразительным взглядом и скривился. – Позвольте Вам напомнить, что мы тут не мои личные хотелки обсуждаем и не Ваши предпочтения, с которыми и так всё понятно – Никита Рекунов, а будущее нашей с Вами Родины, перед которой у Вас, как и у меня, есть определённый долг. И надо будет – жизнь отдадите, а не только… тело. Впрочем, – немного смягчил он тон, – это совершенно не обязательно, возможно, Вы добьётесь большего, дразня, но не даваясь, сами разберётесь. У симпатичных женщин интуиция в этом отношении работает блестяще. Итак, в первую очередь нас интересуют корабли…

Он говорил и говорил, а я сидела и обтекала, и была неожиданно

противна сама себе. Если сейчас сказать «нет», встать и уйти, то я никуда не полечу, это яснее ясного, хорошо ещё, если семью не тронут. Я не хочу проверять, насколько далеко они готовы зайти, некоторые угрозы не обязательно произносить вслух, они и так ощутимо витают в воздухе и угнетают. Согласиться же… Хоть это и немодно сейчас, но упомянутый долг перед страной я действительно ощущаю, и даже хотела бы что-то для неё сделать, однако ж выступать в роли шпионки и торговать собой – как-то не по мне… слаба я для этого. Не гожусь. Я лучше какое-нибудь научное открытие сделаю. Лекарство какое, может, изобрету…

– Итак, мы поняли друг друга? – вернулся к своей вкрадчивой интонации мой мучитель.

– Да, – ответила, не глядя на него. Интересно, кто на них шпионит? Будут ли этому невзрачному опасному человеку докладывать о каждом моём шаге там? Может, надо сделать вид? Или и правда попробовать сблизиться с синеглазым? Нет, я не смогу. Даже в дружеском смысле не смогу, он же такой… чужой. Не зря ведь мне так легко представляется медуза в человекообразном скафандре, и не по себе от одного присутствия этого Киару. Тогда что? Повести себя так, чтобы он сам разочаровался? А вдруг его интерес ко мне вовсе не как к женщине? Может, научный. А то и вовсе гастрономический…

Мне впервые начало казаться, что я влезла, а главное – продолжаю лезть, куда-то не туда в своей упорной погоне за Никитосом, но я эту мысль отогнала, и даже, можно сказать, загнала подальше. А уж после его звонка, настигшего меня буквально через полчаса, мои мысли вообще занимало совершенно другое.

Расстались с ним мы типа друзьями, и я прилагала поистине титанические усилия, чтобы не написать и не позвонить лишний раз, под совсем уж надуманным предлогом, а то и вовсе без оного. Навязываться – что может быть более жалким и противным. И вот, кажется, моя тактика дала плоды. Никитос звонит сам. Сердце моё исполнило какой-то запредельный кульбит, стоило только взглянуть на экран телефона, и я, разом забыв, куда шла, застыла в паре метров от родного подъезда, чувствуя, как начинают гореть щёки, а сердце после своего акробатического трюка бьётся где-то в районе горла.

– Привет, – сказала в телефон, чувствуя, как по лицу расплывается идиотская улыбка. Позвонил! Наконец-то осознал, что я нужна ему!

– Привет, Машуль, – откликнулся Никитос, и я аж зажмурилась от предвкушения. Он не разочаровал. – Я недалеко от твоего дома, можно мне зайти? Надо кое-что обсудить.

Так. Зайти… зайти ко мне домой, прямо сейчас? Нет! Нельзя домой. Во-первых, у меня в комнате бардак, а идеальные девушки живут в идеальном порядке, а во-вторых, дома брат. И этот дурак точно всё испортит, всю романтику момента, будет подслушивать, тупо шутить и ржать. Не то чтобы он совсем был безнадёжен, но явно застрял в том возрасте, когда ещё дразнят «тили-тили-тесто» и совершенно не способны на красивые жесты. Да и Никита ему не нравится, особенно после того, как мы расстались. Так что нет, домой – не вариант.

– Давай в кафетерии? – предложила я, вовремя одумавшись и опустив характеристику «в нашем». Не стоит упрощать ему задачу. Если хочет меня вернуть, пусть постарается как следует.

– Ок, через десять минут буду там. Давай, пока! – покорно согласился на мои условия мой, надеюсь, одумавшийся возлюбленный.

Я постояла ещё пару секунд, блаженно лыбясь в телефон, а потом со всех ног бросилась домой. Надо помыть голову, накраситься и решить, что надеть! Я должна выглядеть ослепительно! Или нет… лучше, нежной и ранимой. Или всё же уверенной и самодостаточной?

Лихорадочно собираясь, не могла удержаться и рисовала в своём воображении наш предстоящий диалог. Вот я вся такая красивая, нежная и хрупкая смотрю на него совершенно невинными глазами: «Привет, что случилось?», а он… он говорит: «Прости меня, я был идиотом, я безумно тебя люблю и хочу прожить с тобой всю жизнь!», опускается на колено и вытаскивает кольцо…. стоп! Зачем мне кольцо? Я же не готова пока замуж…. а-а-а, ладно, пусть будет кольцо, главное, чтобы он мечтал жениться, а там разберёмся. А кольцо… м-м-м, с бриллиантом? Бриллиантами? Точно! Вдруг он все эти два месяца копил на кольцо?! Ну ладно, не два, но хотя бы полтора. Ладно, всё-таки с кольцом я загнула…. пусть будет просто букет. Огромный букет из ста… ну ладно, из пятидесяти одной розы. И на колено пусть обязательно встанет… Вот блин… то есть, экая незадача, глаза плохо накрасила! Придётся смывать и переделывать, это всё из-за спешки, я, конечно, опоздаю, девушкам так вроде и полагается, но больше, чем на двадцать минут как-то стрёмно… вдруг он впадёт в отчаяние и уйдёт? Да и жестоко это, так томить изнывающего от любви и неопределённости мужчину. Надеюсь, изнывающего. И, надеюсь, именно от любви.

Так вот…. он мне скажет: «Прости идиота», а я… а что сделать мне? Сказать, что прощаю, но не могу ему больше верить? Давить на то, как мне было больно, когда он ушёл? Просить время подумать?

Просто броситься на шею – точно не вариант. Я, конечно, дам ему

надежду, но если сразу всё простить, он же решит, что можно так вот постоянно уходить-приходить…

Так и не решив толком, как же надо себя вести, и не добившись идеального макияжа, но опоздав на двадцать семь минут, я всё же появилась в кафетерии.

Увы, реальность и ожидания снова разошлись. Никитос был без букета. Не веря своим глазам и не желая отказываться от красивой фантазии, я, перед тем как усесться напротив, заглянула через стол и даже под стол – чем чёрт не шутит, ни-че-го. Как так? Забыть или просто не подумать он не мог, только не Никита, уж что-что, а ухаживать он умел. Кажется, я поторопилась с выводами и мечтами, – призналась сама себе, ощущая, как настроение моментально упало. Честно говоря, я расстроилась почти до слёз, сама не ожидала. Что же ему тогда от меня надо? Зачем дёргает?

– Машуль, – сказал Никитос, гипнотизируя меня своими красивыми тёмно-карими глазами. – У меня к тебе просьба. Вернее, предложение.

Робкая надежда встрепенулась во мне при слове «предложение», но здравый смысл, щедро приправленный пессимизмом и только что пережитым разочарованием, которое я сама себе и устроила, намечтав с три короба на пустом почти месте, мгновенно эту надежду удушил. Ну, почти удушил.

– У тебя ведь «отлично» по руанскому языку? Можешь со мной позаниматься?

Я немного воспряла духом. Ну конечно. Он просто, наверное, слишком гордый, чтобы признаться, или же думает, что я не прощу. А может, решил, что я уже остыла и теперь пытается найти способ снова меня покорить, вот и придумал эту фишку с репетиторством… или сам ещё до конца не понял, но его ко мне тянет!

– А в чём предложение? – улыбнулась я, доброжелательно, но ровно, по крайней мере, очень старалась.

– Я отдам тебе свой байк через месяц, когда уеду. Он ведь тебе нравится? А! Ты же, наверное, ещё не знаешь! Я попал в этот совместный проект с руанцами, представляешь?!

«С руанами», – мысленно поправила я его. И, конечно же, знаю.

– Да ты что?! Я тоже! – с восторгом сообщила вслух, правда, моя улыбка быстро померкла – никакой особой радости на лице моего собеседника почему-то не отразилось. Наоборот, мне показалось, что промелькнуло что-то такое… как будто мы не влюблённые, а соперники-конкуренты, и он уже думал, что обошёл меня на повороте, прибежал на

финиш из последних сил, запыхавшись и выдохнувшись, а там – я, бодрая, весёлая и предлагаю ещё ради удовольствия пару кругов намотать. Да нет, не может быть. Я просто сама слишком эмоциональная, вот и жду, что другие будут реагировать так же…

– Круто, – с непонятной мне интонацией сообщил Никита, глядя куда-то в сторону. – Ну так что, поможешь? Правда, – он улыбнулся и вновь взглянул на меня, – не знаю теперь, что тебе и предложить. Байк же тебе, выходит, не нужен?

Байк мне был, разумеется, ни к чему. Если честно, то и симпатию к этому транспортному средству я испытывала исключительно постольку, поскольку мне очень нравился его хозяин. И всё. Ничего личного к самому байку.

Но маячившие впереди регулярные встречи с возлюбленным сами по себе были для меня наградой.

– Ничего, – улыбнулась я ему в ответ. – Что-нибудь придумаем!

– Слушай, Машуль, а как ты вообще в этот проект-то вписалась? – вдруг заинтересовался Никитос. – Ты же их это… терпеть не можешь, вроде?

Не знаю почему, но мне сделалось как-то неприятно. Нет, Никиту я вроде бы ни в чём упрекнуть не могла, действительно, говорила ему как-то о своей неприязни, и удивление его вполне объяснимо и оправдано… И всё же, всё же, всё же… Оттого, возможно, что почудилось мне в этом вопросе «и как тебя только взяли, такую убогую?». Но нет, вряд ли, вряд ли…

– Да нет, – постаралась как можно спокойнее, даже немного лениво, пожать плечами. – Нормально я к ним отношусь.

Терпеть могу, как выяснилось! – добавила строго про себя. Но мой собеседник не удовлетворился.

– Да ладно, – как-то слишком простодушно заявил он, в упор не желая замечать, что обсуждать эту тему мне совершенно не хочется. – Помнишь, мы кино смотрели? Ну, там где девушка с инопланетянином связалась… ты ещё говорила, что ни за что бы не смогла, и вообще, смотреть на это даже не можешь – противно.

Я помнила. Мне и вправду было тогда не по себе, стоило только представить себя на месте героини… но Никитос-то к чему это вспоминает? Может, ревнует меня к синеглазому? Хотя откуда ему знать, что я в проекте исключительно благодаря этой неожиданной протекции. Тогда что? Может, опасается, что я там найду себе инопланетного бойфренда? Совершенно напрасно. Он один в моём сердце и в мыслях моих.

– Ты же не будешь отрицать, что такое было? – полушутливо спросил Никита, и я неохотно признала:

– Возможно, не помню. – И поспешила перевести фокус на него – говорить о себе он очень даже любит, как и все мужчины. – А тебе зачем этот проект?

– Почему бы и нет? – ушёл от ответа мой будущий ученик. – Ладно, Машуля, мне пора бежать. Завтра вечером заскочу на урок, идёт?

– Идёт, – растерянно сказала я, начиная чувствовать себя глупо. Стоило ли сорок минут готовиться, лихорадочно менять платья и править макияж, чтобы через семь минут уже разбежаться? Впрочем…

– Ты, кстати, ни с кем не встречаешься? – спросил, уже поднявшись из-за стола.

– А что? – ещё больше растерялась я, мечтая передать интонацией, что у меня куча поклонников и я вот-вот начну с кем-нибудь роман. Но, кажется, вместо этого получилось кичливо-капризно. Эх.

– Так, – улыбнулся Никита и склонился, чтобы поцеловать меня в щёку. – Выясняю, не будет ли какой ревнивец устраивать разборки. Всё, до завтра, красавица.

Красавица, – мысленно повторила я, чувствуя, как против воли начинаю совершенно по-идиотски улыбаться. Кажется, мы на верном пути. Он ищет со мной встреч, делает комплименты и, вероятно, даже ревнует. А раз так, то все инопланетяне и всё спецслужбы Вселенной мне нипочём.

– Молодой человек, – поймала я официанта, – принесите мне, пожалуйста, ваш фирменный коктейль.

Есть что отметить!

Глава 3. Маша и неожиданности

Оргсобрание открыло для меня много нового. Например, что проект на два года, а я ведь даже ничего ещё не сказала родителям, и, честно говоря, плохо представляю, как им сообщить, что их дочь летит с какими-то инопланетными существами куда-то в далёкий космос, чтобы там осваивать или исследовать какую-то планету. А ведь это, наверняка, подразумевает отсутствие элементарных условий! А вдруг нас там вообще оставят?! Вдруг это билет в один конец, и мы не разведчики, а невольные переселенцы, которые просто об этом ещё не знают? Может, не зря они набирают много молодёжи… Эх. На какой только риск не пойдёшь ради любви!

Вот интересно, кстати, с чего это руане решили осваивать какую-то планету вместе с нами? Почему не сами? Подозрительно это всё!

А вчера приходил Никитос. И – неожиданно для меня – оказывается, у него с руанским языком полный швах… ну или он уж очень искусно притворялся и сильно переборщил. Зато спрашивал, как сказать «ты очень красивая!» и «я скучал!». Это ведь намёки были, правда? И теперь я еле удерживалась, чтобы не оборачиваться ежесекундно – он сидел на пару рядов дальше, чем я. Останавливала меня гордость. И, как ни странно, взгляд пронзительно-синих глаз. Почему-то становилось неловко вертеться на виду у этого киару, или как там его. Да и вообще, под его взглядом в принципе становилось здорово не по себе, вертись-не вертись уже не так и важно… И чего он на меня глазеет, спрашивается? Мне ведь сразу лезут в голову грязные инсинуации этого агента спецслужб, который меня вербовал, и становится совсем тревожно.

Синеглазый и впрямь всякий стыд потерял, сидит и смотрит-смотрит-смотрит… А я бы и хотела набраться наглости, чтобы ответить ему на взгляд, может, и бровь – одну, я умею – вопросительно приподнять, а как-то не выходит. Сижу, смущаюсь, нервничаю и ёрзаю, прямо как подросток. «Ну хватит, не смотри на меня, ну пожалуйста!» – мысленно взмолилась я, а когда осмелилась вновь посмотреть на синеглазого, он смотрел в другую сторону. И почему это меня не обрадовало, я так и не поняла. И на Никитоса больше не оборачивалась, почему-то расхотелось.

Прибытие на планету предполагалось в три этапа, первая группа – самая малочисленная, должна была отправиться уже через месяц, вторая и третья – через полтора и два соответственно, и мне каким-то образом…

хотя я, кажется, точно знаю каким, повезло оказаться в первой группе. С киару. А Никитос – в третьей, и я ему даже завидовала, правда, недолго, ровно до того момента, как он подсел ко мне, схватил меня за руку и выдал:

– Поменяйся со мной!

Вот если бы он сказал «поменяйся, чтобы быть в одной группе со мной», я бы тут же и с радостью. Но нет. Разные группы его, кажется, не волновали, и во мне встрепенулись обида и вредность.

– Зачем? – спросила я, не торопясь, впрочем, выдёргивать свою ладонь.

Ответить он не успел, на нас зашикали соседи, и Никитос вернулся на своё место. А я со вздохом посмотрела на свою руку, ещё помнящую тепло его ладони, и попыталась сосредоточиться на информации о предстоящем путешествии. Но мысли упрямо вертелись вокруг Ника, его прикосновений и его странной просьбы. Кое-что я, правда, всё-таки услышала и запомнила: каждая группа будет ещё несколько раз встречаться до отлёта, и окончательное решение о составе участников будет принято по итогам этих тренингов-тимбилдингов. Прямо это не было сказано, но отчётливо читалось между строк – финальный состав будет куда менее многочисленным.

Когда собрание закончилось, я сделала над собой усилие и не стала оборачиваться на Никиту, искать его глазами, медлить или ещё каким-то образом пытаться инициировать с ним диалог. Во-первых, ему от меня что-то надо, так что обратится сам, во-вторых, у нас послезавтра урок руанского языка. Так что никуда пока не денется. И точно.

– Маш! – окликнул он меня, едва я вышла за дверь, и, догнав, снова схватил за руку. Я послушно остановилась. – Пожалуйста, давай поменяемся! Подумай сама – это же может быть опасно! А ты у меня такая нежная, хрупкая… тебе же будет тяжело! Зачем тебе такие испытания? Машуля… Ну давай поменяемся!

Я уже почти растаяла, всё-таки Никитос знает, с какой стороны подойти, и тон у него такой нежно-заботливый сделался, и слова он подобрал правильные, ласкающие мой слух: нежная, хрупкая… «у меня»! И хочется согласиться, ведь, в конце-то концов, что я улечу в первой группе, а он в третьей, что наоборот – всё равно на месяц мы расстанемся, а построить отношения на вредности вряд ли выйдет, надо, наверное, уступить… тем более, он просит так ласково и проникновенно… Да, уступлю.

– Никита… Рекунов, – прозвучал вдруг рядом холодный голос. – Вы просите девушку о невозможном. Она не может с Вами поменяться, так как

я и только я решаю, кто будет в первой группе. Если Вас не устраивает третья группа, Вас никто не держит.

Я не смотрела на синеглазого – а это был он, кто же ещё, вот ведь наказание моё персональное, но почему-то точно знала, что он сейчас смотрит на наши с Никитой руки, притом смотрит весьма неодобрительно. И точно.

– И отпустите уже, пожалуйста, девушку, – всё так же холодно, но, пожалуй, уже даже немного зло добавил киару.

Ник отпустил. И, не сказав мне ни слова, бросился вслед за направившимся обратно в аудиторию синеглазым инопланетянином. Видимо, будет уговаривать теперь его. Чувствуя себя до крайности глупо, я ещё некоторое время побродила по коридору, а потом, разозлившись на всех: на себя – за то, что жду Никитоса, на него – за то, что сбежал, ничего не сказав, на синеглазого – за то, что вмешался и делает вид, что не помнит моего имени, а я уверена, что помнит, отправилась домой.

А на следующий день на наш «урок» Никитос пришёл в таком виде, что я чуть сознание не потеряла. У него был фингал, рассечена бровь и щека, даже швы наложены, а левая рука так вообще в гипсе.

– Ох, – только и смогла сказать, открыв ему дверь. Хорошо ещё, что родителей и брата нет, а то охов было бы куда больше… – Что…Что произошло?

– А на что похоже? – почти беззлобно огрызнулся он.

– На избиение, – честно и растерянно признала я.

– Бинго! – попытался улыбнуться, но тут же болезненно скривился Никита. – У меня проблемы, Машуль.

– У меня большие проблемы, Машуль, – повторил он, сидя на кухне и наблюдая, как я хлопочу, заваривая запрошенный зелёный чай. – Такие большие, что мне желательно скрыться не только из города, но и вообще с этой планеты. Вот зачем мне в этот проект. И вот почему мне очень надо в первую группу. Каждый лишний день уменьшает мои шансы остаться живым… ну или, как минимум, здоровым.

– О Боже… – прошептала я, присаживаясь, и машинально отпивая из кружки, которую налила для Никиты. – Боже, Боже мой… Конечно, я поменяюсь! Что же ты сразу не сказал?! Но ещё же всё равно целый месяц… как же?.. Как же быть?

– Увы, – снова скривился Никита. Я не могла спокойно смотреть, как его перекашивает, у меня сердце кровью обливалось, а к глазам подступали слёзы, но я держалась, старалась лишний раз не охать и даже не вздыхать. –

Киару непреклонен, меняться нельзя. И дополнительно в группу он меня тоже не возьмёт.

Никита горько вздохнул, и я тоже.

Как такового занятия у нас в этот раз не получилось, я постоянно скатывалась на вопросы, и кончилось всё тем, что Никита же меня и утешал. Но как он так вляпался, рассказывать не стал.

Когда он ушёл, я в панике заметалась по квартире. Сердце у меня было не на месте, и мозги, как потом выяснилось – тоже. Мне почему-то вдруг показалось логичным и правильным, да что там, жизненно необходимым и единственно верным, отправиться к киару и уговорить его взять вместо меня Никиту. Да, я готова была не полететь и потерять Никитоса на долгих два года, если не навсегда, лишь бы жил. Да и, признаться честно, ощутила некоторое облегчение при мысли, что мне не надо будет никуда лететь. Всё-таки некомфортно мне от предстоящего близкого соседства с ними, инопланетянами.

Но где его искать, этого загадочного киару? До нашего тренинга-тимбилдинга ещё неделя, да и непонятно, будет ли он там… Надо найти его раньше, ведь за неделю я вся изведусь от тревоги за Никиту и чувства вины, что не согласилась сразу поменяться. Сомнений, что я смогу уговорить киару, у меня почему-то не возникало. А ведь должны были, особенно учитывая наш предыдущий опыт общения. Но молодость самонадеянна, так что, полная уверенности в собственных силах и даре убеждения, я сосредоточилась на поисках информации.

Обшарив весь сайт проекта, узнав, кстати, при этом много нового, но бесполезного сейчас, я всё же отыскала контакты киару. Будем надеяться, что это именно этот киару, а то мало ли… Хотя «контакты» – это громко сказано, всего лишь номер телефона, скромный и безликий, как и сам титул его владельца. И тут на меня напал ступор. Казалось бы, что может быть проще – взять и позвонить. И даже не надо ничего говорить по телефону, ничего такого, просто вежливо попросить о встрече, а уже там, лично, озадачить его своей жизненно-важной просьбой. Но нет, никак. Я несколько раз набирала номер и стирала, так и не нажав «позвонить», и уже даже начала ненавидеть и презирать саму себя за такое слабоволие, но потом решила, что звонок только испортит дело. Он ведь, наверняка, откажется со мной встречаться, может, и разозлится ещё, что я его достаю по телефону… Нет. Мне надо отыскать его лично… но где? Подкараулить возле университета? Кто ж знает, когда он там появится… А где ещё? Где они вообще живут-то, наши инопланетные друзья? Что там говорит по этому поводу всезнающий интернет?

Интернет мне действительно помог, даже несмотря на мой по-дурацки сформулированный запрос: «где можно встретить инопланетянина», а может, даже и благодаря ему – третья же ссылка была на благотворительный вечер, на котором обещали возможность лицезреть руанскую делегацию в почти полном составе. Значит, дело за малым – надо туда попасть, тем более что это уже завтра.

Увы, но «малое» оказалось очень даже немалым. Двадцать тысяч за билет. Двадцать! Тысяч! Это больше, чем пять моих стипендий или же зарплата за месяц подработок… И за что? За сомнительное удовольствие любоваться на постные руанские лица или же, если очень повезёт, перемолвиться парой слов с кем-то из них? Да я это всё бесплатно имею, и даже рада была бы кое от чего избавиться!

Я уже почти закрыла страницу этого бесстыже дорогого вечера, чувствуя себя оскорблённой такими расценками, но тут перед глазами возник скривившийся от боли и баюкающий сломанную руку Никитос… и я купила билет, потратив почти все деньги со своей карточки. Не буду говорить, что не испытывала сожалений, но что такое двадцать тысяч в сравнении с жизнью любимого? Пшик, и не более того.

Всегда ли приятно чувствовать себя особенной? Правильно. Далеко не всегда. А я абсолютно точно сейчас особенная: среди всех тех, кто съезжается к месту проведения этого невероятно дорогого мероприятия, я единственная добираюсь на метро. И в самом деле, отдав за билет двадцать штук, стоит ли экономить тысячу на такси? Надеюсь только, не начнётся дождь, а то и так жалкое подобие причёски на моей голове совсем разрушится. Да и платье забрызгать не хотелось бы, его я позаимствовала у подруги, как и туфли, которые для ходьбы, похоже, не предназначены. Ну или это у меня ноги не такие. Потому что идти в них – мучение. Я даже сказку про русалочку вспомнила, кажется, ей тоже было больно ходить, и пошла она на это ради любимого, как и я.

Уф. Ну наконец-то. Надеюсь, с фейс-контролем проблем не будет? А то вдруг по мне видно, что я и рядом с такими деньгами не стояла… вот разве что теперь постою. Или что я инопланетян уже почти ненавижу, причём, в основном за неудобные туфли и дорогой билет, хоть и нечестно и бессмысленно в этом их винить…

Странно, но меня пропустили. Сама себя я бы точно развернула, наверняка же видно, что девушка немного не в себе – лихорадочно оглядывается, ругается под нос и периодически припадает на одну ногу – каблук, зараза, подворачивается. Хотя за двадцать-то тысяч… И с чего я

взяла, что к этому платью обязательно нужны каблуки? Хотя дома туфли вели себя куда приличнее… Да и что уж теперь.

Вокруг было много нарядных людей, много еды, несколько инопланетян… и ни одного синеглазого киару. Я обошла весь зал, целых три раза в одну сторону и четыре в другую, шла медленно, внимательно присматриваясь ко всем. Перепробовала большую часть представленного фуршетного меню, тоже совершенно не торопясь и даже смакуя. Отшила нескольких возжелавших знакомства человеческих мужчин. А синеглазого киару всё не было видно. И, промаявшись два часа, я, наконец, призналась себе в очевидном, но страшном: он не появится. Я выбросила двадцать тысяч просто так. Бестолковая и невезучая я. Бедный и не менее невезучий Никитос.

Надо было уходить. Быстрее, пока я окончательно не превратилась в тыкву: не сломала каблук, не разревелась и не опрокинула на платье один из этих замысловатых коктейлей, которые так и напрашивались ко мне в руки. До этого момента я строго воздерживалась от представленного тут в изобилии алкоголя – не хотела, чтобы у киару был предлог подставить под сомнение серьёзность нашего разговора. Разговора, который, похоже, не состоится. От последней мысли глаза защипало, и я заторопилась из зала, чувствуя, как к уже подступившим слезам добавляются новые, и понимая, что не справлюсь и всё же зареву. А делать это, ясен пень, лучше в туалете, там и эти дурацкие туфли можно будет снять, хоть какое-то облегчение и радость в этот гадкий вечер.

– По лестнице вниз, налево, первая дверь, – любезно подсказал мне официант, и я, стараясь вытирать слёзы так, чтобы не размазать тушь, направилась к лестнице.

Вверх, налево… а вот и дверь. Толкнула я её уже со всхлипом, сделала шаг вперёд и тут же отступила назад, заморгав от яркого света и пискнув «Извините!». Это был не туалет. И табличка на двери «Зал „Неаполь“» об этом предупреждала весьма недвусмысленно. Где были мои глаза? И где была моя голова, когда я пошла наверх? Вниз! Он ведь точно сказал «вниз!». Ох! Обозвав себя слепой курицей, побрела обратно к лестнице, по пути не выдержала и остановилась снять туфли. Правая далась легко, а застёжку левой заклинило, и я, чертыхаясь и закапывая слезами пол, возилась с ней слишком долго…

– Мария Романова, Вам помочь? – ну конечно, если киару и появляется, то в наихудший момент.

Я поспешно выпрямилась, а он подошёл ближе. Видимо, он был в этом зале, куда я сунулась, там вообще много народа было, я толком и не

рассмотрела никого, а вот синеглазый успел меня заметить. И почему-то выскочил за мной. Интересно почему?

– Мария? – удивительно, но прозвучало как-то даже мягко. И растерянно. – Что у Вас случилось? И… что Вы тут вообще делаете?

И посмотрел на правую туфлю в моей руке. Видимо, в поисках ответа.

Я всхлипнула и не нашлась, что сказать. Дурацкая ситуация. Дурацкая! Неловкая! Стыдная! Невыносимая!! Сейчас просить совершенно невозможно. Хочется просто извиниться за свой нелепый вид и исчезнуть. Как-нибудь. Желательно моментально. Провалиться. Испариться. Телепортироваться. Только бы не стоять больше под этим пристальным взглядом!

– Я отвезу Вас домой, – вдруг сказал он, и я кивнула, удивляясь, насколько нереальным становится этот вечер. Но отказаться бы не смогла, даже если бы и не разыскивала здесь именно его.

Мы оба снова посмотрели на туфлю в моей руке. И на мои ноги.

– Вам помочь одеться… или раздеться? – спросил киару, кажется, немного даже смутившийся от двусмысленности своего вопроса. Или это я смутилась за нас двоих.

И – вот откуда только наглость взялась? – молча протянула ему туфлю, чтобы тут же ощутить себя Золушкой – киару опустился на колено и ловко пристроил это орудие пыток на мою многострадальную ногу. Поднявшись, предложил руку: «Идёмте?».

И мы пошли. Молча. И за это молчание я была ему благодарна, пожалуй, больше всего.

Заговорил он только, когда мы уже сели в машину.

– Адрес?

Я назвала, и снова повисла тишина. Мягко урчал мотор, пожирая километры, и казалось бы – вот оно, самое время заговорить о своей просьбе, но… но. Почему-то я медлила. То ли трусила, то ли момент подходящий ждала, сама не знаю, надеюсь только, что вздыхала не очень громко. Чувствовала я себя при этом до крайности глупо – отыскать киару ценой двадцати тысяч и не то чтобы невероятного, но сильного позора, а потом не осмелиться озвучить просьбу – это всё равно что купить абонемент в бассейн, забраться на вышку и никак не решаться прыгнуть. Так же по-идиотски и так же необдуманно.

До моего дома мы доехали до безобразия быстро, я так и не решилась заговорить, а теперь… теперь будет совсем странно: «Спасибо, но у меня к Вам ещё просьба!» – слишком нагло даже для меня. Ну, вот и всё. Машина остановилась, и её синеглазый водитель вопросительно на меня смотрит.

– Спасибо, – сказала я. И осталась сидеть, глядя прямо перед собой, но ощущая на себе его взгляд. И понимая, что он всё больше удивляется, чего это я сижу. Сейчас попросит выйти – подумала я и, вздохнув, ухватилась за ручку на двери, как бы сообщая ему, и в первую очередь себе, что никуда не пойду.

– Мария? У Вас что-то случилось? Я могу помочь? – верно истолковал мои невербальные сигналы киару.

– Возьмите Никитоса… Никиту Рекунова в первую группу. Пожалуйста! – выпалила я, посылая своему собеседнику умоляющий взгляд. И добавила уже куда тише и неуверенней, так как выражение синих глаз из сочувствующе-обеспокоенного стало непреклонно-холодным. – Можно вместо меня…

– Нет, – негромко, но как-то очень весомо сказал киару и, заглушив мотор, повернулся ко мне.

– Пожалуйста, – сказала я и сама поняла, что звучит неубедительно и жалко.

– Вы для этого пришли на благотворительный вечер? Искали там меня, чтобы попросить за Никиту Рекунова? – вроде бы ровным голосом спросил он, но я хорошо поняла, что инопланетянин обо всём этом думает. Что я – дура, и, наверняка, что мне в проекте не место. Ну и пусть.

– Да, – выдохнула, чувствуя, как ни странно, облегчение. Прыжок с вышки я совершила, теперь остаётся только надеяться на удачное приземление.

Киару вздохнул. Взглянул на отчаянно вибрирующий телефон и, сбросив вызов, снова посмотрел на меня. Увиденное ему, похоже, не понравилось – он чуть нахмурился и произнёс скорее утвердительно, чем вопросительно:

– Не понимаете, почему нет.

– Не понимаю, – упавшим голосом призналась я, впрочем, не теряя ещё надежды его переубедить. Сейчас выслушаю почему «нет», и найду аргументы, чтобы «да».

– У Вашего… протеже явно какие-то проблемы, раз он так рвётся скорее улететь. При этом он плохо знает язык, и его специализация отнюдь не уникальна, да и профессионализм Рекунова вызывает у меня вопросы. Я вообще его в проект не возьму, не то что в первую группу. Подумайте сами, Мария Романова, зачем мне в проекте посредственный специалист с сомнительными принципами и большими проблемами?

– Но… – сказала я и с ужасом поняла, что возразить-то особо и нечего. Аргументов, чтобы «да» не нашлось. Разве что пригрозить, что я не выйду

из машины, пока он не передумает, но это как-то уже совсем несерьёзно. Никитка действительно с руанским не очень дружит, да и специальностью своей «не горит»… Разве что про принципы возразить?

– К тому же, – презрительно прищурился киару, – то, что он посылает девушку решать свои проблемы, тоже характеризует его как человека, который нам не подходит. Вас проводить до квартиры?

И я с ужасом поняла, что всё испортила. До того, как я решила влезть со своей дорогостоящей и совершенно неудачной попыткой помочь, у Никиты ещё был шанс, теперь же… теперь я донесла киару о проблемах моего любимого и создала ему репутацию человека, прячущегося за женской юбкой.

– Он не посылал меня… я сама, – мрачно произнесла, ненавидя себя в этот момент, и упрямо не замечая намёков, что мне пора.

– Любите его, – как-то укоризненно сказал синеглазый. – Из-за него и едете. Так?

– Так, – тихо согласилась я. Потерять своё место в проекте я не боялась, естественно. Без Никиты я и сама не полечу. – И не прощу себе, что навредила ему, пытаясь помочь.

Киару молча вышел из машины, обошёл её и открыл мне дверь.

– Выходите, Мария. – И, когда мы дошли уже до подъезда, добавил. – Я возьму Никиту Рекунова в первую группу, если Вы пройдёте туда по итогам финального отбора.

Сказал и направился обратно к машине. Попрощаться ему, естественно, в голову не пришло.

– Спасибо! – крикнула я в инопланетную спину. Не знаю, услышал или нет.

Утром следующего дня мне на карточку вернулось двадцать тысяч, и я почему-то разрыдалась вместо того, чтобы обрадоваться.

Глава 4. Маша пробует себя в слежке

Кажется, к моей ксенофобии, которая, впрочем, немного потускнела и подзабылась на фоне последних событий – всё же киару повёл себя восхитительно, и настолько, что это даже подозрительно, но сейчас не об этом… Так вот, к моей ксенофобии добавилась паранойя. Мания преследования или что-то в этом роде. Мне стало казаться, что за мной следят. Нет, ничего конкретного я не замечала, и в этом-то всё и дело. Мне было бы куда легче, заметь я, что за мной неотступно следует одна и та же машина, например, или что мне попадается часто навстречу одна и та же старушка, и это не наша соседка сверху… увы. Было только какое-то странное чувство, и оно заставляло присматриваться ко всем и вся, дошло до того, что когда со мной попытался на улице познакомиться молодой человек, а я отшила его стандартным «Я замужем!», разве что произнесённым более резко, чем обычно, мне показалось, что он сейчас укоризненно выдаст: «Мария Александровна! Ну что Вы врёте! Да я Ваше досье, как свои пять пальцев знаю!». Но нет. Он просто стушевался и отстал, а я ощутила минутную неловкость и даже вину.

Никитос не показывался ни в одном из мессенджеров, вчерашнее занятие пропустил, и я грустила. Про отмену занятия он сообщил как-то странно-отстранённо, хоть и уверял, что всё в порядке, из чего я сделала вывод, что он там с девушкой, и это всё меня неимоверно печалило. А пуще всего – конфликт собственных желаний. С одной стороны, на Никитоса я обиделась, и хотелось проявить гордость – отказаться заниматься с ним вообще, и пусть бы за мной бегал, если ему надо. С другой – при мысли, что у меня не будет повода его увидеть, а значит, будет и меньше шансов вернуть, отмена одного занятия уже не казалось таким уж ужасным проступком.

Словно этого было мало, в мои мысли ещё постоянно влезал киару. Проявись он как-нибудь в моей жизни после того благотворительного вечера, будь он (вечер) неладен, я бы сделала вывод, что синеглазый пал жертвой моего обаяния, что, конечно, странно, но вполне возможно, и успокоилась бы насчёт его мотивов, но он не появлялся и никак не давал о себе знать. Не искал встреч, не слал цветов и подарков, о которых мне, надо признать, успело немного помечтаться. Всё же машина у киару – вау! А богатых парней, как-то так сложилось, у меня никогда не было. Так что хотелось, хотелось мне испытать, каково это, когда тебе приносят сто одну

розу каждый день, или что-то в этом роде. О более дорогих подарках – машина и драгоценности я не помышляла, ибо отвечать инопланетянину взаимностью категорически не планировала. Но он и малых моих ожиданий не оправдал, так что я нет-нет, да и возвращалась к вопросу: а что ему от меня надо, этому синеглазому? И надо ли вообще?

До первого тренинга было ещё два дня, я маялась от безделья и тосковала по Никите, и, должно быть, именно это толкнуло меня на поиски приключений. Я вдруг решила за ним проследить. За Никитой, конечно же, киару-то мне зачем? А-а-а, вот опять в мыслях вертится. Вот же ж… А если Никита так и не выйдет из дома? Или наоборот, уже давно ушёл, а я как идиотка буду караулить его у парадной в этой огромной соломенной шляпе и громадных тёмных очках, делающих меня похожей на стрекозу? Не знаю, почему я их купила, поддалась, наверное, общей моде, но теперь вот пригодятся. С другой стороны, сидеть дома всё равно скучно и невыносимо, а так хоть прогуляюсь.

Где-то на периферии сознания маячила мысль, что это может быть опасно, если у Никитоса проблемы, то как бы и мне не вляпаться, но… во-первых, молодости свойственно быть оптимистично-беспечной, а во-вторых… я буду осторожна. Никто даже и не поймёт, что я слежу. Я ведь совсем немножко. Просто посмотрю на него и пойду. А для маскировки возьму с собой альбом для рисования, мне давно пора попрактиковаться в набросках, так почему бы не сделать это у парадной Никиты Рекунова. Тьфу ты. Чего это ко мне повадки киару прилипают? Это ж в его стиле – имя плюс фамилия. Как будто возле него с десяток Марий толчётся… хотя, может и толчётся. Всё же экзотика. Ну и пусть толкутся, мне-то что? Мне не надо.

Собиралась я в приподнятом настроении, не хотелось признаваться в этом, но шанс увидеть Никиту бодрил и будоражил, как и само приключение. Я даже решила, что если за час, пока сижу в засаде у его подъезда и рисую, он не появится, то я зайду навестить. Чисто по-дружески, разумеется. Надо будет только придумать, где оставить эту идиотскую шляпенцию, в сумку она не влезет вообще никак.

По дороге к дому Никиты – он жил всего в получасе ходьбы от меня, а день был чудесно-летним, так что шла я пешком, я боролось с проснувшимся во мне духом авантюризма, который вкупе с и так набиравшей силу манией преследования, требовал провернуть какой-нибудь киношный финт, чтобы уйти от слежки. В магазин там зайти, или в кафе, и выскочить через чёрный ход. Или вскочить в уходящий автобус, в метро нырнуть, в конце-то концов… но я держалась. Потому что за тем, кто

один раз улизнул от слежки, будут потом следить куда пристальнее. Так что просто так, из спортивного интереса и неуёмной жажды приключений, нарываться не стоило. Определённо не стоило.

Итак, что бы такое нарисовать? Кусты и скамейку напротив уже нарисовала. Ничего интересного. Хочется рисовать людей, а они появляются редко, всё же середина дня… могу нарисовать Никитоса по памяти, но как-то не вяжется это с маскировкой… может, брата нарисовать? Или Таньку? Или… Вот ведь засада. У меня почти буквально чесалась рука от желания нарисовать синеглазого киару. И, поборовшись с собой ещё несколько минут и воровато оглянувшись – мало ли во-о-он в тех кустах кто-то сидит-подсматривает, я принялась рисовать. Меня словно прорвало. Вот он сидит за столом в приёмной комиссии, вот выгоняет меня из кабинета, а тут наоборот – смотрит сочувственно, а здесь – помогает надеть мне туфельку, а вот – профиль, когда он вёл машину. Я чуть не пропустила объект наблюдения, увлёкшись наброском киару в машине, но всё же вовремя подняла глаза, повинуясь какому-то внутреннему импульсу.

Никитос вышел из подъезда, но вышел не один. Чудом поборола инстинктивное желание вскочить, захлопнув альбом, и окликнуть его, или же броситься следом. Первое было бы, кажется, опасным, а второе – ещё и бесполезным. Никиту сопровождала пара мужчин в серых костюмах, и прошли они к неприметному тёмно-синему автомобилю. В каком-то ступоре я наблюдала, как мой возлюбленный садится в машину на заднее сиденье, и та стремительно уезжает. К такому повороту событий я оказалась совершенно не готова, и лишь когда машина скрылась, я поняла, насколько я тормоз и идиотка. Надо было его всё-таки окликнуть, ну мало ли, что он шёл сам, а не вели его, заломив ему руки, это же ни о чём не говорит! Может, ему пистолетом пригрозили. Или семьёй шантажировали. Ну ладно это, но хоть номер машины могла бы запомнить! А то и записать! Ан нет, стояла, ворон считала… У-у-у! Зла на саму себя не хватает!

И что теперь делать? Бежать в полицию? Нет, не вариант: во-первых, Никитос вроде бы шёл добровольно, во-вторых, я ему – никто, а в-третьих, как знать, не задействована ли тут полиция или ещё какая силовая структура?

Я лихорадочно бросилась звонить Никите. Услышь я, что абонент – вне зоны действия сети, наверное, отправилась бы в полицию или к Никитиным родителям, но в трубке были гудки… и только гудки. Может, ему не разрешают ответить? Или он просто забыл телефон дома? А может, не слышит? Или… или просто не хочет со мной говорить.

Я проскользнула в подъезд – знаю код от домофона, который

открывает его, Никитос научил – и, поднявшись на третий этаж, снова нажала на вызов на телефоне и приникла ухом к двери квартиры. Вроде бы там ничего не звонит… И что мне это говорит? А ни черта не говорит. Телефон может быть в квартире без звука, или просто у них тут звукоизоляция хорошая, я как-то не обращала внимания на этот вопрос, пока мы встречались.

Быстро, пока не передумала, нажала на звонок, прослушала заливистую трель – либо звукоизоляция двери так себе, либо звонок уж очень громкий. Выждала, позвонила ещё. Подёргала дверь. И, несолоно хлебавши, отправилась обратно на улицу. А по дороге меня осенило – надо звонить брату.

– Лёшка! – взмолилась я, едва он снял трубку, – соверши ради меня должностное преступление!

Брат у меня молодец. Учится на третьем курсе, но уже подрабатывает, даже, скорее, полноценно работает. Я в этом отношении чувствую себя разгильдяйкой, ибо мои подработки ни в какое сравнение с его регулярной зарплатой не идут. Да, я пока что сижу у родителей на шее, и хоть на одежду и всякие развлечения зарабатываю сама, кормят меня они. Впрочем, зато я училась на бюджетном отделении, а брательник – на платном. Он у меня умный, но раздолбай. И добрый. Сестру и родителей любит. А главное – работает-то он как раз на того оператора, услугами которого пользуется Никитос.

– Иди в пень, – огрызнулся добрый и любящий брат. Но я, естественно, не сдалась.

К чести Лёшки надо сказать, что он очень не хотел идти мне навстречу, убеждал бросить эти глупости, предлагал, что сам позвонит Никите и поговорит с ним – дескать, вдруг я его просто уже достала, и он поэтому не отвечает… Сдался он после этого:

– Вот мы с тобой тут спорим, – сказала я и совершенно искренне всхлипнула, – а его, может быть, сейчас в лес везут, со связанными руками и ногами… ему, может быть, жить всего несколько минут осталось!

Выдавив последнюю фразу, я разрыдалась – воображение у меня хорошее, так что озвученный сценарий я успела прочувствовать, словно он на самом деле происходит, и я точно об этом знаю.

– Диктуй номер, – мрачно буркнул брат и, кажется, добавил что-то ещё не очень цензурное. – Проверю – перезвоню.

Две минуты тридцать девять секунд. Ровно через столько он мне перезвонил.

– Дура ты, Машка, – сказал он, и по тону я поняла, что можно

выдохнуть, и всё не так уж и плохо. – Записывай примерный адрес.

Я записала адрес – что-то знакомое, и, едва положив трубку, бросилась смотреть в интернете. Хорошая новость – это недалеко. Плохая – адрес действительно примерный. То есть, выбор у меня как минимум из двух жилых домов, школы и торгового центра. Обновлять информацию Лёшка категорически отказался, так что у меня мелькнула даже мысль отправиться домой… хорошая такая, здравая мысль. Жаль только, что мелькнула и пропала. Я просто прогуляюсь по торговому центру, – сказала я себе. И даже почти в это поверила. Мне ведь давно нужен… зонтик. Да. Точно. Пусть будет зонтик.

Ну, что сказать… зонтик у меня так и не появился. До торгового центра я добралась за двадцать минут, беспорядочно там пошаталась, заглядывая в рестораны и магазинчики, Никитоса, увы, не нашла, что, в общем-то, было ожидаемо, хоть мне и не хотелось этого признавать. Лёха, зараза такая, мои звонки игнорировал, так что я почти смирилась и решила уходить. Впрочем, не удержавшись и завернув в один пафосный магазин на первом этаже – уж очень мне глянулось платье на манекене в витрине. Покупать я его не собиралась – знаю я такие магазины, там любая вещь дороже, чем билет на тот гадкий благотворительный вечер стоит, нет у меня таких денег, нет. И желания тратить столько на шмотки – тоже. Но это не мешает мне их примерить. И то, что продавщицы смотрят на меня, как на земляного червяка, – тоже. Вот странно, да? Явно же они сами тоже не могут позволить себе тут одеваться, а смотрят так, словно магазин принадлежит им. Но это не так. Вот эту чёрную я помню – она раньше на втором этаже в магазине белья работала, и тоже была такой же букой…

Назло собственному стеснению и чувству неловкости, захватившему меня, едва переступила порог, я набрала максимально возможное количество вещей – шесть, и окопалась в примерочной. Вещи мне ужасно шли. Они идеально сидели. Льнули к телу. И вообще вели себя крайне неприлично, так, что снимать их было невыносимо грустно. Зачем я сюда зашла? Одно расстройство…

Горестно вздохнув, сняла особо понравившееся платье, погладила его кончиками пальцев, аккуратно разместила на вешалке и, одевшись, собралась уже выходить, когда совсем рядом, за тонкой стенкой примерочной кабинки, раздался до боли знакомый голос:

– Тебе идёт, – сказал Никитос, и я на какую-то секунду вопреки всякой логике подумала, что это он мне. Но, конечно же, нет.

– Я у тебя вообще красивая, – кокетливо отозвался женский голос, а

меня парализовало от взрывного коктейля эмоций.

Я тут переживаю за него, голову ломаю, как спасти, брата практически на преступление толкнула, а он… он… шляется по магазинам с какой-то девицей. Ещё и в кабинку с ней зашёл, словно муж…

Я уже не сомневалась, что у Никитоса всё в порядке, и будет тоже всё хорошо, и моя помощь ему совершенно ни к чему, но из какого-то мазохизма решила за ним ещё последить. Чтобы посмотреть на неё, на эту… тут я себя одёрнула. Обзывать более удачливую соперницу – не дело, хоть и хочется. В общем, я аккуратно выглянула и, убедившись, что соседняя примерочная закрыта, бросилась прочь из магазина, под удивлённо-подозрительными взглядами продавщиц. Но на выходе детекторы не издали ни звука, так что я беспрепятственно оказалась в общей галерее. Меня трясло, но слёз почему-то не было. Хотелось думать, что это какая-то ошибка. Что там был не он. Мало ли. Может, мне показалось. Бывают ведь очень похожие люди, и голоса бывают очень даже одинаковые. Да и интонации вроде были не те. Не его. Вот сейчас посмотрю, уверюсь, что не он, и отправлюсь домой, завязав навсегда с этими шпионскими играми. Как-то оно не по мне. А Никитосу отправлю смс, что обращусь в полицию, если немедленно не перезвонит. Успокоив себя таким образом, стала ждать, когда же мои соседи по примерочной кабинке оттуда выйдут. Но события завертелись по-другому.

Первая моя ошибка заключалась в том, что я не сочла нужным отойти подальше от магазина, так и маячила возле стеклянной витрины. Вторая – я совсем забыла про мужчин в серых костюмах, а ведь должна была помнить, пока оставалась хоть какая-то вероятность, что там действительно Никита. И, положа руку на сердце, вероятность эта была куда больше, чем мне хотелось признавать. Ну а третья, уже, наверное, мало что решающая оплошность – моя приметная шляпища. По правде говоря, не думаю, что она что-либо действительно решила. Самый главный мой провал был в том, как я отреагировала на подошедшего ко мне мужчину в сером. Вместо того чтобы вопросительно на него посмотреть, не выказывая никакого волнения, я вздрогнула и поддалась на мгновение приступу паники, отступила на шаг с ужасом в глазах, а потом бросилась бежать. И он тоже побежал. Насколько идиотским был мой поступок, я поняла сразу, но возвращаться назад и изобретать какую-нибудь ложь было уже поздно. Я бежала, проклиная каблуки, собственную глупость и своего преследователя, и никак не могла сосредоточиться на поиске решения. Пока меня спасает лавирование в толпе, но скоро всё закончится, ещё немного и я упрусь в главный выход, и там он живо меня догонит. Думай, думай, думай! И вовсе

не о том, какой Никитос козёл.

Скорее чисто на интуиции, нежели руководствуясь какой-то осмысленной идеей, я нырнула в крупный спортивный магазин. Если не ошибаюсь, он проходной, и я смогу попасть к одному из боковых входов. А если ошибаюсь… что ж… если ошибаюсь, то придётся познакомиться с преследующим меня мужчиной поближе. Я уже даже решила, что если ситуация станет безвыходной, сфотографирую этого в сером и отправлю Лёшке. Пусть знает, кто видел его сестру последним… Но доводить до этого не хотелось бы.

Боковой ход выходил на оживлённый проспект, и я надеялась поймать там машину и таким образом уйти. Нормальный план ведь, ну?

Мне повезло – неподалёку был светофор, и он как раз загорелся красным. Не задумываясь ни на секунду – некогда, просто некогда! – я бросилась к одной из машин в среднем ряду и отчаянно рванула ручку передней правой двери. Разумеется, дверь была заперта. Я в отчаянии обернулась – серый был уже в паре метров, и без всякой надежды рванула ручку ещё раз. Сама бы я точно себя не пустила, но водитель выбранного мной автомобиля был явно храбрее и жалостливее – ручка поддалась, я, распахнув дверцу, буквально ввалилась внутрь, торопливо запираясь и борясь с желанием переползти на водительское сиденье, подальше от стучащего в окно серого.

– Мария Романова, и как Вы меня всё время находите? – задумчиво сказал водитель, а я со стоном откинулась на спинку сиденья.

Машина мягко тронулась – загорелся зелёный, и мне почему-то на мгновение захотелось даже вернуться к серому. В конце концов, он хоть человек.

Вообще, людям свойственна эмоциональность и неблагодарность, и я, увы, не оказалась исключением. В данный момент я ненавидела Никиту и всё, что с ним связано, а значит, и киару с его дурацким проектом – тоже. Поэтому, неприязненно покосившись на синеглазого инопланетянина, я нелюбезно буркнула:

– Это последний раз, когда Вы меня видите, не переживайте.

– Вот как? – спокойно спросил киару, останавливаясь перед пешеходным переходом. Но это я потом сообразила, что он притормозил из-за пешеходов, а так успела уже решить. что он меня сейчас высадит. За грубость, хамство и общую невменяемость. А там и человек в сером костюме меня догонит, и всё. Конец одной любопытной Машуньке. Я даже уже собралась было извиниться – гордость гордостью, а жить-то хочется, но тут машина снова тронулась, а синеглазый всё так же спокойно

спросил. – И почему же?

– Потому что я никуда не поеду, – тоном обиженного ребёнка сообщила я. И сама понимала, что как-то глупо и совсем по-детски звучит, но поделать ничего не могла. Разочарование, обида и злость на Никитоса и на судьбу-злодейку буквально выплёскивались из меня, а бедному киару просто не повезло оказаться рядом. Впрочем, в проект мне теперь действительно не нужно. Так что хоть это к лучшему – сразу расставлю все точки над «и», «ё» и любыми другими буквами.

– Поедете, – уверенно и как-то раздражающе-самодовольно прозвучало в ответ.

– Нет, – сказала я, удивляясь про себя непонятливости некоторых. – Я не буду участвовать в этом Вашем проекте.

– Будете, – не согласился он.

– Нет, – сказала я. Тогда мне ещё казалось, что это он просто не верит в серьёзность моих намерений, считает, что я перебешусь и передумаю. А я не передумаю. Давно пора вычеркнуть Никитоса из своей жизни. Вот пусть он и улетает на эту дурацкую планету, живёт там в холоде, голоде и окружении инопланетян. А я… я… я устроюсь на какую-нибудь крутую работу, выйду замуж за идеального мужчину, рожу ему троих идеальных детей и… И не знаю. Наверное, буду счастлива? Я обязательно буду счастлива. – Не поеду! – повторила, пытаясь оставить последнее слово за собой.

Он промолчал. Но как-то так выразительно, что я поняла его очень хорошо.

– Вы не можете меня заставить, – почти уверенно сообщила ему.

– Мария, – вздохнул киару, всё так же глядя исключительно на дорогу, – как Вы думаете, откажет ли мне Ваше Правительство, если я попрошу у них… Вас.

– Что? – поражённо выдохнула я. – Что значит «попрошу Вас»?!

– Вы нужны мне в этом проекте, а значит – поедете, – жёстко сообщил синеглазый и совсем другим, галантным тоном добавил. – Куда Вас подвезти?

– Остановите, – потребовала я, стискивая руки от волнения и зубы от злости. – Остановите машину.

– А кто Вас преследовал? – совершенно невозмутимо поинтересовался киару, и не думая выполнять мою просьбу.

Он наоборот даже перестроился в левый ряд.

Отвечать не хотелось, и я лишь раздражённо передёрнула плечами. Невежливо, конечно, но, может, так и надо? Произвести неприятное

впечатление, чтобы он сам отказался от своей бредовой затеи… потому что стоит вспомнить моё знакомство с представителем спецслужб, и становится понятно: отдадут. Легко и с удовольствием.

– Почему Вам нужна именно я? – постаралась спросить ровно, но голос дрогнул. Я упрямо запрещала себе думать о Никите, мне ведь не хотелось разрыдаться в присутствии этого типа. Но мысли, они не всегда послушны воле человека, да и отходняк начался, так что глаза у меня были, что называется, на мокром месте. И место это становилось всё мокрее.

– Узнаете в своё время, – почти доброжелательно сообщил киару, и мы оба замолчали.

Отвернувшись от него, смотрела в окно, совершенно бездумно, не видя и не понимая, где мы едем. Справиться со слезами не получалось. Я даже зажмурилась, но всё тщетно – горячие и солёные, они обожгли глаза и потекли вниз по щекам. Всё напрасно. Полгода моей жизни – напрасно. Что, что я сделала не так? Я ведь ему нравилась, не зря же он меня так долго и упорно добивался! Я в принципе многим нравлюсь. Где же я облажалась? Слишком привязалась к нему? Или наоборот, недостаточно его любила? Кто бы ответил… А может, он с ней из-за денег? И я просто не разбираюсь в людях? Он ведь никогда не казался мне жадным и озабоченным деньгами… или его вообще заставили? Может, он всё же в беде? Да нет, не похоже… голос вполне весёлый был.

Не удержавшись, на последней мысли я отчаянно всхлипнула, машина тут же вильнула вправо и довольно резко остановилась.

– Вы плачете? – спросил киару, и мне померещилась в его голосе растерянность. Впрочем, наверняка, лишь померещилась. – Мария…

Уже не таясь – что толку-то? – ещё раз всхлипнула и вытерла слёзы. Перед синеглазым было почему-то мучительно неловко. Мне всё равно, что он обо мне подумает, – зло приказала я сама себе, но почему-то не особо подействовало.

– Вам ничего не грозит, – мягко сказал инопланетянин. – Но Вы… Вы ведь не из-за этого. Не из-за проекта плачете.

Я не очень внятно замотала головой, скорее, пытаясь передать «отстаньте от меня!», нежели ответить на вопрос, и попыталась сбежать из машины – задёргала ручку многострадальной двери теперь уже изнутри, и примерно с тем же результатом, что и первая попытка снаружи – дверь не открывалась.

– С Вами, – вдруг раздражённо сказал киару, снова выруливая в поток машин, на мой взгляд, резковато, кажется, ему даже посигналили, – я чувствую себя… нянькой. И мне это не нравится. Сидите, – приказал он,

хотя на ходу я и так выпрыгивать не собиралась, – через три минуты будете дома.

– Вот и не берите меня в проект, раз не нравится! – предложила я и шмыгнула носом. Вопреки канонам платок он мне не предложил. Может, у руан в принципе нет насморка? Поэтому и платки не носят? Или ему просто жалко?

– Мария Романова, я не торгуюсь. И решений не меняю.

Угу. «Мачете не смс-ит», киару не торгуется…

– Давайте, – сказала я. И, поймав немного удивлённый взгляд, продолжила. – Давайте. Просите меня у Правительства. По своей воле я с Вами никуда не поеду.

Киару равнодушно пожал плечами, ещё пару минут мы провели молча, и, наконец, машина затормозила во дворе моего дома. Запомнил. Как он вообще так хорошо в нашем городе ориентируется?

– Прощайте, – сказала я, вылезая, и, каюсь, специально громко хлопнула дверью. Но это не помешало мне услышать:

– До встречи, Мария Романова, до встречи.

Глава 5. Маша делает глупости

Про альбом с набросками я вспомнила слишком поздно. Он остался там, в машине у киару, и самое унизительное, что все-все наброски посвящены как раз этому синеглазому негодяю. Ладно бы один-два в череде прочих, но нет же, я в своём каком-то странном помешательстве рисовала только эту инопланетную сволочь. О чём теперь дюже жалею. И это его мне хотелось заполучить в ухажёры? Чур меня, чур! Теперь мне хочется, чтобы он навсегда обо мне забыл, и самой забыть, хотя бы ненадолго, но не выходит – я представляю, как он смотрит наброски, как по его лицу расползается самодовольная ухмылка, и мне хочется взять альбом и отдубасить эту инопланетную физиономию. И плевать на дипломатическую неприкосновенность, или что там у него есть.

Он ведь наверняка решит, что я в него влюблена. И это невероятно, просто не выразить даже как унизительно! Вот что мне стоило хотя бы шарж нарисовать!..

Вечером же мне позвонил Никита. С незнакомого номера и пьяный вдрызг. Или в хлам. А то и в зю-зю. В общем, очень-очень пьяный. Если честно, увидев неизвестный номер, я почему-то подумала, что это киару, и сердце пропустило удар. И зачем ответила – сама не знаю. Может, чтобы сорвать на нём злость от своей беспомощности, высказать всё, что я о нём и о его методах думаю. Или же чтобы оправдаться за наброски, сообщить ему, что это я по заказу университетской стенгазеты рисовала… не знаю. Но на том конце провода, хотя, какие провода в наш век сотовой связи и вай-фая, оказался Никита. Позвони он со своего номера, я бы и не подумала взять трубку, по крайней мере, так быстро, и, если бы и сняла, то успела бы подготовиться морально. А так он застал меня врасплох.

– Машулечка, – сказал он. – Прости, что беспокою тебя, но ты – единственный человек, которому мне хотелось позвонить.

И я не нашла в себе сил повесить трубку. Почему-то мне представилось, что он чуть ли не стреляться или с крыши прыгать собрался, я же никогда себе этого не прощу! А даже если и не собрался, то пьяный Никитос – само по себе событие чрезвычайное. Я, по крайней мере, не видела такого ни разу. Но и заговорить с ним тоже не смогла.

– Машуня, ты тут? – спросил Никита, и кому-то, кто был рядом с ним, – да сейчас, сейчас! – И снова мне. – Машуля… Ты – лучшая… лучшая девушка, которую я знаю! Можно?.. М-м-можно я сейчас приду

позаниматься ру…ра… ну, этим, языком инопланетным.

Я посмотрела на часы – десять вечера. Вся моя семья дома, а мама, может, уже и спит. А тут придёт пьяный Никитос, с которым я, к тому же, ещё не знаю как себя вести…

– Давай завтра, – не очень решительно, зато очень сухо предложила я.

– Ой… я тебя, наверное, разбудил? – вдруг засуетился Никита. – Прости! Да, конечно, давай завтра! Пока. Целую!

И повесил трубку. Целует он меня, ага. И я – лучшая девушка, которую он знает… и только мне ему хотелось позвонить… эх…я почувствовала, как моя решимость покончить с чувствами к Никите стремительно рассыпается.

Я успела уже немного остыть, и теперь мой мозг сам придумывал оправдания для Никиты, вероятно, не желая отказываться от концепции «единственного на всю жизнь». А звонок только подлил масла в огонь. Он ведь ничего мне не обещал, Никита-то. Это я сама решила, что надо его снова покорить, так что нет никакой подлости и никакой его вины в том, что он проводит время с другой девушкой. Вероятно, он даже и не знает, что я к нему чувствую. А я, получается, спасовала перед первой же преградой… А может, он с этой девушкой, чтобы спастись от своих проблем, вон телохранители за ним заезжают…

«Прости! И сладких снов!» – добила меня контрольная смс-ка от Никитоса.

Я снова его любила, была готова завоёвывать и спасать… вот только отношения с киару уже испортила.

Неожиданно объявился Ромка. Да-да, тот самый, к которому я бегала на свидания на третьем курсе. Но потом его семья переехала за границу, очень далеко, и наши только начинавшиеся отношения развалились, не выдержав проверки расстоянием. Первое время мы ещё пытались как-то дружить, но из-за разницы во времени хоть какое-то подобие живого общения не складывалось, письма становились всё реже, пока не остались только поздравления с новым годом и днями рождения. И то, я в этом году и день рождения его пропустила.

И вдруг звонок. Ещё толком не проснувшись и увидев незнакомый номер, почему-то опять подумала про киару, потом, разозлившись на себя, на Никитоса, и разозлилась уже на него. Сколько можно названивать с чужих номеров? От этой своей богачки прячется что ли? Хочет и её сохранить и со мной замутить?

– Да! – нелюбезно огрызнулась я в телефон и ушам своим не поверила,

когда оттуда раздалось:

– Мари! Разбудил?!

Даже не узнай я голос, это обращение использовал только Ромка, я помню, мне это очень нравилось, я сразу представлялась себе этакой утончённой и изысканной, даже если мы только что закончили играть в пейнтбол, и на мне старая одежда брата, щедро покрытая пятнами краски.

– Ромка! – тепло и радостно отозвалась я и заулыбалась. Наверное, всё дело в том, что жизнь нас очень своевременно развела: мы прониклись друг к другу симпатией, но не успели накопить негатив, так что и голос, и само имя навевали только приятные воспоминания.

Конечно же, я согласилась встретиться. Мысли о Никите и киару полностью отошли на второй план, я словно вернулась на два года назад, когда ни об одном, ни о другом знать не знала, ведать не ведала. И мне от этого неожиданно стало очень радостно.

Ромка повзрослел. Возмужал, подкачался и загорел. Практически мечта любой разумной девушки, не говоря уже о неразумных.

Мы гуляли, болтали, и как-то так само получилось, что я рассказала ему всё. И про Никиту, и про киару, и про этот странный проект, и даже про то, что забыла альбом у киару в машине, правда, умолчала о том, что там наброски на очень ограниченную тему. Мне до сих пор было мучительно неловко от одной мысли, что кто-то это увидит или об этом узнает. И почему я сразу не порвала на клочки и не выбросила? Ну и что с того, что киару у меня получился уж очень хорошо?..

– А давай его заберём! – вдруг выдал Ромка, и я поняла, что ни капельки он не изменился, всё такой же рисковый. На всякий случай уточнила:

– Кого? Куда?

– Твой альбом у этого твоего… чужого!

Сначала я не приняла это предложение всерьёз и попыталась отмахнуться:

– Ты совсем дурак, что ли? Это незаконно!

Но Рома уже завёлся.

– Да брось! Что незаконного в том, что ты заберёшь свою вещь?

– Взлом с проникновением? – предположила я.

– Да не будет никакого взлома! Он, наверняка, так и возит его в своей машине, может, и не заметил даже! Я отвлеку этого твоего киару на каком-нибудь перекрёстке, выманю из машины, а ты заберёшь альбом, ну?

Я посмотрела на горящие энтузиазмом зеленоватые глаза Ромки и почему-то ощутила раздражение, правда, не смогла сформулировать от чего

именно.

– Он не мой, – буркнула. – И увидев, что у него пропал исключительно мой альбом, он, конечно, ни о чём не догадается.

– Ну, прихвати ещё что-нибудь! – не сдавался Роман.

– Ага, чтобы на меня точно завели уголовное дело, – фыркнула я.

– Давай наоборот! – легко согласился он. – Ты отвлечёшь, а я заберу. Тебя он не сможет обвинить, потому что в этот момент разговаривал с тобой.

– Да ну! – как-то неуверенно отозвалась я. Предложение мне не нравилось, вот как-то чисто интуитивно, на понятийном уровне, но рассуждения Романа казались логичными. Вдруг киару и в самом деле не успел просмотреть мой альбом, и мне удастся избежать унижения и вечного стыда в его обществе? Что с того, что я заберу принадлежащую мне вещь? Она ведь моя? Моя. Если бы она лежала на скамейке в парке, я бы могла её забрать? Могла. А если бы я случайно снова села в машину к киару, стала бы его спрашивать, чтобы забрать? Нет, конечно. А если бы вчера вспомнила на полпути к дому, вернулась бы и забрала, ничего не спрашивая, так ведь? Так. Так что же мне мешает теперь?

Только, пожалуй, киару не должен меня видеть всё-таки, так что отвлекать придётся Ромке. И, кстати…

– Зачем тебе это? – подозрительно спросила у него. – А если тебя потом из страны не выпустят, если что-то пойдёт не так?

– Мари, хорош трусить! – ослепительно-белозубо заулыбался Роман. Я еле удержалась, чтобы не потрогать эту его улыбку. Он искусственные зубы себе вставил что ли? Я где-то читала, что такой белизны и ровной формы настоящим зубам никогда не достичь, и многие актёры, например, полностью удаляют свои зубы и вставляют искусственные. Бррр. – Это же прекрасное приключение! – закончил мой белозубый, ничуть не похожий внешне на Карлсона друг. А ведёт себя, кажется, так же.

– Да ну, где мы его найдём-то? – по инерции продолжила сопротивляться я, хотя внутренне уже согласилась. Где-то в глубине души что-то ещё царапало и свербело, и дай мне Ромка время на раздумия, я бы, наверное, отказалась, но он не дал. В лучших традициях цыган и устроителей лохотронов – ошеломить, захватить и обобрать… Вот только обирать мы будем не меня.

– Я совершенно случайно знаю, в каком они сегодня институте выступают. Или заседают. В общем, не знаю, что они там делают, но знаю где! – довольно сообщил искуситель.

– И? – спросила я, чувствуя, как меня уносит Ромкиным потоком и не

находя в себе опоры.

– Значит так, я его отвлеку…

Когда Ромка на своём мотоцикле врезался в машину киару, я чуть не завизжала. Как-то «отвлеку» в моём понимании включало лишь лёгкие царапины на бампере, это как максимум, а не такую смачную аварию, а лучше бы вообще – светский разговор, и уж точно не включало фееричный полёт Ромки с мотоцикла. Естественно, киару выскочил из машины и бросился к неудачливому мотоциклисту, и я задержала дыхание – а вдруг он серьёзно пострадал? Никогда себе не прощу, пусть и он сам это всё придумал… Но вроде жив, и даже махнул рукой, за спиной у киару, дескать, давай.

Место Ромка выбрал довольно удачное: всего две полосы, и правая полностью занята припаркованными автомобилями, так что мне не пришлось бросаться под колёса мчащихся машин и, вынырнув из-за голубенькой малолитражки, я быстро оказалась у уже знакомой пассажирской двери. Альбом лежал прямо на сидении – значит, он не мог его не видеть и, наверняка, посмотрел. Значит, всё было зря… и забирать точно нельзя. Я хотела уже захлопнуть дверь, даже где-то внутри радуясь, что всё сложилось так, но тут меня резко рванули назад, а потом отбросили в сторону. Я больно ударилась об асфальт, но крик сдержала, не заорала ни от боли, ни от удивления – отбросил меня вовсе не синеглазый, как я сначала подумала, такое обращение с дамами всё-таки не в стиле киару, а какой-то тип в чёрной куртке и капюшоне. Он на секунду нырнул внутрь машины и, почти сразу вынырнув, бросился прочь, унося что-то с собой.

Я тоже бросилась прочь, под прикрытие всё той же голубой машинки, понимая, что, кажется, всё пошло не так, и я крупно вляпалась. Идея и изначально-то была, прямо скажем, не очень, а теперь, похоже, обернулась куда более серьёзным преступлением. Как я вообще могла согласиться на такое? Как?! Теперь мне это совершенно непонятно. Словно Рома меня загипнотизировал. В оцепенении сидя прямо на тротуаре, я наблюдала в витрине, как Ромка шустро вскочил на мотоцикл и уехал, а киару, посмотрев пару секунд ему вслед, вернулся к своей машине. Мне вдруг пришло в голову, что инопланетянин, обнаружив пропажу и открытую дверь, бросится на тротуар, где и обнаружит меня. От этой мысли сделалось очень жутко, я еле сдержалась, чтобы немедленно не побежать. Умом я понимала, что так будет только хуже, но на уровне инстинктов просто хотела оказаться как можно дальше. Неважно, что потом, бежать, бежать, куда глаза глядят, лишь бы оказаться подальше от этого места, где

так страшно. Я на всякий случай приготовилась притвориться лежащей в глубоком обмороке. Это, конечно, тоже весьма подозрительно, но что ещё можно сделать прямо сейчас?

Несколько томительных минут, да даже, наверное, не минут, а десятков секунд, но я, кажется, постарела за них на пару лет… и киару уехал.

Я же каким-то чудом поднялась и отправилась на параллельную улицу, где мы должны были встретиться с Ромкой. По пути я пару раз останавливалась перевести дыхание и унять дрожь в коленках, а ещё всё больше раздражалась на приятеля, подбившего меня на такую несусветную глупость. Когда я добралась до назначенного места, трясло меня уже больше от ярости, и я точно знала, что этому придурку скажу.

Но его не было. И телефон его был выключен. Я в растерянности побродила полчаса вокруг, но напрасно – Роман так и не объявился, и пришлось отправиться домой, так и не выплеснув справедливое и не очень возмущение.

До дома я добралась на автопилоте, особо ни о чём не думая, но стоило оказаться в своей комнате, как меня накрыло. Я не знала, что и думать. Признавать, что он просто мной воспользовался, было невыносимо. Может, с ним что-то случилось? Он всё же сильно упал, может, телефон разбился? Ага, – сказала я сама себе, – и амнезия наступила. А ещё тот парень в чёрном совершенно случайно оказался рядом… но зачем им вообще я? Я же только открыла дверцу машины и ничего больше… Может, на ней какое-то следящее устройство было? Или какая-нибудь специальная краска, типа той, которой взятки обрабатывают, и по ней меня скоро найду-у-ут! Ох, какая же я дура! И никому не нужна сама по себе, только вот для дела-а-а… грязного и незаконного!

Телефон пиликнул в самый разгар моих страданий, когда я уже успела признать себя непривлекательной дурой, а всех вокруг, включая киару, Никиту и тем более Ромку – бесчувственными козлами и эгоистами.

«Мария, спускайтесь. Не впутывайте своих родных!» – выдал мне противный телефон.

Я подошла к окну, уже зная, что там увижу. И точно, даже в наступающих сумерках машину киару я заметила сразу, и, что хуже, он тоже меня заметил – мигнул фарами.

И я пошла. Потому что свою семью я люблю и действительно не хочу впутывать.

Киару был зол. Очень-очень зол. Мне казалось, что сама атмосфера в машине поменялась, словно уютное прежде кресло стало колючим, стёкла темнее, а от хозяина автомобиля волна ярости ощущается чуть ли не

физически.

– И за сколько Вы продаётесь? – поинтересовался синеглазый, глядя подчёркнуто не на меня и сжимая руль так, что пальцы побелели.

Вот интересно, это он специально такую двусмысленную форму вопроса выбрал? Или он не понимает второго смысла, а это моё испорченное подсознание играет такие шутки?

– Я не продаюсь, – сообщила я, всхлипывая. На этот раз киару на мои слёзы никакого внимания не обращал. Возможно, считал, что так мне и надо? Так и должно быть – раскаивающаяся, заливающаяся слезами преступница, вымаливающая прощение. Что-то ролевыми играми повеяло… как-то не вовремя и некстати.

– То есть это Вы из личной неприязни? – заинтересовался он и даже повернулся ко мне.

– Это Вы о чём? – спросила я крайне неубедительно, пытаясь напомнить самой себе, что у нас презумпция невиновности. Вроде бы.

Вместо ответа киару коснулся экрана на приборной панели и запустил запись с чьего-то видеорегистратора, где видно, как я открываю дверь машины. И, увы, почему-то не видно ничего дальше – про типа в чёрной куртке. Так что вывод киару сделал явно однозначный.

– Итак? Личная неприязнь? – очень любезно и очень холодно предположил он.

– Нет, – сказала я. И совершенно не эстетично шмыгнула носом.

– Это как-то должно помочь Никите Рекунову в решении его проблем? – кажется, киару не терял надежду обнаружить хоть какую-то логику в моём сегодняшнем поведении. Увы. Если бы мне самой сейчас понять, как я могла на такое пойти… да и сам мотив – «я просто не хотела, чтобы Вы знали, что я рисую Вас, как настоящая маньячка» тоже не звучит…

– Нет, – вздохнула я. – Думаю, не поможет…

– Тогда что? – с чрезмерно подчёркнутым смирением. Дескать, терпение у меня почти безграничное, но ты, человечка, уже у самого края.

Я молчала, закусив губу. Действительно, что? Глупость, доверчивость и мучительная неловкость? Неужели, это я? Говорят, человека определяют его поступки, и вот так вот поступает Мария Романова…

– Ладно, не говорите почему, скажите где! – уже серьёзно потребовал киару.

– Я ничего не брала, – обречённо закусываю губу, понимая, что к настоящей части допроса киару только собирается приступить.

«Да ну?» – сказал взгляд ярко-синих глаз.

– Честное слово! – отчаянно выпалила я и почувствовала себя школьницей. И, наверное, поэтому сбивчиво, торопясь и спотыкаясь, стала объяснять про типа в чёрной куртке.

Он слушал молча, снова глядя перед собой, но руки с руля убрал.

– Выходите, – сказал он, когда я пошла на третий круг в своих уверениях, что того типа я не знаю, хотела забрать только альбом, но и его не забрала, и вообще, это цепочка ужасающих совпадений и недоразумений.

Я осталась сидеть. Ибо непонятно, что это за «Выходите»: «Выходите, в тюрьму пойдёте пешком», или «Выходите, не хочу запачкать салон кровью», а может, «Выходите, и в проект я Вас тоже не возьму!»

Словно услышав мои мысли, киару сказал:

– Я бы не взял Вас в проект, Мария Романова, если бы у меня был выбор. Теперь точно бы не взял. Но выбора у меня нет. Выходите, пока я не передумал Вас отпускать.

А я не ушла. Просто не смогла в такой вот момент. Как бы ни убеждала себя, что всё равно, но почему-то хотелось как-то реабилитироваться в глазах этого инопланетянина. Но как? Вряд ли оправдания по четвёртому кругу сильно помогут.

Он явно ждал, когда я уйду, и я, чтобы потянуть время спросила, ощутив вдруг парадоксальное чувство неловкости от того, что не знаю его имени:

– Киару… а… а что у Вас украли? Если не секрет.

– Конечно, секрет, – сообщил он, внимательно меня разглядывая. – Но Вам… Вам, – выделил местоимение и интонацией, и задумчивым взглядом профессионального палача, – Вам я скажу. Когда мы будем на корабле в паре дней пути отсюда…

Мы все ошибаемся. Больше или меньше, чаще или реже… но ошибаемся. Вот только последствия от ошибок иногда оказываются совершенно несоразмерны нашим действиям. А ещё нам всегда хочется найти себе оправдание, и я, кажется, нашла. И поспешила высказать:

– Но почему Вы так вините меня? Если бы меня там не было, всё равно ведь украли бы! Открыть дверь мог любой, я вообще случайно там оказалась!

– Вчера… – произнёс он с каким-то особенным сожалением. – Вчера я разрешил Вам открыть дверь, когда за Вами гнался тот человек… хотя я уже не уверен действительно ли гнался. И не убрал допуск. Моя ошибка. Вы не показались мне… опасной. Этот тип в чёрном, на котором Вы настаиваете, не смог бы проникнуть в машину, не открой Вы ему дверь.

Выходите, Мария. Мне надо ехать.

Мне очень стыдно за себя, но настоящее раскаяние охватило меня только когда машина киару – а непростой у него автомобиль, оказывается! – покинул двор, мигнув напоследок огнями стоп-сигналов. До этого да, я сожалела о том, что сделала, что ввязалась в эту авантюру, поддалась на уговоры Ромки, да даже о том, что вообще взяла утром трубку – тоже успела пожалеть. Но исключительно из-за страха. Я боялась наказания, а в самом поступке видела скорее цепь случайностей и чужой злой умысел. Мне казалось, что это Ромка – подлец и меня подставил, а выходило, что я сама подставила киару куда хуже. Это не отменяет того, что мой бывший друг – негодяй и последний мерзавец, но я тоже хороша. Повелась, как школьница на его горящий взгляд, комплименты, нарочитую галантность и готовность на подвиги. Ради меня. Ага. Хотела избежать унижения в глазах киару… а получилось, куда хуже.

Я вдруг как-то очень остро осознала, что Ромка виртуозно мной манипулировал. Я за сегодняшний день уже успела почти заново влюбиться в него, я ведь даже о Никите не вспомнила ни разу, кроме как когда, собственно, рассказывала, как оказалась в проекте. А этот гад… смотрел с таким восхищением, говорил, что я – невероятная, что он так и не встретил ни одну девушку, хотя бы наполовину такую особенную, как я. Такую милую, добрую и немного шебутную. Чуточку рисковую и капельку шальную. Конечно, я растаяла. Дура. Поверила, что у него нет своего интереса, кроме как блеснуть передо мной…

Прости меня, киару. Я действительно дура. Интересно, могу ли я как-то это исправить? Может, нарисовать портрет Ромки? А хотя зачем портрет? У меня есть фотографии! Пусть двухгодичной давности, но не так уж он и изменился.

Никто не торопился меня хватать и тащить в тюрьму, так что я бросилась обратно в квартиру, в свою комнату, к счастью, снова умудрившись пробраться незамеченной.

Уже перед отправкой меня одолели сомнения – а вдруг Ромка тоже просто случайно оказался не там, и я его подставлю? Да нет, вряд ли. А даже если и так, то он явно в большой беде – раз не появился и телефон не отвечает, так что чем раньше его найдут, тем лучше.

«Простите дуру!» написала я киару смс, а следующим сообщением «Мотоциклист:» и всю инфу, которой оказалось на удивление мало.

Ответа не было долго. Я пыталась себя убедить, что не жду, но бесконечно бегала проверять телефон, пока, наконец, меня не позвали ужинать.

А после нашла-таки ответ:
«Будут проблемы из-за этого, дайте знать».

Глава 6. Маша и странные последствия утренних пробежек

Ночь я провела почти без сна – слишком много мыслей теснилось в моей голове, и, едва рассвело, отправилась на пробежку. Ибо жизнь, так или иначе, продолжается, а физическая нагрузка всегда мне помогала прийти в равновесие и всё обдумать. Однако в этот раз пробежка принесла лишь ещё большее смятение. Я пробежала всего минут пять и только-только вырулила на набережную, когда у меня появился попутчик. И этот попутчик жаждал диалога.

– Позвольте выразить Вам моё восхищение, Мария Александровна, – удивительно ровным голосом, словно и не бежит, а всё так же сидит в своём кабинете, сообщил мне человек в сером костюме. В этот раз в сером спортивном костюме. И, несмотря на ровный тон, я поняла, что мог бы – придушил бы прямо тут.

– Восхищение? – послушно переспросила, досадуя, что мой голос куда больше прерывается. Может, серый – вообще робот?

– О да! Вы здорово меня провели. Я был уверен, что Вы – весьма недалёкая… и, что уж там, неумная особа, а Вы оказались далеко не так просты.

Мне хотелось застонать и честно сказать, что я – наоборот, оказалась куда более проста, нежели он предполагал. Не говоря уже о моём собственном о себе мнении. Но я молчала – и дыхание берегла, и понимала, что моё честное признание не к месту – не поверит.

– Украсть у киару что-то действительно важное, и при этом всё равно остаться под его защитой… Вы восхитительно… изворотливы!

От такого комплимента мне стало как-то совсем паршиво.

– Но Вы же умная, как оказалось, девушка, – продолжал человек в сером, – и понимаете, что защита киару не вечна. Сейчас Вы ему нравитесь, но что будет через год? Через два? Когда Вы вернётесь из этого проекта. А Ваша семья… Вы, допустим, улетите с киару, а они? Уговорить его забрать их с собой Вы точно не сможете.

– Что Вы хотите? – спросила я, останавливаясь и задыхаясь. Не от бега, а от страха. Если этот противный гад планировал меня напугать, ему это очень даже удалось.

– Сотрудничества, всё ещё сотрудничества, Мария Александровна. И

сотрудничества с нами, а не с разведкой нашего стратегического противника.

Это он намекает на Ромку? Ромка – шпион? Агент ноль-ноль-сколько-то там?

– Для начала скажите, что было украдено у киару?

– Не знаю! – с недоумением ответила я. – А он Вам тоже не сказал?

– А Вы постарайтесь узнать, Мария Александровна. До отъезда. И не советую Вам рассказывать о нашем разговоре кому бы то ни было и особенно самому киару. Помните – Ваша семья…

Он направился к откуда-то взявшейся машине, вероятно, она ехала за нами, но на отдалении и так тихо, что я просто не заметила. Хотя… с такими разговорами я бы не заметила её в любом случае. А я опустилась на землю, потому что ноги меня неожиданно перестали держать, и разрыдалась. Одно дело – подставить киару. Нехорошо, стыдно и всё такое, но пережить можно, а другое – свою любимую семью. И ведь он не оставит теперь в покое ни меня, ни их, по крайней мере, пока я жива. Пока жива…

Я задумчиво посмотрела на проезжую часть – нет, под машину я не хочу. Это, наверное, очень больно и без всякой гарантии. Может, в воду? Не то чтобы я действительно решила свести счёты с жизнью, ведь жить мне хотелось, страстно хотелось, и поэтому я была уверена, что найду какой-нибудь выход, а этот всегда можно оставить про запас. Но тем не менее я почему-то вскарабкалась на гранитный парапет и, встав на нём, уставилась на воду. Вода завораживала и успокаивала. Дарила ощущение, что ещё не всё предопределено, и у меня всегда есть выбор, хотя бы такой. А значит, не всё потеряно, можно бороться, можно попытаться исправить!

– Привет! – внезапно раздалось рядом, и я, дёрнувшись, чуть не потеряла равновесие. Взмахнула руками и вцепилась в своего неожиданного соседа. И тут же ощутила жгучее желание этого самого соседа придушить или утопить, а лучше и то, и другое. Меня настолько переполняли чувства, главным образом негодование, возмущение и обида, что я даже не смогла остановиться на каком-нибудь одном эпитете, и в итоге выдала какое-то полурычание-полумычание.

Ромка лишь насмешливо прищурился.

– По какому поводу топиться собралась? – поинтересовался он, и я не нашлась, что ответить. Не рассказывать же ему про этого серого, особенно при том, что Ромка – предположительно вражеский агент и совершенно точно меня подставил.

Мне вдруг подумалось – а не сообщить ли киару, что Ромка тут, рядом со мной? Но как? Если я достану телефон и примусь набирать смс, вряд ли

это пройдёт незамеченным.

– А что это за тип в сером был? – задумчиво поинтересовался мой бывший друг, и я чуть не задохнулась от новой волны возмущения. Он бы хоть поинтересовался, как я вчера! Извинился, что не пришёл! Объяснился хоть как-то!! Вот ведь козёл! Да я больше ничего ему не скажу!

– Да пошёл ты! – с удовольствием сказала я, но, не успев насладиться триумфом, почувствовала, что теряю опору, и вдруг обнаружила себя на самом краю парапета. Он держал меня за горло, и одного толчка будет достаточно, чтобы я полетела в воду.

– Если ты ещё не окончательно решила, что тебе надо утопиться, – вкрадчиво сообщил незнакомец с лицом Ромки – у меня в голове не укладывалось, что я настолько его не знала, или же он настолько изменился, – то будешь отвечать на мои вопросы. Почему киару тебя простил? Ты не всё мне рассказала вчера?

Я вцепилась обеими руками в его руку, чувствуя, что смерть, до которой по моим прикидкам мне было ещё лет шестьдесят, как минимум, вдруг подошла очень близко. Слишком близко. И слишком быстро. Сложно сказать, как я повела бы себя, если бы у меня были ответы на его вопросы, может, рассказала бы, даже наверняка рассказала… но ответов у меня не было.

– Он не простил, – вот и всё, что я смогла сказать, и, кажется, Ромка собирался что-то ещё спросить, но вдруг обернулся, выругался, смерил меня долгим взглядом…

– Извини! – легко улыбнулся он, и… я полетела вниз. Попытка удержаться ничего не дала, разве что Ромкина кофта осталась в моих руках.

Вода была обжигающе-холодной, но это меня как раз вывело из оцепенения, в которое я впала от того, с какой скоростью моя жизнь покатилась под откос. Вот вам и польза спорта вообще и утренних пробежек в частности. Хотя ладно, какая-то польза от спорта всё же была – я неплохо плаваю. Проблема только в том, что чтобы вылезти, мало плавать, надо уметь выпрыгивать из воды, почти как дельфин – набережная высоко, а ступенек нет, по крайней мере, здесь. Надо как-то срочно вспомнить, где ближайшие, и двигаться туда, потому что холодно, и устану я гораздо быстрее, чем в бассейне. Как назло, сориентироваться никак не удавалось, и я барахталась на одном месте, беспомощно оглядываясь. Несмотря на умение плавать, от невозможности определиться куда плыть, меня стало накрывать паникой.

– Помогите! – крикнула без всякой надежды. Ну, кто может оказаться тут в подобную рань? И так уже утро выдалось чересчур насыщенным

разными встречами. А хотя… от кого-то же Ромка убегал, не закончив разговор со мной. И я теперь знаю от кого… и куда же без него-то, в самом деле? Моё персональное проклятие. Возможно, он про меня говорит так же.

– Мария Романова, – очень усталым голосом сказал виновник если не всех, то, по крайней мере, многих моих бед. Впрочем, он натерпелся из-за меня, кажется, не меньше… – Что Вы там делаете?

– Тону! – огрызнулась я – ну что за дурацкий вопрос! – и, наконец, определившись куда плыть – странным образом крик о помощи и появление киару прочистили мне мозги, нырнула под воду.

Нет, я вовсе не специально. Не собиралась я и в самом деле делать вид, что тону, просто так – с погружением в воду, плыть гораздо легче, а силы у меня не бесконечные, и мне и в голову не могло прийти, что этот надменный синеглазый тип примет мои слова за чистую монету и сиганёт за мной. Поэтому, почувствовав, что меня куда-то тянут, я здорово перепугалась и стала изо всех сил сопротивляться, кажется, даже пару раз лягнула кого-то. После чего меня оставили в покое, и я торопливо, изо всех сил, поплыла к ступенькам, которые должны были быть метрах в пятистах против течения. Мне ещё повезло, что это самое течение здесь очень слабое, да и сама речка узкая.

Оглянуться или замедлиться хоть ненадолго, перевести дыхание, я не решалась – казалось, что вот-вот меня снова схватит неизвестно кто. Вдруг у Ромки были пособники, не рассчитывал же он, в самом деле, что я утону, если меня просто столкнуть? Вдруг – знаю, фантастично, но всё-таки вдруг! – в воде прятался водолаз, который должен был продержать меня под водой, пока я не задохнусь, чтобы это всё выглядело как несчастный случай, а то и вообще самоубийство?

Кажется, я ещё никогда не плавала так быстро, энергично и хорошо, даже несмотря на мешающую одежду. А вот, наконец, и они, заветные ступеньки. Я выбралась и позволила себе оглянуться и перевести дыхание – никого. Впрочем, рассиживаться нельзя – холодно, надо идти!

– Тонете, значит, – задумчиво произнёс голос, который скоро будет мне сниться в кошмарах, несмотря на всю его благозвучность, и я, подпрыгнув и взвизгнув – всё же это перебор для моих расшатанных нервов – обернулась. Киару отжимал рубашку и смотрел на меня совсем недобро.

– Ой, – невольно сообщила ему, понимая, что это, наверное, он меня тогда хватал, собирался спасти тонущую землянку, а я… я его лягнула и показала результат, с которым не стыдно идти на университетские соревнования по плаванию.

– Шутки у Вас, Мария Романова… – не договорил он, но зато

выразительно передёрнул плечами. Совершенно обнажёнными плечами – неожиданно поняла я и почему-то смутилась. Надеюсь, брюки он снимать и отжимать не собирается? А то кто их знает, как там у них, инопланетян, принято? С другой стороны, я тогда буду обладательницей практически эксклюзивного знания – кто ещё видел киару голышом…э-э-э… что-то меня куда-то не туда понесло.

– Поднимайтесь, – сказал мокрый синеглазый инопланетянин. – Там наверху машина.

На этот раз он был на другой машине и, что гораздо важнее, с водителем, а значит, мы оказались чересчур близко друг к другу на заднем сиденье. Рубашку синеглазый так и не надел, я вообще не поняла, куда он её задевал, хорошо хоть брюки всё же оставил. Мне было неудобно, неловко, мучительно находиться настолько рядом, а уж стучать зубами так и вовсе почему-то стыдно. Но не стучать не получалось, как и не дрожать.

– Я не вожу с собой сменную одежду, – сообщил мне киару, хотя я ничего такого у него и не спрашивала. – А предлагать Вам раздеться, наверное, не стоит?

Это он шутит? Мстит за «тону!»? Или на что-то этакое намекает? Нет, последнее это вряд ли… иначе бы именно что предложил.

– Как Вы там оказались? – спросила я, так и не найдя, что ответить на его инсинуации, и не определившись, что именно за инсинуации это были. Если вообще были.

– Мы следили за Вашим… другом. Бывшим другом, полагаю, – ответил киару. И мне снова было нечего сказать. Разве что…

– Куда Вы меня везёте?

Я как-то уже привыкла, что он привозит меня постоянно к моему дому, даже спрашивать ничего не стала, садясь в машину. Как оказалось, зря.

– Ко мне, – ответил он. Так спокойно и с такой непоколебимой уверенностью в своём праве, что мне как-то сразу вспомнилось и «думаете Ваше Правительство мне откажет?», и как он был вчера зол… А что если он не простил меня, что если шла ловля «на живца», и только поэтому я провела ночь на свободе? А теперь… теперь я пропаду для всех без вести, а этот страшный инопланетянин сможет делать со мной всё, что угодно…

– Не надо! – испугавшись собственных мыслей, вжалась в угол сиденья. И дверь на всякий случай подёргала. Выпрыгивать на ходу, конечно, страшно, но оказаться у киару в логове почему-то ещё страшнее. Увы, дверь была заперта.

Кажется, инопланетянин хотел что-то сказать, но только вздохнул. Вероятно, понял, что я – безнадёжна. Этот вздох был настолько по-

человечески понятным, что я немного успокоилась, и даже плюсы в этом нашла – мне же ещё надо придумать убедительную версию, что именно у этого синеглазого пропало! Может, побывав там, где он живёт, я смогу это сделать?

А вообще мог бы и одеться. Ну и что, что нет сухой сменной одежды? Я же вот сижу в мокром, и ничего, печка в машине работает на максимум, и уже почти тепло. И никого не смущаю своим видом, не то, что некоторые. Мне смотреть на него неловко, и не смотреть тоже как-то не так. Мука чистая, честное слово! Ну или снимал бы тогда всё, а то мне и замечание ему вроде сделать не за что, и беспокойно.

– Как дела у Никиты Рекунова? – спросил киару. Я вздрогнула и подняла глаза. Сердце снова застучало быстрее. Зачем ему? Собирается мне угрожать? А что, сегодня день такой. Кто семьёй шантажирует, кто вообще убить пытается… стоит ли ждать хоть чего-то хорошего от самого непонятного, а потому самого страшного из всех моих сегодняшних собеседников?

– Не знаю, – ответила я. – А Вас это правда интересует?

– Нет, – немного помолчав, сообщил он.

Машина нырнула в подземный паркинг, и я успела уже предположить, что руане живут под землёй, как кроты, но всё оказалось обыденнее: прямо из паркинга мы на лифте поднялись на девятнадцатый этаж.

Квартира тоже оказалась довольно обычной, хотя не знаю, чего именно особенного я ожидала. Это ведь мы, люди, строили. Для людей. И вряд ли инопланетяне возят с собой гору мебели, чтобы обставить временную квартиру.

Меня опять начало знобить, стоило покинуть прогретую машину, и я впала в какое-то оцепенение, которое никак не хотело теперь отступать, поэтому я безропотно последовала за хозяином квартиры, приняла от него какую-то махровую стопку вещей и каким-то образом оказалась в ванной комнате, прямо перед душевой кабиной.

Что же он собирается со мной делать, если для этого я нужна ему чистой?!

Из ванной я выходила согревшаяся, но переполненная различными предположениями и домыслами. Чтение большого количества романов сыграло со мной злую шутку – я никак не могла отбросить мысль, что он вот-вот начнёт меня домогаться, это же сюжет трети романов, как минимум – какой-нибудь мачо похищает прекрасную девушку, сражённый её красотой… Не то чтобы я такая уж неотразимая… но дело не только в этом.

Просто мне никак не представить, а зачем же я ему ещё? И, вроде как, и самой от этого обидно: я – это ведь не только тело, я – это намного больше, я – личность, уникальная, пусть и не очень-то замечательная, но личность… вот только придумать, когда же он успел разглядеть мой внутренний мир, у меня никак не получалось. И что в нём такого невероятного и уникального для инопланетянина – тоже.

А может, я – носитель какого-нибудь необычного гена? И он заставит меня с собой размножаться? Брр!

Разыгравшееся воображение немного сникло, когда киару, которого я обнаружила на кухне, как-то кисло при виде меня скривился, но воспрянуло с новой силой, когда он произнёс:

– Наверное, Вам придётся остаться у меня.

Глава 7. Маша в гостях

Я невольно схватилась за ворот халата, сама не знаю зачем, то ли чтобы руки куда-то деть, то ли, чтобы в этот халат с головой спрятаться. Дофантазировалась я, похоже!

– Нет, – сообщила излишне гостеприимному инопланетянину и попятилась. – Зачем? Почему?

– Мой интерес к Вам, – начал синеглазый, и сердце моё замерло, наполовину от ужаса, наполовину от странного мне самой восторга – я интересна ему! Правда, он очень быстро меня «приземлил», – слишком очевиден для всех. И я предпочту скорее поддержать сложившееся мнение, чем ждать, пока они докопаются до истины.

Ничего не понимаю. Я ему всё же не нравлюсь? Но при этом мы будет старательно притворяться, что нравлюсь, чтобы какие-то загадочные «они» не докопались до не менее загадочной истины…

– А мне-то скажете, зачем я Вам? – мрачно поинтересовалась, удивляясь своему внезапно наступившему спокойствию и фатализму. Всё воспринималось словно бы со стороны. Видимо, слишком много событий я успела уже пережить за это утро, а ведь всего два часа прошло, как я вышла на пробежку…

Тут меня всё же проняло. Два часа! Родители, наверное, с ума уже сходят, тем более, что мой телефон, хоть и остался при мне – в кармане, но вымок не меньше, чем я, и был совершенно бесполезен.

– Мне надо позвонить! – решительно сказала я. Если он мне сейчас откажет, я… я… не знаю, что я. Либо расплачусь, либо брошусь силой отбирать телефон, который киару вертит в руках. Это у него уже новый, или перед тем, как бросаться спасать бедную Машу, благородный руанец успел выложить из карманов всё ценное?

– Звоните, – равнодушно обронил синеглазый и протянул телефон. Вот так просто? Даже не спросив, куда я буду звонить и что скажу?

– А если я в полицию позвоню? – спросила у него, ругаясь мысленно на свой болтливый язык. Что толку спрашивать «если?», звонить надо было! Ну и что с того, что меня пока не обижают, меня собираются удерживать против воли, а это тоже вполне себе уголовно наказуемое преступление! И «око за око» Уголовный кодекс оправданием не считает!

– Звоните, – повторил киару. И спиной ко мне повернулся. Вот это безалаберность. Даже страшно делается – такое впечатление, что от моих

действий ничего не зависит…

– Я потеряла телефон, – сообщила брату. Родителям звонить не решилась, им врать куда сложнее, а мне, похоже, действительно надо остаться тут. – Зашла к… подружке. Всё хорошо. Ещё позвоню.

И быстро повесила трубку, пока брат – да, он иногда тугодум у меня – только-только подбирал какое-нибудь ёмкое, но всё же цензурное – воспитание-с! – слово, чтобы охарактеризовать свою непутёвую сестрёнку.

– К подружке, – задумчиво повторил киару и подвинул мне кружку с чем-то горячим и коричневым. – Какао. Будете?

– К подружке, – немного враждебно подтвердила я. – А Вы хотите, чтобы я им сказала, что я у совершенно незнакомого мне инопланетянина? Нет, спасибо, я какао не люблю.

– Мне всё равно, – немного насмешливо и как-то очень раздражающе произнёс синеглазый, с упоением принюхиваясь к своей кружке и даже зажмуриваясь. Может, какао для них как наркотик? Что-то больно лицо у него счастливое… И что всё равно-то? Что я скажу, или что какао не люблю? У-у-у, медуза инопланетная! Вот сейчас снять бы полотенце с головы и по этой не в меру довольной физиономии…

Но вместо этого я спросила ещё раз, постаравшись вложить в голос уверенность и чувство собственного достоинства, которых в данный момент у меня, увы, и в помине не было:

– Зачем я Вам?

– Я Вам скажу, – проявил невиданную сговорчивость он. А хотя нет, не проявил. Показалось. – На корабле скажу, когда мы будем в паре дней пути отсюда.

И я ощутила какую-то всеобъемлющую беспомощность. Я никак не могу на него повлиять, кажется, всё, что я могу сделать – это, когда он, наконец, меня отсюда выпустит, свалить из города и залечь где-нибудь на дно. Что там говорил Никитос о своих проблемах? Что-то мне подсказывает, что его проблемы – полная ерунда по сравнению с моими, хоть мне никто пока руку и не ломал… Наверное, от этих мыслей вид у меня сделался жалкий и напуганный – именно так я себя и ощущала, потому что киару неожиданно подобрел и произнёс почти ласково:

– Вам ничего не грозит, Мария Романова. По крайней мере, насколько мне известно. Я планирую вернуть Вас сюда максимум через четыре месяца, живой и здоровой. И, может быть, Вас успокоит, что мне нужны не только Вы. Просто столько неприятностей почему-то именно с Вами.

Вот теперь я совсем ничего не понимаю. Проект же два года, разве нет? Хотя, если туда отправляются в три этапа… Но всё равно слишком

быстро. Или предусмотрены визиты на Землю? Типа навестить родных и всё такое… Надо перечитать, во что я всё же вписалась.

И киару… играет со мной, как кот с мышкой. Кажется, ему доставляет какое-то особенное удовольствие выводить меня из равновесия, которое я всё с большим трудом нащупываю и обретаю. Говорит, что мне ничего не грозит, но можно ли ему верить? Когда он настоящий? Когда жёстко говорит «Ваше правительство мне не откажет», или сейчас, когда смотрит почти по-доброму и даже, кажется, с сочувствием?

Молчание затягивалось. Обычно я спокойно переношу такие, да и более длительные, паузы в диалогах, и поездки в лифте с кем-то незнакомым или малознакомым меня нисколько не смущают, хотя многие испытывают неловкость, но тут меня что-то проняло. Я вдруг осознала, что стою в халате, который велик, и ворот так и норовит расползтись, обнажив сначала плечи, а затем и ещё что-нибудь, и мне приходится держаться одной рукой за полы халата, а другой я тереблю пояс, и вообще, наверное, выгляжу крайне нелепо и… жалко. А главное, мотивы киару совершенно непонятны. Я вот всё думаю о нём, как о мужчине, и поэтому мне кажется, что его задумчивый и чуть потемневший взгляд означает, что я ему всё же нравлюсь, что бы он там ни говорил, а на самом деле…на самом деле он может оказаться вообще бесполым. И смотрит он так на меня, потому что я, например, кажусь ему вкусной. Или он хочет себе следующий скафандр из моего тела сделать… Брр! А может, – не унималось моё разгулявшееся воображение, – а может, я ему нужна не для себя. Может, у него пяток детей, вот он для них и присмотрел тела-скафандры… На этой мысли я инстинктивно попятилась от киару, который, как назло, как раз в этот момент сделал шаг ко мне:

– Мария, – произнёс он необычно мягким тоном и, кажется, собирался что-то мне рассказать, что-то из того, что до этого обещал поведать на корабле… но тут же замолчал, так как я от него шарахнулась. Помолчал пару секунд и продолжил уже совершенно другим, немного раздражённым тоном. – Чего Вы так боитесь? Я же сказал – верну Вас в целости и сохранности.

Встречный вопрос вырвался у меня раньше, чем я осознала, что расценить его можно по-разному. Особенно если не знать, что творит разгулявшееся воображение в моей немного легкомысленной и наделённой хорошей фантазией голове.

– У Вас дети есть?

– Есть, – сказал киару, выдержав небольшую паузу. И даже не спросил, зачем мне это.

– Пятеро? – обречённо уточнила я.

– Трое.

И как-то так посмотрел, словно я предложила ему ещё двоих, недостающих до пяти, родить. Но, к счастью, ничего не сказал. И вообще, шёл бы ты уже, киару, по своим делам, а? Хватит рассматривать меня вот так вот в упор, я ничего тебе не предлагала и предлагать не собираюсь, хотя скафандр у тебя, конечно, что надо! А если это всё же не скафандр, то я ничего такого не говорила и не думала… И оставаться у тебя я тоже не собираюсь, а вот квартиру обшарить не помешало бы – да, мне за это мучительно стыдно, но если речь идёт о благополучии моей семьи и благополучии совершенно чужого мне «чужого», то выбор очевиден. Так что шёл бы ты…

– У Вас, наверное, дела? – предположила я, и – да, намёк получился ну очень толстым, куда толще, чем мне хотелось бы. – Можно мне ещё позвонить? Мой телефон, – я достала совершенно бесполезный теперь кусок пластмассы, стекла, микросхем и чего там ещё, из кармана халата и предъявила синеглазому, – всё ещё не работает.

Чёткого плана у меня не было, но мне было страшно. Казалось, что меня затягивает в воронку каких-то совершенно не имеющих к моей прежней жизни событий, я пытаюсь выбраться, цепляюсь изо всех сил за края, но там стоит киару и не даёт ухватиться, и даже наоборот, спихивает меня вниз. И я теперь лишь винтик в каком-то его плане, винтик, который совершенно никуда не хочет лететь и ни в каком проекте участвовать, и только сейчас в полной мере осознал, что всё это реально. Что инопланетянин может просто взять и забрать меня, а вернёт потом или не вернёт – это уж как получится, и не будет никакого паспортного контроля при отлёте с планеты, и уж тем более не будет вопросов как в ЗАГСе: согласны ли Вы. А я не согласна, только сказать об этом некому… Надо попробовать поднять шумиху, – вдруг поняла я. Позвонить брату, как-то намекнуть, пусть ставит на уши интернет, пишет в газеты, популярным блоггерам, всем-всем-всем. Я не хочу сгинуть без вести и без борьбы!

Киару, вопреки моим страхам, легко и сразу протянул свой телефон. Брат взял трубку после первого же гудка, но я не успела сказать ни слова.

– Машка, – рявкнул он. – Во что ты, дура, вляпалась?!

Я бросила испуганный взгляд на киару – ну, конечно же, он всё слышал, и поняла, что не смогу попросить о помощи. Не так. Только не так. Я не могу, не имею права подставлять брата. А намёков и экивоков тут уже не хватит.

Синеглазый протянул руку, и я, находясь в оторопи и отупении,

протянула ему телефон обратно, думала, он сбросит звонок. Но нет.

– Алексей Романов, здравствуйте, – совершенно спокойно начал инопланетянин. – Меня зовут Айрдан ниа Ши, я – киару народа Руа. Ваша сестра подала заявку на участие в совместном проекте и была отобрана в первый этап. Это большая честь для нас. Обещаю Вам, я лично прослежу, чтобы с ней всё было хорошо.

Что именно ответил Лёшка, я не слышала, но тон он сбавил, видимо, киару его убедил. А после обещания, что я сегодня заеду за вещами, они распрощались чуть ли не друзьями. Ну конечно, брат же у меня всегда неровно дышал к пришельцам… и родную сестру ему ничуть не жалко. Предатель!

Почему именно меня надо жалеть, я сформулировать не могла, но ощущала это именно так – самой себя мне было очень-очень жалко.

– Может, всё же присядете, и поговорим, наконец, как взрослые люди? – немного устало, как мне показалось, произнёс Айрдан-что-то там-Ши. И очень по-человечески потёр глаза. Устал? Или линзы в скафандре запотели?

Я послушно устроилась за столом и сразу ощутила, что очень хочу есть. Вот прям сильно-сильно. Так, что в животе вот-вот начнёт урчать – позор, да и только. Я уже и на какао согласна, на самом деле не так уж я его не люблю, скорее, это было какое-то мимолётное желание покапризничать, которое, как это обычно бывает, исключительно мне самой и навредило. Но не говорить же теперь, что я неожиданно полюбила это самое какао?

– Чем Вас кормить? – спросил, словно подслушав мои мысли, киару. Но прозвучало это у него как-то так, словно я – домашнее животное. Новый питомец, к которому нужна инструкция.

– Едой, – ответила я, решив не шутить про корм. Наверняка, эта шутка не из тех, которые способен понять инопланетянин. Если уж он про «тону» не понял…

– Сегодня начало тренингов, – сообщил мне он то, что я вроде бы и так знала, но давно забыла – не собиралась я на эти тренинги, не собиралась! Киару поставил передо мной тарелку с чем-то напоминавшем по виду овсяную кашу и продолжил, – тренинг… выездной, так что Вам надо собрать с собой самое необходимое. Я отвезу Вас.

– Выездной куда? – подозрительно спросила я. И по наступившему молчанию поняла, что дело нечисто. – Куда? – повторила ещё раз, с удивлением поморщившись от истерических ноток в собственном голосе. Я не истеричка, нет-нет.

– Всё узнаете, когда придёт время. Ешьте.

А сам не ест… А вдруг там что-то подмешано? А можно ли мне вообще есть инопланетную еду?

– Спасибо, я не голодна, – сообщила киару под аккомпанемент урчащего от голода желудка.

Он раздражённо, как мне показалось, передёрнул плечами, но больше предлагать не стал. И, разумеется, отказ от еды ничем мне не помог.

Глава 8. Кое-что проясняется

Выездной тренинг оказался действительно выездным, куда в большей степени, чем я представляла в своих самых больших опасениях. Нас просто сразу собрали на корабле, а потом… корабль поднялся в воздух. Я поняла это не сразу, но, кажется, одна из первых. Просто почувствовала небольшую, но отчётливую вибрацию, и постепенно все ощутили, что что-то идёт не так, начали оглядываться и шептаться. Впрочем, паника подняться не успела – заговорил киару.

– Мне жаль, – сказал он, вроде бы не повышая голос, но так, что все, взбудораженные и напуганные, сразу замолчали. – Жаль, что приходится забирать вас таким образом, жаль, что у вас не было возможности проститься с близкими, понимая, что вы уезжаете на куда больший срок, чем заявленная пара дней, жаль, что пришлось врать… Я понимаю, вы напуганы, но даю вам слово киару, что мы не причиним вам никакого вреда. Наоборот, мы отчаянно нуждаемся в вашей помощи, и сделаем всё, чтобы обеспечить вашу безопасность.

Он ненадолго замолчал, обводя всех взглядом, не задержавшись на мне ни на секунду, и меня это почему-то уязвило. Словно бы твой хороший знакомый делает вид, что вовсе и не знает тебя. Хотя хорошими знакомыми нас с киару назвать трудно… я для него – источник проблем, он для меня – медуза в скафандре. Многодетная. Но всё равно обидно.

– Мы находимся в состоянии войны, – продолжил тем временем инопланетянин. Кроме него в помещении было ещё двое «чужих», они стояли возле входа, но – это немного успокаивало – вроде бы без оружия. С другой стороны, а что я знаю о том, как выглядит их оружие? Ох, не нравится мне это всё. Не зря хотелось сбежать, ох не зря! И дура я, что не сбежала. Как бы там ни было но «в состоянии войны» разом перечёркивает все уверения в том, что нам ничего не угрожает. И я в принципе не хочу участвовать ни в каком конфликте, тем более в конфликте инопланетян с инопланетянами, медуз с муравьями или рептилиями, ну правда, зачем мне это?

Я злилась на киару. Мало того, что он делает вид, что совершенно со мной не знаком, он ещё и обманул меня. И остальных обманул. И получается, что я подставила Никитоса – это из-за меня он оказался в этой весьма немногочисленной – всего семнадцать человек – группе, от которой руанам нужна какая-то загадочная помощь. Кстати, какая?

Погрузившись в свои эмоции и переживания, а также пытаясь поймать взгляд Никиты – мне было страшно, а он всё же самый родной мне человек здесь, я слушала киару не очень-то внимательно, но основную суть уловила: одна из их стратегически важных баз в результате какой-то хитроумной операции противника оказалась полностью непригодна для жизни – там присутствует какое-то излучение, под воздействием которого руане стремительно мутируют и умирают. А им позарез надо на эту самую базу попасть и что-то там активировать. И тут, видимо, вступаем мы. Нас ведь не жалко…

Примерно это и высказал киару один из моих товарищей по несчастью – высокий рыжий парень. Я его даже как-то зауважала. Парня, не киару.

– Это излучение не действует на людей. Мы… проверяли, – признался синеглазый. Кто-то рядом со мной выдохнул с облегчением, а меня наоборот захлестнуло возмущением: эти существа прилетели на нашу планету под видом друзей, а сами ставили на людях эксперименты?! Интересно, сколько раз уже наше Правительство «не отказало» киару?

И зачем нас семнадцать, если надо десять? И как они отбирали? Сплошные вопросы… Но киару уже закончил своё выступление, сообщив, что больше мы узнаем через неделю, когда прибудем на какую-то планету, где нас и будут учить. Интересно, чему?

Потом нас распределяли по каютам, кормили, вежливо отвечая на негативные выпады – нервы у некоторых сдавали, и игнорируя все вопросы, но это всё были какие-то другие инопланетяне, не киару, он больше не показывался. А мне просто физически нужно было высказать наболевшее лично ему.

Этот гад был у меня дома. Разговаривал с моими родителями, смотрел им в глаза и врал, врал, врал. Что всё совершенно безопасно, что скоро я вернусь, что он за мной присмотрит – как присмотрит, если ему на эту базу нельзя?!

Корабль чуть слышно гудел и еле заметно подрагивал, никак не давая мне хоть немного расслабиться, представить, что я не в железной коробке где-то невероятно далеко от Земли, а, например, в какой-то гостинице. Весьма странной, но всё же…Почему-то мне раньше казалось, что самое страшное – это взлёт, когда корабль ещё тянет обратно силой гравитации, и, пойди что не так, шарообразный корабль приобретёт форму лепёшки, хотя более вероятно – миллиона осколочков. Теперь же, когда взлёт был несколько часов как позади, я поняла, что сам полёт – куда страшнее. У нас на Земле до сих пор иногда не находят своевременно потерпевших

крушение в море, хотя казалось бы, что уже все средства для этого есть, а что уж говорить о космосе? Вдруг непостижимые для нашей науки двигатели корабля заглохнут, что тогда? Наверное, раньше всего кончится воздух…Насколько его хватит? А если воздуха хватит надолго, то, наверное, кончатся продукты? Или же кто-то сойдёт с ума и перебьёт всех остальных? А сколько ещё вариантов можно вспомнить из многочисленных фантастических фильмов!

В общем, мне было страшно, страх подогревал злость, и с этим взрывным коктейлем эмоций мне, естественно, не спалось. Моя соседка по каюте – угрюмая, неразговорчивая девушка со странным именем Ула давно спала, а я всё вертелась с бока на бок и чувствовала, как теряю контроль над своим состоянием. Я бы пошла к Никите, просто поговорить, но он же, как и я, в каюте не один, с каким-то парнем, кажется, даже смутно мне знакомым. Так что остаётся только чуть слышно вздыхать, вертеться и вспоминать события сегодняшнего дня, пытаясь их упорядочить и, если не смириться, то хотя бы принять. Бесполезно. Я лишь больше завожусь.

Почувствовав, что вот-вот взорвусь, я накинула кофту и выскочила из каюты.

Ночь и день на космическом корабле весьма условны – вокруг темно всегда, так что ориентироваться приходилось по приглушённому свету в коридорах. И отсутствию кого бы то ни было.

Почему-то при мысли, что подлый киару спокойно спит в своей каюте, меня вообще чуть не затрясло. Знала бы в какой – навестила бы, сказать на ночь пару ласковых, может, даже плюнуть. Или врезать – заодно узнаю: скафандр или нет.

Но я не знала, так что просто металась туда-сюда по коридору, не представляя куда податься, как будто бы можно вообще куда-то деться с «космической лодки», она железная, кругом пустота…

– Ищете каюту Никиты Рекунова? – вкрадчиво поинтересовался предмет моих недавних размышлений.

– Нет, – на удивление спокойно ответила я, но потом не удержалась и огрызнулась. – Вашу!

– Пойдёмте, покажу, – с излишней готовностью и радушием предложил киару. Явно знал, что не соглашусь. Я же не настолько ещё обезумела.

– А пойдёмте! – с удивлением услышала саму себя. Что я творю?! Решила поспорить, кто кого возьмёт на «слабо»?

Киару уступать тоже не пожелал – пожал плечами и куда-то направился. Я шла следом и проклинала свой глупый язык. Вот что я ему

скажу? Ну, кроме того, что он – свинья и подлец. А вдруг он подумает, что я его домогаюсь? Или покушаюсь на какое-то очередное имущество…

Киару на секунду задержался перед одной из дверей, сказал мне зачем-то «вот», и зашёл внутрь. Чувствуя себя всё большей дурой, я шагнула за ним. Не знаю уж, что подумал синеглазый о цели моего визита, но… он стал раздеваться!

– Что Вы делаете? – спросила я и на всякий случай крепко-крепко зажмурилась.

– Раздеваюсь, – таким тоном, словно это именно то, что полагается делать в таких ситуациях. Что-то я волнуюсь.

– Прекратите! – потребовала почти испуганно. – Вы меня для этого пригласили? Стриптиз показать?

– Мария Романова, – устало вздохнул он где-то рядом, глаза я так и не открыла, ориентировалась на звук, – я Вас не приглашал. Вы просили показать, где моя каюта, я показал. Внутрь я Вас не звал и… шли бы Вы спать?

– Не спится, – буркнула я, чувствуя, что либо он планомерно надо мной издевается, либо логика инопланетян всё же отличается от нашей. Ну или, по крайней мере, от моей. Я была уверена, что «пойдёмте, покажу» – это приглашение, но если посмотреть с другой позиции… получается, что я – незваный гость, которому пока ещё вежливо пытаются указать на дверь. Интересно, я смогу выйти, не открывая глаз? Что-то не хочется мне на него смотреть, мало ли что он успел уже снять, я ж не знаю, какие у них нормы приличия…

– А зачем Вы жмуритесь? – полюбопытствовал киару.

Чтобы лучше тебя слышать, – совершенно не к месту вспомнилась мне сказка о красной шапочке.

– Чтобы не мешать Вам раздеваться, – ляпнула я, уже зная, что он ответит.

– Вы мне не мешаете, – совершенно спокойно сообщил он, и я поняла, что глаза не открою ни за что на свете.

– Вы обещали мне сказать… что у Вас украли.

На самом деле, мне было всё равно. Я вспомнила об этом только потому, что мучительно искала, что бы сказать или спросить. Ведь сообщить об этом человеку в сером у меня никак не выйдет. Очень хочется надеяться, что он расценит внезапный отлёт киару вместе со мной как форс-мажор…

– Зачем Вам это? Вы ведь, мягко говоря, не испытываете симпатии ни ко мне, ни к моему народу, и будь Ваша воля, предпочли бы вообще ничего

о нас не знать. Продать эту информацию задорого у Вас вряд ли выйдет – те, кому это действительно важно, и так всё знают… Так зачем?

Я стояла и обтекала. Вот так вот буквально в паре предложений он назвал меня и ксенофобкой, и стукачкой, и ещё бог знает кем… и самое больное – не так уж и ошибся.

– А зачем тогда Вы обещали мне сказать? – спросила обиженно, зажмуриваясь ещё крепче, чувствуя, как подступают совершенно нежданные и ненужные злые слёзы. От собственной беспомощности. И мировой несправедливости.

– Это не делает мне чести, – вздох, – тогда я злился на Вас и хотел, чтобы Вы почувствовали себя виноватой.

– А теперь не хотите? – от удивления я даже глаза приоткрыла, и тут же снова испуганно зажмурилась – он был совсем близко и смотрел… я не успела понять, как смотрел, но вытесненная было обидой неловкость вернулась.

– Не хочу.

– Больше не злитесь?

– На Вас – нет, на себя – да. И даже больше, чем тогда. – Пауза. Ещё один вздох. – Всё-таки хотите знать?

– Хочу, – призналась я. Теперь мне уже и правда стало интересно. Запретный плод и всё такое.

– Тогда, может, перестанете так явно демонстрировать, что Вам противно на меня смотреть и присядете?

Я послушно открыла глаза, судорожно подыскивая слова, чтобы объяснить, что дело не в отвращении, дело в чём-то другом, в какой-то неловкости, правилах приличия, вежливости что ли…но так ничего и не сказала. Молча оглянулась, подыскивая, куда сесть, и, устроившись в странного цвета кресле, постаралась, наконец, твёрдо и спокойно остановить взгляд на инопланетянине. Он, вопреки моим опасениям, был одет. Просто сменил нечто, напоминающее китель, на более свободную куртку и всё. Я обрадовалась. Честно. А вздохнула от облегчения, и ничего другого.

– Ключ, – сказал синеглазый, присаживаясь в кресло напротив. Между нами был небольшой стол, и расстояние казалось мне достаточным… пока киару не сел. Слишком близко он оказался. Опять слишком близко. И ещё руки на стол положил. Не мог, что ли, откинуться на спинку кресла, как я, и руки на коленях или на груди сложить…

– Украли ключ? – переспросила я. И это всё? Вся трагедия? Что бы он ни открывал, наверняка можно сделать дубликат… – А запасного нет?

– Нет. Это был единственный уцелевший ключ доступа к станции.

К станции… к какой станции? К той базе, на которую мы должны лететь что ли?

– Эта станция…

– Да, – перебил меня он. – Именно к той, куда вы полетите.

Ну и где логика?

– И зачем мы туда полетим, если ключ утерян? И что будет с нами без ключа? Мы просто туда не попадём или нас расстреляют на подлёте?! – о ужас, я, кажется, истеричка. Нормальные девушки так не подвывают. Мне не нравится такой быть, надо срочно брать себя в руки. Вот и собеседник мой морщится.

– Я полечу с вами, – коротко ответил киару.

Полетит с нами. Ну, круто. И в чём тогда трагедия-то утери ключа? Придётся самому ввязаться в авантюру, в которую собирался втравить землян? Ой…

– Но там же излучение…? – невольно выпалила вслух, ещё до конца не осознав, что это означает. Киару лишь пожал плечами. – Вы… – начала я. Как спросить? Вы умрёте? Вы сильно мутируете? – Вы ведь сможете вернуться? – спросила, и неожиданно для себя самой затаила дыхание.

– Я, кажется, и так уже ответил на большее количество Ваших вопросов, чем обещал, Мария Романова, – сказал он. Очень спокойно и вежливо сказал, только почему-то веяло каким-то запредельным холодом от этого спокойствия. Он не вернётся – поняла я. Полетит с нами и останется там. Пройдёт через мутации, что вряд ли приятный процесс, и останется там навсегда. Мёртвый. И виновата в этом ты, Мария Романова. И неважно уже – медуза или нет, ты подставила его куда сильнее, чем могла представить…

Вот, киару, как ты и хотел – меня практически размазало чувством вины, я даже дышать на мгновение перестала, когда на меня обрушилось это откровение.

– Айрдан, – выпалила вдруг, и не знаю, кто больше удивился – он или я. – Вы там… Вы… не вернётесь?..

Я всматривалась в лицо киару, он же опустил взгляд на стол, и только тогда я поняла, что, оказывается, схватила его за руку. Когда – не знаю. И от этого мне тоже крайне неловко. Но отпустить теперь, тем более поспешно, – значит окончательно его оскорбить. Он вон и зажмуривание моё не так истолковал и отнёс на счёт неприязни… а я и сама не знаю, почему так реагирую.

– Если Вы не возражаете, Мария, я бы предпочёл сменить тему

разговора. Эта меня несколько… расстраивает.

Я молча на него смотрела и чувствовала, что краснею, потому что он тоже взял меня за руку, и теперь мы держимся за руки и молчим, а ещё он на меня пристально и в упор смотрит, и я не могу выносить взгляд этих слишком синих глаз, и сама отвести глаза тоже не могу. И кажется, сейчас моё сердце выпрыгнет из груди, да что там из груди, оно и так уже стучит где-то в ушах… Ну скажи уже что-нибудь, киару, скажи или отпусти меня. Я не хочу, не хочу всего этого. У меня есть возлюбленный, и это совершенно неправильно, что я позволяю себе быть наедине с кем-то другим, а уж тем более сидеть вот так вот, и чувствовать что-то такое… такое, чему нет названия, но оно переворачивает весь мой мир, заставляя признать – мне не всё равно. Я хочу, чтобы этот инопланетянин жил. Мне будет очень жаль, если он погибнет, и совершенно невыносимо, если по моей вине.

– Почему именно мы? – хрипло спросила я, просто чтобы что-то сказать и как-то разорвать возникшее напряжение. Всё это было неправильно и странно. Наверняка, это всё из-за чувства вины. Я ведь нормальная, влюблённая в Никитоса девушка и никак не могу испытывать это странное желание оказаться к киару ещё ближе, очень-очень близко, и…

– Вы про отобранных… участников проекта? – уточнил киару после паузы. И готова поклясться – его голос тоже звучал далеко не так ровно и непринуждённо как обычно.

– Да, – сказала я, закусывая губу и отмечая своё учащённое дыхание. Я – извращенка.

– Мария, – сказал он, и как сказал! Кажется, не будь между нами стола, эта самая Мария наделала бы глупостей… Киару прикрыл глаза, глубоко вздохнул и выдал уже почти ровным тоном. – Давайте завтра поговорим? Сейчас Вам лучше пойти спать.

И я пошла. Высвободила руку, ощущая себя так, словно у меня отнимают что-то важное, и теперь я навсегда осиротела, прошла к двери, всем телом чувствуя на себе какой-то особенно тяжёлый взгляд… и вышла, ничего не сказав. Надо было, наверное, сказать «спокойной ночи» или «до завтра», или что-то там ещё, но я боялась расплакаться. Наверное, оттого, что он меня выгнал. А может, оттого, что он скоро умрёт, и именно я тому виной.

Глава 9. Ох уж эти инопланетные феромоны…

Утром разговор с киару казался сном. Моя всегда казавшаяся мне устойчивой психика просто отказывалась принимать тот факт, что небольшой поступок может привести к таким последствиям. Ничего плохого синеглазому я не желала. Ну, по крайней мере, всерьёз не желала. О том, что я вчера испытывала, когда он держал меня за руку, я вообще решила просто не думать. Да и зачем? Это был какой-то сбой, возможно, слишком сильный стресс, чувство вины, одиночество… ну да, наверняка. А может, это еда у них тут такая… или руане излучают какие-то феромоны специфические, да мало ли что! Я ведь знаю, что люблю Никиту, уже почти год люблю, и нас столько связывает, и он – мой первый мужчина… А киару просто очень хочу помочь.

Интересно, он действительно планирует со мной и сегодня поговорить? Или сказал, чтобы я ушла? И что было бы, если бы я осталась?.. При последней мысли неожиданно что-то сладко ёкнуло. Ну точно какие-нибудь медузьи феромоны, – решила я, но на саму себя всё равно рассердилась.

Постучав ещё раз в запертую дверь ванной комнаты – Ула плескалась там уже полчаса, и не получив как и прежде никакого ответа, я отправилась завтракать так. Хорошо ещё в туалет успела проскочить… Сама я пользовалась водой очень скупо, причём подобная «жадность» была скорее на уровне подсознания – я помнила, всё время помнила, что мы в металлической сфере посреди космоса и воду взять неоткуда. Хотя и знала, что они воду как-то очищают, и она может циркулировать сколько угодно. Всё равно было жалко.

Вовремя поймала себя на том, что отправилась вовсе не в сторону зала приёма пищи, а к каюте киару, и, покраснев, исправилась. Хорошо, что никто не видел.

– Машуля, давай ко мне! – крикнул Никитос, едва я вошла в этот самый зал. Почему-то самих инопланетян здесь не было, только люди. То ли зал выделен специально для нас, то ли время.

– Доброго утра, – сказала я, ставя на стол тарелку с кашей и двигая стул. – Как дела? Выглядишь хорошо, как будто тебя и не били недавно.

Никитос поперхнулся последней ложкой каши, откашлялся и выдавил:

– Спасибо, добрая женщина.

Он действительно выглядел, как новенький – ещё вчера были видны следы побоев, а сегодня – ничего.

– Да, они меня подлечили, – пояснил, заразительно улыбаясь.

Какие они всё-таки разные: Никита и киару, – вдруг подумалось мне. Никита – как лёгкий ветерок, киару – скала. При мысли о синеглазом на душе стало опять неспокойно. Неужели нет никакой надежды? Я ведь сдала Ромку… или слишком поздно? Да и Ромка-то ничего не брал, куда важнее было поймать того типа в чёрном, но про него я ничего не знала.

Погрузившись в свои мысли, не сразу поняла, что Никитос что-то спрашивает или предлагает. Пришлось переспрашивать. Он предлагал вместе смотреть «ознакомительные видео» – оказывается, в каждой каюте был экран – я и не заметила, и набор каких-то роликов, которые можно посмотреть. И заниматься со мной руанским языком Никитос тоже снова хотел.

Собственная реакция меня немало озадачила и разозлила. Я должна была обрадоваться, и я обрадовалась, но как-то отстранённо, словно бы тому, что всё идёт по плану, а не тому, что я проведу время с ним. Но это ещё не самое противное. Хуже было то, что я ощутила чуть ли не вину перед киару, стоило мне подумать о том, чтобы согласиться. Да что это со мной? Мало ли с кем я за руку держалась? С Ромкой вон тоже, и что? Я даже не знаю, как синеглазый ко мне относится…и кто мать его многочисленных детей.

– Да, – сказала я, рассеянно ковыряясь в каше. – Зайду, спасибо. Чуть попозже.

– Договорились, – немного удивлённо отозвался Никитос и ушёл, неожиданно поцеловав меня в шёку. – Буду очень ждать!

Вот ведь… Индикатор что ли у этих мужиков? Начнёшь думать о другом, сразу становятся куда ласковее… Поняв, что еда в меня просто не лезет, и не полезет, пока не поговорю с синеглазым, я отставила тарелку и отправилась к уже знакомой каюте. Увы, меня ждал облом.

Киару мне не открыл. Я стучала, ждала, снова стучала – ничего. Возможно, его там не было, но так как его соотечественники, проходившие периодически мимо и с любопытством на меня косившиеся, ничего не сказали, я сделала вывод, что он там. Просто не хочет со мной говорить. Это оказалось неожиданно неприятно, почти больно. Хотя, безусловно, он имеет на это право. Простояв минут десять и попавшись на глаза, кажется, всей команде корабля, я всё же отправилась к себе. Надеюсь, моя странная соседка уже закончила свои водные процедуры.

Когда раздался стук, я решила что это Никитос – устал «очень ждать» и решил проявить инициативу. И захотела его поддразнить – встретить в полотенце, словно бы я только что из душа, хотя на самом деле вышла из него уже минут пять назад и успела почти полностью одеться. В конце концов, я просто скажу ему, что приду попозже и всё, а полотенце – чтобы ему ждать было веселее.

– Можно? – спросил обнаружившийся за дверью киару, и я, чуть не уронив полотенце, машинально кивнула. И только когда синеглазый оказался внутри, поняла, что надо было попросить его подождать снаружи, пока я оденусь. Не разговаривать же мне с ним в таком виде? Что подумает Ула, если не вовремя вернётся? Или Никитос, если всё же зайдёт?

Не знаю уж, насколько синеглазого оскорбило моё вчерашнее зажмуривание, но он явно решил продемонстрировать противоположное отношение – наградил таким внимательным и долгим взглядом, что я опять ощутила волнение и почти восторг, щедро сдобренные смущением.

– Вы меня искали, – наконец, произнёс он, но смотреть не перестал.

– Да, – согласилась я, в очередной раз чувствуя себя дурой. Надо бы пойти хоть в ванную комнату одеться, но я, торопясь примерить полотенце, снятую одежду запихала под подушку. Как-то неудобно её оттуда в таком состоянии – скомканную доставать на глазах у киару. А другой одежды у меня и нет – на пару дней ведь сумку собирала… Инопланетянин вопросительно приподнял брови, и я пояснила, зачем искала. – Мы вчера не закончили…

Ох, кажется, прозвучало это двусмысленно. Особенно от девушки в полотенце. И я поспешила уточнить:

– Разговор не закончили.

– Не закончили, – не стал спорить киару, всё так же не отрывая от меня потемневшего взгляда и продолжая излучать свои феромоны. Иначе как объяснить направление, в которое свернули мои обычно вполне приличные мысли. И просьба моего нежданного гостя их только подзадорила. – Пожалуйста, оденьтесь, – очень убедительно произнёс он.

Надо было одеться. Молча. Но я вспомнила свою вчерашнюю обиду и не удержалась:

– Противно смотреть?

– Нет, – не растерялся он. – Потрогать тянет. Но если Вы не против, можете не одеваться.

Надо ли говорить, что я тут же метнулась за одеждой, наплевав на то, что он подумает о том, где и в каком виде я храню вещи.

– Приходите в зал приёма пищи, – услышала я, забегая в ванную с

охапкой вещей. Ответа он не ждал, видимо, не сомневаясь, что приду.

Я появилась там почти через десять минут. Причём на то, чтобы одеться, у меня ушло всего минуты две, а всё остальное время я пыталась что-то сделать с пылающими щеками, в чём преуспела только наполовину.

Айрдан-что-то там-Ши – надо всё-таки переспросить ещё раз имя – сидел в полном одиночестве за столом в углу, уткнувшись в планшет. Я даже умилилась – насколько «земная» картинка получилась.

– Неужели нельзя найти ключ? – сходу спросила я, присаживаясь напротив. Этот стол, к счастью, был куда больше, чем в каюте у киару.

– Мы пытаемся, – поднял он на меня свои невероятные глаза, и я на мгновение замерла. Если я задержу дыхание или буду в его присутствии в ватно-марлевой повязке, может, на меня не будут действовать эти проклятые феромоны? Представила себя в противогазе, а главное – выражение лица киару, если я на следующую встречу приду именно так, и с трудом удержалась от неуместного смешка.

– А зачем он вообще кому-то? На Земле, я имею в виду, – ради собственного спокойствия я стала рассматривать стол. На собеседника смотреть было как-то излишне волнительно.

– Мы – первые, кто пошёл на официальный контакт, но ваша планета известна уже очень давно… так что контакты уже были и продолжают иметь место, – я на него не смотрю, но уверена – пожал плечами.

– А почему вы – официально? – не удержалась от вопроса. И от взгляда. Вот если бы киару смотрел как-то по-другому, я бы, наверное, смогла продолжить разговор, глядя ему в глаза. А так пришлось вернуться к столу, хотя в нём не было ничего примечательного.

– Мы не хотели как-то поощрять ваши внутренние конфликты, – пояснил киару. – Может, Вы хотите что-то поесть?

– Кашу? – с грустью спросила я. Сейчас как заставит доедать то, что осталось после моего первого прихода сюда… Мало ли, у них тут такое правило. Экономия ресурсов и всё такое… А я вообще каши не очень, а уж остывшую… Беее.

Он промолчал, а я подумала, что надо на него посмотреть. И желательно не бросить испуганный взгляд на полсекунды и уткнуться обратно в стол, как я недавно сделала, а нормально встретиться глазами, иначе он ещё больше укрепится в мнении, что я погрязла в своей ксенофобии, а я погрязла уже в чём-то совершенно другом, абсолютно неожиданно для себя. В чувстве вины и каких-то дурацких инстинктах, реагирующих на непонятно что.

И когда я, наконец, решилась и подняла глаза, меня ждал сюрприз –

киару не было. Нет, вот это нормально – взять и уйти посредине разговора? Не спорю, сверлить глазами стол – тоже не очень нормально, но уйти – это куда сильнее оскорбить собеседника. Наверное.

– Вот, попробуйте, – внезапно раздался совсем рядом голос киару, и на стол передо мной опустилась тарелка. От голоса я вздрогнула, что явно не осталось незамеченным, а от содержимого тарелки сильно удивилась. Точнее от количества. На обычной тарелке лежала чайная ложка чего-то. И как это понимать? Столько по представлениям руан должна есть приличная девушка? Или это экономия ресурсов – вдруг не понравится, не выбрасывать же? – Много не предлагаю, потому что на некоторых людей аггру оказывает действие, аналогичное алкоголю, – пояснил синеглазый, возвращаясь на своё место с той стороны стола.

Это оказалось вкусно. Очень. Куда лучше каши, и ничего такого алкогольного я не ощутила, но просить добавки не решилась – потом сама возьму.

– Так почему именно мы? – повторила вчерашний вопрос, поедая угощение микроскопическими кусочками. Ведь оно даёт мне основание лишь изредка бросать на киару взгляды, а основное время смотреть в тарелку.

– Наша техника отличается от вашей, – да, я, в общем-то, догадываюсь, спасибо, кэп, – наша основана не столько на механическом управлении, сколько на мысленном воздействии. В большинстве своём люди не смогут воспользоваться нашим оборудованием, но оказалось, что есть очень небольшой процент людей, которые могут. Вот их мы и отобрали…

– Так это всё было неправдой? – грустно спросила я. – Весь этот совместный проект с освоением какой-то там планеты? А зачем тогда второй и третий этап?

– Ну почему же? Проект есть, мы его запланировали задолго до того, как узнали, что люди могут нам помочь и в этом… деле.

Мы помолчали, почему-то из всех вопросов к киару, которых возникало бессчётное множество, стоило оказаться от него на отдалении, сейчас остался только один, тот, который я никак не могла задать: про семью. Которая скоро его потеряет…

– Простите, – сказала я, снова погружаясь в сожаления и чувство вины. – Я и подумать не могла… – осеклась, чувствуя, что голос вот-вот сорвётся, а к глазам опять подступают слёзы. Дожили, я превратилась в истеричку и плаксу. Ещё и озабоченную.

– Мария, – мягко произнёс он, пересаживаясь поближе, вот прямо

совсем близко, – не вините себя. Я сам виноват куда больше. Каждый день мы совершаем какие-то действия, и они влекут за собой последствия, которые нам не предугадать, а ведь если бы мы могли их знать, то поступили бы по-другому. Вы нажимаете на кнопку, чтобы придержать для кого-то лифт, а из-за этого кто-то другой может не успеть сбежать от убийцы и скрыться в этом самом лифте. Или же Вы не стали для кого-то держать лифт, человек не успел на автобус, поехал на следующем и попал в аварию. Но Вы не можете этого знать, и не можете от себя этого требовать. Есть разумные пределы, оставайтесь в них. Я Вас не виню, и Вы себя тоже не вините. И, – уже совсем другим, безразличным тоном произнёс он, поднимаясь, – Вас разыскивает Никита Рекунов. Хорошего Вам дня, Мария Романова.

А я так растерялась, что не успела ему ничего ответить.

– Ого, – весело сказал Никитос, плюхаясь рядом со мной, на место, на котором ещё минуту назад сидел Айрдан. – Сам киару снизошёл до разговора с тобой! Ничего, что теперь я посижу рядом?

Я ощутила какое-то глухое раздражение – вот сколько можно паясничать? Да, мне в принципе нравятся весёлые и оптимистичные люди, но, как только что сказал «сам киару» – везде есть разумные рамки, и надо оставаться в них.

– Что у тебя за неприятности-то были? – спросила я у Никиты, может, немного резковато, не сдержалась – после серьёзного разговора с киару это легкомыслие в Никитосе меня просто взбесило, захотелось если не уязвить его, то хотя бы вернуть в серьёзное русло. Не получилось.

– Да ну, – сказал он. – Не бери в голову, теперь всё позади. Я вообще удачливый. А ты чего такая грустная? – наконец, заметил он моё состояние. – Что-то случилось? Это он тебя расстроил? Что произошло?

– Да ну, – повторила я его слова, криво улыбнувшись, – не бери в голову.

– Не дрейфь, Машуня, – сказал Никитос, ободряюще сжимая мою руку, – Я за тобой присмотрю! – И ослепительно улыбнулся. А мне было и радостно, и как-то не по себе – где-то глубоко-глубоко крутилась мысль: а что, если киару увидит? Решит, что я всех подряд хватаю за руки… Хотя после того, как я ему призналась, что люблю Никиту и лечу ради него, вряд ли он чему удивится. Но вдруг расстроится… Хотя с чего это я взяла, что расстроится? Вот я бы расстроилась, если бы увидела, что он держит кого-то за руку? Да нет, конечно. Тем более что кого-то он явно не только держит за руку – взялись же у него откуда-то дети, аж трое. И меня ведь это совершенно не расстраивает, абсолютно. А руку я высвободила просто так,

тарелку взять и отнести в автомат, принимающий грязную посуду.

Никитос последовал за мной:

– Ты в медпункте-то была?

– Нет, – удивилась я. – А что мне там делать?

– Всем надо сходить, говорил же вчера этот, с которым ты только что секретничала, – сказал Никита, идя за мной к выходу и пытаясь приобнять. – О чём хоть говорили-то?

Ещё пару дней назад я ему всё рассказала бы, да даже и вчера утром ещё, но теперь не могла. Я вообще теперь в присутствии Никиты испытывала смешанные чувства – мне и радостно было, что он рядом, и в то же время хотелось остаться одной, и я никак не могла разобраться почему – то ли мне перед Никитосом стыдно за то нереальное притяжение, которое я испытываю к киару, то ли перед киару – вообще непонятно за что. Может, мне самое время пойти в медкабинет и сдаться в руки соответствующему специалисту?

– А где этот твой медпункт? – вздохнув, спросила я.

И Никита, с готовностью взяв меня за руку, повёл показывать. А я шла и злилась. На него – за то, что он два месяца морозился, а теперь вот его прорвало, на себя – за то, что не решаюсь выдернуть руку, и куда больше за то, что мне этого хочется, на киару – за то, что влез в мои мысли и никак не желает их покидать, на коридор – за то, что он всё не кончается…

Мне бы побыть одной, успокоиться, разложить всё по полочкам. Я ведь о киару совершенно ничего не знаю, а Никиту – люблю. Я же ради него всё это затеяла, я же столько времени провела, представляя нас вместе, я даже фамилию его мысленно не раз примеряла, и всё это, все мои усилия, мысли и мечты – насмарку? Просто потому, что от стресса у меня в голове что-то замкнуло, и теперь я хочу киару? Причём так, как Никитоса никогда и не хотела… Нет, так нельзя! С этим помешательством надо завязывать.

Лёжа в капсуле в медкабинете я думала о Никите. Вспоминала, как мы познакомились. Как он красиво ухаживал, долго ведь ухаживал-то! Как впервые поцеловались. Как встречали вместе новый год… и как потом он меня бросил. Не скажу, что он сделал это как-то особо некрасиво или жестоко, нет, он у меня хороший, старался смягчить… но всё равно было больно и обидно. И сразу очень захотелось его вернуть. Собственно, я только тогда и поняла, насколько сильно люблю его. Именно потому, что от его ухода стало больно и захотелось снова получить его любовь.

Лежать стало скучновато, о Никите думать больше не получалось, а о киару – не хотелось, и я стала прислушиваться к тому, что происходит снаружи. Может, стоит уже позвать эту странную инопланетянку, которая и

психолог и весь остальной медперсонал в одном лице? До каких пор мне тут лежать-то? Стоило начать прислушиваться, и в полнейшей тишине, которая царила вокруг до этого, стали проявляться звуки, словно кто-то опустил или растворил толстый слой изоляции, обмотанный вокруг меня. Может, так и работают руанские технологии? Киару же говорил, что отобрали тех, кто может управлять их техникой. Наверное, раз я слышу, то и меня будут слышать?

Я уже собиралась заговорить – хоть попрактикуюсь в языке, ну и что, что инопланетянка меня явно недолюбливает, внешне она – сама вежливость, хоть и немногословная, но я почему-то точно знаю, что я ей не нравлюсь. Может, это она – мать детей киару? Вот и спрошу. В конце-то концов, она же меня тогда спрашивала, в каких отношениях я с киару, так почему бы и мне теперь не спросить? Но заговорить я не успела – к ней кто-то пришёл.

– Кто там у тебя? – спросил на руанском совершенно незнакомый мне голос, вроде бы мужской, но кто их, этих медуз знает.

– Она, – коротко бросила медработница, вложив в это маленькое слово просто тонну презрения. Не сказала, а плюнула. О как. Оказывается, я среди руан довольно-таки известна, плохо только, что печально известна – наверняка, злятся на меня за утерю ключа, и я могу их понять. Вот только как это исправить – не знаю.

– Может?.. – предложил тем временем предположительно мужской голос, и повисла пауза. Я – глупая. Я почему-то подумала, что он вообще не обо мне, что он предлагает этой нелюбезной инопланетянке заняться чем-нибудь приятным, пока я лежу в капсуле, но её ответ привёл меня в недоумение:

– Нет, – с сожалением вздохнула она. – Он прямо запретил.

Чего это киару ей запретил? Ходить налево?

– Скажешь, что аллергия у неё оказалась какая-нибудь…земляне же ещё почти не изучены, – с ужасающим равнодушием предложил её гость.

Минуточку. Это что же, они обо мне?! Он подстрекает её убить меня?! Мне стоило большого труда успокоиться и дышать более или менее ровно, словно бы ничего не произошло. Нельзя подавать вид, что я что-то слышала, ведь тогда мне точно конец, а так есть шанс добраться до киару и… и не отходить от него ни на шаг. И пусть он сам думает что угодно, и Никитос пусть думает, что угодно, сначала надо выжить, а потом уже можно разбираться с подпорченной репутацией и порушенной личной жизнью. Недавнее общение с Ромкой очень наглядно показало мне, что я – слаба и беспомощна, и совершенно не бессмертна, как бы этого ни

хотелось.

– Нет, – твёрдо сказала инопланетянка. Вот умница моя! Правильно, не соглашайся, только не соглашайся! – Хочешь неприятностей – твоё право, мне они не нужны. И лучше уходи – через две минуты закончится сканирование, и она проснётся.

Когда капсула открылась, я очень старалась. Тёрла глаза. Зевала. И даже ушибла руку, пытаясь исполнить потягушку.

– Как Вы себя чувствуете, Мария? – поинтересовалась она, как ни в чём не бывало.

Я чувствовала себя загнанной дичью, но как-то смогла улыбнуться и соврать, что хорошо. И добавила, что я бодра, как никогда. В этом, кстати, ничуть не солгала – перепуганный организм просто затапливало адреналином, хотелось бежать, прятаться, а может даже и напасть, знать бы только на кого.

– У Вас всё хорошо, наша помощь не требуется, – сообщила мне эта лицемерка и добавила так, что я невольно вздрогнула. – Но если Вам вдруг будет нездоровиться, буду рада… Вас видеть.

Первая и пока единственная мысль была бежать к киару. Но выйдя за двери медкабинета я начала сомневаться. А что, если меня подвело знание языка? Я неплохо понимаю, но могу не знать каких-то нюансов… кроме того, они не сказали ничего такого, из чего однозначно следовало бы желание причинить мне вред. А не любить меня они имеют право, как и я – не любить их, впрочем. Да и с чего бы им хотеть мне навредить? Вроде бы всё наоборот – мы, люди, очень нужны, киару именно так говорил… Да и как он отреагирует, если я вдруг появлюсь с какими-то странными претензиями к его людям… то есть, к его инопланетянам… хотя нет, для него они не инопланетяне… брр. В общем, пока идти к нему не с чем. Просто буду на всякий случай осторожнее.

А вдруг, кстати, всё вообще наоборот? Может, они хотели мне как-то помочь, какой-нибудь там препарат для иммунитета ввести, а киару запретил, так как хочет, чтобы я загнулась там на базе вместе с ним? Зачем-то же нас всех гоняют в медотсек или как он тут у них официально называется?

Как же тяжело, когда вокруг столько неизвестности! Но зато мой Никита, кажется, хочет меня вернуть – ждёт у выхода из медкабинета и улыбается так, что сердце замирает, и я, отгоняя лишние мысли, понимаю – всё было не зря!

Глава 10. Счастье не в аггру, а в его количестве

Следующие два дня прошли как в тумане. Прекрасном и волшебном, исполняющем мечты. И я должна была бы быть невероятно, просто обалдеть как счастлива, но… не была. Парадокс, но чем больше проявлял Никита инициативы, чем чаще он на меня смотрел, тем настырнее мне вспоминалось всё плохое, что было в наших отношениях. И появлялась даже некая обида, которой раньше не было места. В том, что вспоминалось мне не только это, но и кое-что, а вернее, кое-кто ещё, возмутительно синеглазый и никакого отношения к Никите не имеющий, я предпочитала не признаваться даже самой себе. Тем более что он, этот синеглазый кое-кто, кажется, меня избегал.

На третий день я решила отказаться от какого бы то ни было общения с Никитой, по крайней мере, до вечера, чтобы привести мысли в порядок и понять, наконец, что происходит. А ещё мне хотелось, чтобы киару пришёл меня навестить. Говорят, он заходит к тем, кто безвылазно сидит в своих каютах. Пересчитывает, наверное. Так, может, и ко мне заглянет? Не знаю, зачем мне это, но почему-то хочется.

Идея оказалась неудачной. Или же наоборот чересчур удачной, как посмотреть.

Нет, киару так и не пришёл, и, думаю, не пришёл бы, даже сиди я безвылазно трое суток, но я не выдержала и одних. Из-за Улы.

Пока я целыми днями пропадала не пойми где, появляясь только ненадолго, у нас были почти идеальные отношения, теперь же, когда я провела с ней десять часов в одном маленьком помещении, я почти физически чувствовала, что она меня истово ненавидит. Нет, она ничего такого не говорила и не делала, лишь избегала на меня смотреть и демонстративно утыкалась в электронную книгу, стоило мне поднять глаза, но я ощущала, как обстановка становится тяжёлой, практически невыносимой. Не думаю, что она имела что-то именно против меня – вроде бы, я не успела ничем ей навредить, скорее присутствие любого незнакомого человека её тяготило, а идти ей было некуда: каюта – самое личное и уединённое место на этом корабле, и оно, увы, одно на двоих.

Так что ушла я, и с облегчением вздохнула, стоило только переступить порог. Вот только куда пойти?

К Никите идти не хотелось, несмотря на его приглашения. А возможно, даже и благодаря им. Попытка привести мысли в порядок мало что дала – меня до сих пор разрывали противоречивые чувства и стремления. С одной стороны, я до сих пор его любила, в этом я уверена, с другой…мне стало вдруг очень обидно. Во-первых, он меня бросил, толком ничего не объяснив. Не знаю, какие объяснения хотелось мне услышать и какие меня бы успокоили, но какие-то хотелось, я ведь всю голову себе тогда сломала, пытаясь понять, а что же со мной не так? В чём, где и когда я ошиблась? Почему, ну почему?..

Во-вторых, вспомнился недавний случай в примерочной магазина с какой-то непонятной мажоркой, да и вообще это его подозрительное поведение…Можно было, конечно, предположить, что он меня бросил, чтобы не втягивать в свои проблемы, но я усилием воли запретила себе рассматривать данный вариант. И всерьёз и сколько-нибудь вообще. Как бы мне ни хотелось, но это не в характере Никитоса – так продумывать свои поступки и их последствия, да и времени прошло довольно много… а жаль, очень жаль. Весьма романтично было бы.

В общем, к Никитосу – нет, ни за что. И если он вдруг прозрел и всё осознал, на что я очень надеюсь и в чём уже почти что уверена, пусть теперь сам за мной бегает. Я не собираюсь сдаваться сразу, а то решит ещё, что я готова принять его в любой момент после любых выходок. Тогда куда? Нет, в каюту киару – ни за какие коврижки, вообще не понимаю, почему это пришло мне в голову. Наверное, потому что мне известно очень мало помещений на этом корабле. Своя каюта, каюта киару, столовая и то, где нас собрали вчера перед отлётом. Я даже каюту Никитоса не знаю!

Точно! Пойду в тот зал, в который нас в самом начале привели, не думаю, что там много народа. А если кто и есть, то ничего, я не Ула, они мне не помешают, да и я им, наверняка, тоже.

Увы, но права я оказалась далеко не во всём. Народа было действительно немного – всего два человека, он и она, но я им помешала и даже очень. Уверена, что если бы я пришла на пару минут позже, застала бы посреди самого процесса, но я пришла рановато – они только лишь целовались, отвратительно страстно, и, кажется, уже готовились прилечь на один из диванчиков, расположенных вдоль стен. Мне стало очень-очень больно, я с трудом вдохнула неожиданно вязкий и сопротивляющийся воздух и сказала громко и зло:

– Простите, не хотела вам мешать. Но, вообще-то, это общественное место!

На самом деле помешать я очень даже хотела. И не только помешать,

но и выдрать кое-кому белёсые волосы – не помню, как зовут эту очередную пассию Никитоса, и как он только успел, был же со мной почти всё время с отлёта?! А самого его кастрировать. «Не доставайся же ты никому» – по-моему, чудесный принцип. Несколько часов назад обнимал меня, а теперь?! Кажется, я начинаю понимать того, кто сломал ему руку. Может, это за дело было?

Признаться честно, где-то в глубине души я рассчитывала на скандал. Что Никита сейчас упадёт на колени, будет извиняться, каяться, как-то испугается хотя бы, ну или ещё что, но не тут-то было.

– Машуля, – сказал он, оборачиваясь и блаженно улыбаясь. – А я искал тебя, но не нашёл! Какая ты красивая! Давай я тебя поцелую!

И, оставив свою бледную моль, шагнул ко мне, протягивая руки.

– Искал, но не нашёл и быстренько подыскал замену?! – спросила я, звенящим то ли от ярости, то ли от слёз голосом. – Что, так припёрло?

Никиту не проняло. Он обернулся на свою партнёршу по французским поцелуям, глупо улыбнулся и, сделав ещё шаг, схватил меня в объятия.

– Я же знаю, что ты меня хочешь, – зашептал он мне на ухо. – Пойдём!

– А она? – спросила я, кивая на удивительно спокойную девушку. Спросила просто от неожиданности, так-то я не собиралась вести диалог с этим подлецом, и уж точно не собиралась с ним никуда идти.

– Она? – спросил подлец таким тоном, словно уже успел забыть о блондинке. – Она тоже меня хочет! – уверенно сообщил. – Можем втроём…

Тут я, наконец, отмерла и вырвалась. Был соблазн врезать коленом, но почему-то не стала. А вот смолчать не смогла.

– Ошибаешься, Никита Рекунов, я не хочу тебя. Я хочу киару!

И я ушла, приложив максимум усилий, чтобы не разрыдаться прямо там.

Конечно, я заметила, что Никитос словно пьяный, наверное, он перебрал того странного фрукта, которым меня угощал киару, но что с того? Не зря же говорят – что у трезвого на уме, то у пьяного на языке! Впрочем, совсем отмахнуться от этого я не смогла и, проклиная собственное слабоволие, остановилась у каюты киару. Кто ещё подскажет мне, какие эффекты могли возникнуть от их инопланетной пищи?

Киару, конечно же, не открыл, наверное, не было его, но я постучала ещё и ещё, как обычно безрезультатно, и со стоном прижалась руками и лбом к упрямой двери. И чуть не упала – дверь неожиданно поддалась, и я влетела в совершенно пустую каюту, а предательница-дверь закрылась, как ни в чём не бывало. И я не смогла её открыть!

Ну почему так всегда? Если уж день не удался, то совсем! Как будто

мало мне предательства Никитоса, так теперь ещё предстоит умереть от стыда здесь, в каюте киару. Вот я невезучая! Дверь, ну дверечка, откройся, а?

Я попробовала всё, что мне пришло в голову. Вернее, всё, что успело прийти. На совсем уж безнадёжном варианте «сим-сим, откройся», раздался голос, от которого и в более спокойных ситуациях моё сердце сбивалось с ритма.

– Мария Романова, какой… сюрприз! – протянул киару, и не знаю, смог ли бы кто-то другой так выразительно сообщить, что сюрприз нисколечко не приятный. Выразительные паузы – это искусство.

Вообще, появление хозяина каюты стало для меня тоже сюрпризом – я думала, он придёт снаружи, и что у меня есть ещё время, а он пришёл из ванной и… уже пришёл. А если был в душе, то, может, ещё и не одетый. На этой мысли я инстинктивно зажмурилась и, кажется, покраснела. Можешь сколько угодно обижаться, что я не смотрю на тебя, киару, но я и не буду смотреть, пока не докажешь, что ты в одежде!

– Я могу Вам чем-то помочь? – устало вздохнул он, видимо, не дождавшись реакции на заявление о сюрпризе.

Вот неужели не понятно, что человек, вжавшийся в дверь, хочет уйти? Впрочем, он, вероятно, хочет узнать, зачем вообще пришла и главное – как, а я… я почувствовала, как меня начинают снова душить рыдания, и что я не в состоянии пока сколь-нибудь ясно разговаривать. И рассказать киару, зачем пришла – никогда не смогу, это всё слишком унизительно. Только не ему. Так что я буду тупить и молчать, и, наверняка, он решит, что я пришла, чтобы что-нибудь ещё украсть или испортить…

Возможно, я всхлипнула, а может, вздрогнула, или же киару просто надоело ждать, но меня вдруг взяли за плечи и развернули.

– Мария, – сказал киару, и от того, как он это сказал, а может, от того, что оказался совсем рядом, я, наконец-таки расплакалась и сползла по двери, закрывая лицо руками. Вот что он обо мне подумает? Что я истеричка. Я уже и сама про себя так думаю, только сделать ничего не могу.

– Расскажете, что случилось? – спросил киару, судя по звуку, опускаясь на пол рядом со мной.

– Нет, – сказала я, всхлипывая. – Не могу, простите. Всё хорошо. Я сейчас уйду, я вообще случайно к Вам попала…

– Случайно? – переспросил синеглазый, и мне показалось по тону, что он чуть улыбается.

Ну, да. Звучит неубедительно, согласна. Но доля правды в этом есть.

– А куда Вы хотели попасть?

Я пожала плечами, хотя надо было, наверное, ответить, что к себе.

– А откуда? – уже точно улыбаясь, спросил Айрдан, надо бы всё-таки уточнить у кого-нибудь его полное имя. А то он меня по имени и фамилии, а я фамильярничаю. Правда, исключительно в мыслях – к самому киару я, кажется, вообще никак ещё не обращалась, но всё же. У него самого спрашивать как-то неудобно… и в то же время, у кого ещё-то?

– Из того зала, куда нас в первый день привели, – зачем-то рассказала я и даже испугалась, что он сейчас бросится туда, или начнёт выпытывать, что именно меня расстроило там. Но нет.

– Вы сегодня вообще ели? – спросил неожиданно он вместо этого, и я кивнула – действительно ела. А он всё-таки заметил, что я не появлялась в столовой? Заметил, но не зашёл. Показательно. – Я ещё не ужинал, поедите со мной?

– Там? – с грустью спросила я, перестав уже всхлипывать, но не отнимая рук от лица – как выглядит в реальной жизни, а не в кино, зарёванная девушка, лучше никому не показывать. По крайней мере, зарёванную меня – уж точно. Даже инопланетянам.

– Здесь, – сказал он. – Я принесу… И если Вам нужна ванная, можете воспользоваться. У Вас есть пожелания?

– Есть, – сказала я, начиная подглядывать за киару сквозь пальцы. – Аггру. И побольше.

Нет, это я не «напиться» с горя, а строго в научных целях – что может быть лучше эксперимента? Испытаю на себе действие. И если меня потянет после этого зацеловать кое-кого, как Никитоса – ту бледную моль, то, что ж, мы будем, по крайней мере, квиты.

Пока киару одевался – я почти не подглядывала, к тому же, ничего нового не увидела, штаны на нём уже были, когда я посмотрела… ой, о чём это я, ещё ведь и не нюхала эту самую аггру сегодня, а мысли уже куда-то поскакали… В общем, пока он одевался, я отползла от двери в сторону и прислонилась к стене, а когда он ушёл, больше ничего не сказав, но, кажется, наградив меня долгим внимательным взглядом, бросилась в ванную.

Умыться холодной водой, ещё и ещё, холодную воду к глазам, и всё равно – видок ужасный. Может, попросить киару выключить или приглушить свет? Но не сидеть же мне в ванной, пока он не вернётся? И когда же он, наконец, вернётся? Что так долго-то?

Я аккуратно приоткрыла дверь и наткнулась на внимательный взгляд синих глаз. Оказывается, он давно уже вернулся. И еды принёс. И лицо моё зарёванное теперь уже точно рассмотрел. Ну и ладно.

– А почему всё-таки семнадцать, если нужно десять? – спросила, присаживаясь напротив киару за этот возмутительно или же наоборот – восхитительно маленький стол. Случайно задела его ногу под столом и покраснела, злясь на себя – вот детский сад какой-то.

Он ответил не сразу. Вероятно, решал, насколько можно быть откровенным?

– Не все подходят, – наконец, произнёс. – Не все согласятся. Не всех можно было оставить на Земле.

– А что, можно отказаться? – удивлённо спросила я, налегая на аггру, хотя киару принёс мне и другой еды.

– Можно, – спокойно сообщил он. И почти утвердительно. – Отказываетесь?

– Нет, – твёрдо, хоть и излишне упрямо ответила я. Но отказаться было невозможно, только не мне, я ведь и так натворила дел.

– А почему нельзя было на Земле спросить и не везти лишних? Не подходящих и отказавшихся?

Вкусная аггра и эффекта никакого, может, на меня не действует? Даже обидно.

– Мы полагаем, что кто-то из семнадцати работает на нашего врага, – коротко ответил киару, и я подняла на него глаза – может, это такой допрос завуалированный? Типа, не ты ли, Мария Романова, засланный казачок?

Нет, не похоже. Но уточню.

– Думаете, это я?

– Нет, не Вы, – вздохнул он. Совершенно непонятно, чего именно вздохнул: хотел, чтобы была я?

– Почему? – спросила я, чувствуя неожиданный прилив смелости и глядя в тарелку всё меньше, а на киару всё дольше. Он как картинка. Ненастоящий, но очень красивый. А глаза – так вообще. Кажется, что в них затягивает: смотрела бы, смотрела и смотрела…

– Может быть, Вам хватит? – аккуратно спросил киару, разрывая зрительный контакт, чтобы указать взглядом на тарелку.

– Так почему не я? – повторила вопрос, энергично мотая головой – нет, я хочу ещё. Надо же убедиться, что дело не в этой штуке, а просто Никитос… ну такой вот он, Никитос.

– Вас бы не стали так подставлять с ключом, нашли бы другой способ, – пожал плечами киару, и отодвинул от меня тарелку с аггрой.

– А кто не подходит? – поинтересовалась я, чувствуя себя на редкость непринуждённо и пододвигая тарелку обратно. – Отдайте, мне надо, у меня эксперимент!

– Никита Рекунов, например, не подходит, – сообщил он, как-то выжидательно глядя на меня, и снова забирая тарелку. – Какой эксперимент?

Упс. То есть Никита, получается, тут целиком и полностью из-за меня? И непонятно, то ли я спасла его от проблем, то ли наоборот – основательно подпортила ему жизнь. Хотя в свете недавних событий последнее мне будет даже приятнее.

– Ну дайте же! – недоумённо сказала я, когда киару, перехватил мою руку, протянутую к заветной тарелке.

– Вам хватит, – повторил уже твёрже жадный инопланетянин, и я собиралась возразить, но вдруг подумала, что и чёрт с ним, с этим экспериментом, куда важнее, что он держит меня за руку, и мы одни, и вообще… и вот только одно «но».

– А как Вы выглядите на самом деле? – подозрительно спросила я. Сами понимаете, прежде чем приступать к домогательствам, стоит убедиться, что не медуза.

– На самом деле? – изобразил недоумение инопланетянин, и я пояснила:

– Ну, там, под скафандром.

Киару задумчиво посмотрел на наши руки, потом на остатки аггру и вздохнул:

– Под каким скафандром, Мария?

– Под этим, – не сдалась я, и свободной рукой потыкала в его руку.

На ощупь очень похоже на кожу. Неужели он действительно такой вот настоящий?! На руке я не остановилась – пристав, дотянулась и погладила по щеке. Кажется, киару вздрогнул. Щека же была тёплой и настоящей, а я, удивляясь, почему не сделала этого раньше, провела пальцами по его губам.

Они тоже казались настоящими, и их очень хотелось попробовать не только пальцами…

– Мария, – сказал синеглазый, и мне показалось, что внутри у меня всё завибрировало. – Пойдёмте.

– Да! – сказала я, выходя из-за стола, и ожидая, что мы шагнём к кровати. Но киару сделал шаг к двери.

– В медотсек, Мария, – мрачно пояснил он.

– Нет, – сказала я. – Туда, – и, совершенно беззастенчиво кивнув на кровать, попыталась его поцеловать.

Увы, силы были не равны. В медотсек, к счастью пустующий, без этой златовласой куклы, киару доставил меня очень быстро, я же с

удовольствием обнимала его за шею и позволяла себя нести. Мне всё казалось правильным и хотелось разве что быть к нему ещё ближе, и совершенно неважно где. Хочет сделать это в медотсеке, сделаем там. Мало ли зачем ему туда…

Когда он положил меня в капсулу и крышка стала закрываться, я заподозрила неладное.

– Но зачем? Почему? – спросила недоумённо и немного обиженно.

– Вы переборщили с аггру, Мария, и не понимаете, что творите, – как-то грустно сообщил синеглазый, глядя, кажется, на мои губы.

– Нет, – уверенно сообщила я. – Ваш этот аггру на меня совершенно не действует, он тут ни при чём!

– Две минуты, Мария, – сказал он. И дальше крышка закрылась, но я успела ещё услышать, а может, мне показалось. – И если Вы не передумаете, то я весь Ваш.

Сначала я считала секунды, отчаянно желая, чтобы капсула открылась как можно скорее, но уже очень скоро мне захотелось, чтобы она не открывалась никогда, и нетерпеливое ожидание сменил тягостный обратный отсчёт.

Я вела себя как… как… не знаю, как кто. Я фактически предложила себя, а он… он отказался! И с одной стороны, я ценю его благородство, а с другой – мне досадно, потому что это означает, вероятно, что он не очень-то меня и хочет. Если хочет вообще. С чего я решила, что вообще хочет? Самонадеянная идиотка! Навеки опозоренная.

Когда две минуты истекли – слишком быстро! – и капсула открылась, я встретилась глазами с киару, и со стоном закрыла лицо руками. Вот лучше бы он ушёл.

– Пожалуй, – сказал задумчиво киару, – мы уберём аггру из меню вообще. – Вы как?

– Простите, – простонала я. – Простите, я вела себя…

Тут я вспомнила Никитоса и с содроганием призналась самой себе, что вела себя ничуть не лучше. Он был отвратителен, а значит, и я отвратительна.

– Мне очень жаль, – предприняла я ещё одну попытку, отняв руки от лица и стараясь смотреть куда-то в сторону киару, а не в потолок.

– Мне тоже жаль, – согласился он, и я напряглась ещё больше, хотя казалось, что уже некуда. Жаль, что всё-таки взял Вас в проект? Жаль, что вообще встретились? Что Вы испоганили мне вечер?

Какой-то демон внутри заставил меня спросить:

– Чего именно Вам жаль?

– Что Вы передумали, – спокойно и веско обронил киару, моментально вгоняя меня в краску. Вообще-то, я не передумала. И сейчас мне хочется ничуть не меньше снова дотронуться до него, но смущение сковало по рукам и ногам, а ещё я вспомнила, что у него трое детей, и неизвестно кто ещё – пара-тройка жён? Я ведь ничего не знаю об их семейном укладе. Вдруг?

Я молча стала выбираться из капсулы, киару помог мне, не проронив ни слова, затем мы шли к моей каюте, всё так же храня молчание, и только уже у самой двери я смогла заговорить, немного деревянным голосом, правда:

– Спасибо. Простите. И спокойной ночи.

– Если ещё раз передумаете, – уже в спину сообщил мне киару, – заходите. И просто заходите.

Я не стала уже отвечать, шагнула внутрь каюты, силясь стереть с лица идиотскую улыбку, но она не уходила. Ну и пусть.

Глава 11. Эти инопланетяне… себе на уме

Следующим утром под дверью каюты меня ждал Никитос. Он был бледен, взволнован и серьёзен, как никогда.

– Машуня, – сказал он, – прошу, выслушай!

С одной стороны, я теперь, кажется, могла его понять – меня тоже плющило вчера, срывая все гайки и тормоза, и заставляя домогаться киару, с другой… я ведь и в здравом уме и трезвой памяти тоже неровно к нему дышала, как ни печально это признавать, а значит, и Никита к этой бледной моли – тоже… А может, это действует в отношении любого, кого видишь? И мне просто кроме киару никто вчера на глаза не попался?

– Ну? – в итоге всё-таки ответила я, сама поморщившись от того, как грубо это прозвучало. Да, я не обязана его прощать, но хамство – это уже унижение самой себя.

– Пойдём куда-нибудь? В столовую? – предложил обнадёженный парень. Почему-то назвать его мужчиной у меня не получалось даже мысленно, и не только сейчас, вообще никогда. Правда, раньше меня это не смущало, да и вообще я как-то об этом не задумывалась.

Я снова поморщилась, но кивнула, и мы отправились в столовую. Интересно, где сейчас киару? То есть нет, не то чтобы очень интересно, просто будет как-то неловко попасться ему на глаза с Никитой… да и без Никиты тоже. После того, что я вчера учудила, мне даже думать о синеглазом неловко. Но сладко.

– Я обидел тебя вчера, – серьёзно сказал Никита, как только мы сели за стол. Вокруг было пусто – слишком рано. – Прости за это!

– За что именно? – да-да-да, я хотела это услышать. Что его аггру попутало, а так бы он на ту моль даже и не посмотрел, я – самая прекрасная девушка в его жизни, и всё такое.

Никитос меня удивил, и не скажу, что приятно.

– Я приставал к тебе, – сказал он, потупившись в стол. – Прости. Я очень дорожу твоей дружбой.

– И всё? – растерянно спросила я, выждав паузу. Не может быть, чтобы это было всё.

– А что ещё? На колени встать? – криво улыбнулся он. И добавил неуверенно. – Вроде я больше ничего не натворил.

Вот и как? И что сказать? Нет, ты ещё очень увлечённо целовался с какой-то бледной поганкой? «И что?» – спросит Никитос, а у меня нет

ответа. Ибо признаваться ему в любви я не намерена, да даже если и признаюсь, то что с того? В отношениях-то мы не состоим, мало ли кто кого любит? Последняя мысль меня неприятно поразила, но отмахнуться не получилось. И никак не докажешь, что он ко мне подкатывал последние пару дней. Я чувствую, что подкатывал, а он говорит – дружба у нас такая. Вот ведь… А если он действительно думает, что у меня к нему только дружеские чувства и это его останавливает? Нет, это уж точно вряд ли. Скорее, наоборот – он как раз в курсе моих чувств, если вспомнить, что он нёс вчера… Стало совсем неприятно.

– Маш, – позвал заждавшийся Никита и взял меня за руку. – Прощаешь?

Вот интересно, киару, когда я перед ним извинялась, тоже было так досадно?

– Прощаю, – буркнула я, забирая руку. Обида вопреки логике не прошла. Держись за свою бледную моль, – подумала я про себя и ощутила огромное желание демонстративно замутить с киару. Назло некоторым. И плевать мне на ксенофобию.

– Это тебя от аггру так? – поинтересовалась, просто чтобы поддержать разговор и не сидеть совсем уж букой.

Никитос неопределённо пожал плечами и промолчал.

– Ты рад, что попал сюда? – осторожно спросила я. Вряд ли я испытаю чувство вины сильнее, чем перед киару, если не рад, а если рад, буду знать, что хоть кому-то помогла в своей жизни.

Никитос молчал, и я, вопреки своим рассуждениям, чувствовала себя всё хуже и хуже.

– Был рад, – сказал, наконец, он. – Но теперь… теперь мне кажется, что никто из нас не вернётся.

– Почему? – ошарашено спросила севшим голосом, невольно подаваясь вперёд. – Киару ведь обещал…

– Обещал. А ты бы стала участвовать и тем более стараться – учиться, если бы знала правду?.. Вот то-то и оно.

– Да ну, – сказала я, теперь откидываясь назад. – Не может этого быть!

Мне хотелось верить киару, но дело даже не в этом – мне просто хотелось верить, что всё будет хорошо. Жизнь ведь только начинается и не может она вот так вот неожиданно и вероломно закончиться. Только не моя. Вселенная, пожалуйста, только так, не сейчас, не так скоро!

Кажется, Никита хотел сказать что-то ещё, но тут в столовую ввалилась компания из нескольких человек, и разговор пришлось прекратить.

Вот уже который день я давала себе слово, что познакомлюсь со своими товарищами по несчастью, ну или как минимум по приключению, поближе, по крайней мере, ещё раз узнаю все имена и постараюсь запомнить хотя бы минимальную информацию, но было всё как-то не до этого. Бледная моль звалась Анжелиной, высокий парень, который дерзил в первый день киару – Артуром… и всё. Больше я никого пока не помнила.

А ведь надо бы присмотреться. Возможно, среди них есть предатель. Шпион. А может, и не один. Вот только что он может в космосе? Тут, наверняка, нет связи, думаю киару и его соотечественники об этом позаботились… а с другой стороны, связь и не нужна, – вдруг поняла я, холодея от догадки. Достаточно просто вывести из строя несколько человек, так, чтобы осталось всего девять вместо нужных десяти, и всё. Вся задумка летит к чертям. По крайней мере, я бы так и сделала. Но неужели киару об этом не подумал? Это же очевидно…. хотя кто поймёт их инопланетную логику, вдруг для них убийство своего соотечественника это такое табу, что даже и в голову не приходит? Но ведь они же в курсе наших конфликтов на Земле, так что должны бы соображать…

Я с подозрением, боюсь, что плохо скрываемым, осмотрела присоединившуюся к нам компанию. Наибольшие опасения вызывала почему-то Анжелина. Если спросить, киару расскажет мне, кто она и откуда? Киару… при мысли о синеглазом мне хотелось то смущённо улыбаться, вспоминая его «заходите», то плакать, потому что он до сих пор в опасности, если не сказать хуже. А вообще, я старалась о нём не думать.

– Мария Романова, – произнёс совсем рядом со мной неприятный женский голос, и я вздрогнула, выныривая из своих мыслей. Подняла глаза на инопланетянку из медпункта. Она продолжила с неподражаемой интонацией. – Когда доедите, – внимательно изучила мою давно пустую тарелку, – будьте так любезны, зайдите ко мне.

– Непременно, – согласилась я, гадая, что это со мной такое. Кажется, слишком многие женщины начинают вызывать у меня неприязнь. Вот и сейчас еле удержалась, чтобы не добавить что-то язвительное. Хотя, возможно, это просто ответная реакция на отношение ко мне?

В медпункте я появилась через десять минут, гадая, не стоило ли всё-таки навестить киару и сообщить ему о намечающемся разговоре… и о подслушанном недавно – тоже. С другой стороны, она меня позвала при большом количестве свидетелей…

– Садитесь, Мария Романова, – предложила инопланетянка, кивая на кресло напротив.

В исполнении синеглазого это вот «Мария Романова» мне как-то

больше нравилось, честное слово.

Я молча пристроилась на самый краешек и выжидательно уставилась на неё. Она тоже как картинка. Волосок к волоску, идеальная кожа и яркие краски. Нельзя ли, чтобы киару был настоящим, а эта – нет? А то я что-то комплексую.

– Вы должны знать, что я собираюсь нарушить запрет киару, – серьёзно сказала она и замолчала. Я что, должна что-то сказать? Ладно, скажу.

– А я думала, слово киару – закон для вас… для вашего народа, то есть, – исправилась я, потому что зелёные глаза как-то уж очень зло блеснули.

– Вы… – как-то очень отчаянно и горько начала она, но остановила сама себя, – а впрочем, неважно, ничего другого от Вас ждать не приходится. Забудьте. Всего доброго, Мария Романова, разговор закончен. Уходите.

Мне стало неловко, даже почти стыдно, хотя объективно я вроде бы ничего такого не сказала. А ещё было очень любопытно.

– Расскажите, – попросила я, не двигаясь с места. – Пожалуйста, расскажите что собирались.

– У киару кое-что украли из-за Вас… – настороженно начала она, не сводя с меня глаз. Я поморщилась, но кивнула. Да, я причастна, увы. – И это грозит ему большими неприятностями… – Да уж, мутация и смерть – действительно немалые неприятности. Но к чему она ведёт? – Он… заболеет. Может заболеть. Тяжело. Почти смертельно, – как-то сбивчиво выпалила она, внимательно вглядываясь в моё лицо. И, видимо, не обнаружив особого удивления, добавила уже совершенно другим тоном. – Вы знали? То есть Вы это специально?!

Я ошалело уставилась на оружие в её руке, появившееся неизвестно откуда, и энергично замотала головой.

– Нет! Нет!! Я узнала уже здесь, на корабле…

– Откуда? – тоном опытного дознавателя поинтересовалась она.

– От киару, – почему-то почти с гордостью сообщила я, наивно полагая, что теперь она опустит оружие и извинится. Не тут-то было.

– Лжёте, – холодно сказала взбесившаяся инопланетянка. – Он бы не стал это ни с кем обсуждать, тем более с… Вами.

– Это с Вами не стал, а со мной как раз обсудил, – огрызнулась я. Вот как я ей докажу? Разве что самого киару в свидетели привлечь?

– Нет, не может такого быть! Разве что… – она вдруг убрала оружие, не закончив фразу, так же стремительно, как и достала. – Хорошо,

допустим. Раз Вы уже знаете, что натворили, Вы должны помочь это исправить!

– А можно исправить?! – я радостно подалась вперёд, сразу простив ей всё и даже проникаясь симпатией.

– Можно попробовать, – не разделила инопланетянка моего энтузиазма.

– Ну говорите же! – поторопила я словно нарочно замявшуюся собеседницу.

– Можно попробовать замедлить… болезнь, – о, как старательно она избегает говорить «мутация», как будто несказанное и не сбудется, это так по-человечески! – В теории.

– А на практике? – вежливо поинтересовалась я, проявляя чудеса терпения и воспитания. Вот что она тянет-то? Мне же не всё равно. Мне уже давно не всё равно, и с каждым днём всё «невсёравнее».

– Есть некое средство… назовём его вирус. Потенциально он может остановить му… болезнь, но он слишком сильный.

– А что нужно, чтобы его ослабить? – осторожно спросила я, чувствуя, что я не то что вступила на край минного поля, нет, я шла-шла, и вдруг оказалась в самой середине этого поля. Чувствую, ответ мне не понравится, не зря она так тянет. А если я откажусь? Выпустит ли она меня отсюда, или сочтёт всё-таки агентом противника и прикончит?

– Ввести его представителю Вашей расы, – сообщила инопланетянка, рассматривая меня в упор.

Представителю моей расы, ага. То есть мне, видимо. Вот радость-то какая…

– И чем это грозит? Представителю моей расы, – уверена, это именно то, что киару ей запретил. Вовсе не беседовать со мной, а вводить этот злосчастный вирус.

– Разными побочными эффектами, – вздохнула она и неожиданно призналась. – Есть даже некая вероятность летального исхода.

Некая вероятность, как мило. И какая же? Одна вторая, как в анекдоте? Какова вероятность встретить динозавра на улице? Одна вторая: либо встретишь, либо не встретишь. Очень обнадёживающе, да-да.

– Какая именно вероятность? – уточнила я.

– Практических данных нет, так что все показатели весьма условны, просто результат моделирования на основе результатов Вашего обследования…

– Какая? – с нажимом спросила я, чувствуя, что мины на моём воображаемом поле не просто где-то прячутся и ждут неосторожного

движения, а начинают уже сами сползаться ко мне.

– Тридцать процентов, – бросила она. – Разумеется, риск велик, и Вы вправе отказаться, но не забывайте, что риск летального исхода для киару – сто процентов.

Наверное, в этом месте я должна была сразу согласиться, как порядочный и самоотверженный человек. Действительно, если взять отвлечённые доли, риск тридцать процентов – уже почти приемлемый, особенно, если сравнить со ста процентами. Но я почему-то не ощущала себя ни самоотверженной, ни порядочной, и абстрагироваться от того, что тридцать процентов относятся именно к моему летальному исходу, никак не получалось. Киару… я очень хочу, чтобы он жил, но готова ли я за это умереть? Не знаю… Кроме того, насколько можно ей верить, этой инопланетянке? Может быть, всё наоборот? Киару – тридцать процентов, Мария Романова – сто?

А что если она мне сейчас врёт вообще во всём, и вирус нужен для другого? Чтобы ослабить, например, киару. Или вообще, просто убить меня, как одну из потенциальных десяти? Почему-то же он запретил ей это?

– Я не требую ответа прямо сейчас, – разочарованно, как мне показалось, произнесла инопланетянка. – Подумайте. У Вас ещё два дня до окончания полёта.

– А почему именно я? – спросила и тут же возненавидела себя за этот вопрос. Он звучал жалко. И вообще, я была жалкой. Но жить очень хотелось. Может быть, взять для этих целей предателя? Надо только выявить его или её за пару дней, и можно пустить на опыты во благо всех киару в целом и одного синеглазого в частности…

– Вы – одна из лучших кандидатур, и… это ведь из-за Вас, – ответила она, поднимаясь.

– А так вообще любой из нас подходит? – всё же спросила я, ощущая, что от инопланетянки практически веет презрением.

– Четверо, – обронила она, и я снова приуныла. А что? Хорошая ведь идея была про предателя.

Не говоря больше ни слова, я вышла из медотсека и потерянно застыла. После такого разговора видеть никого не хотелось. Хотелось забиться в какой-нибудь угол и переждать там, пока всё само собой разрешается. Может же оно как-то разрешиться само? Я – девочка, и не хочу ничего решать, и платье даже не хочу, хочу просто, чтобы всё было хорошо, как-то само собой. Все живы, здоровы, и мир во всём мире.

Мне хотелось спасти киару, но не хотелось стать просто глупой

пешкой и разменной монетой в интригах инопланетян. Знать бы, правду она мне выдала или нет… А спросить не у кого.

На этой мысли я всё же себя одёрнула. В конце концов, поистерить и спрятать голову в песок никогда не поздно, а пока можно попробовать всё же хоть что-то для себя прояснить. Во-первых, что за враг, во-вторых, что там с гипотетическим предателем, а ещё – расспросить про эту не в меру инициативную инопланетянку из медотсека.

Конечно же, я бросилась к киару, до конца не понимая, что я скажу или спрошу, но почему-то отчаянно нуждаясь в его обществе. Увы, каюта снова встретила меня запертой дверью, и на этот раз она так и не открылась, как я к ней ни прислонялась.

Стараясь не замечать собственную досаду, пришедшую на смену радостному волнению, которое я тоже игнорировала, я обошла всю доступную нам зону, разве что кроме медотсека, и не увидела вообще никого из хозяев корабля. Они, впрочем, и до этого нечасто попадались на глаза. Да и доступен нам был всего один этаж, и, конечно, всем было интересно, а что же есть ещё. А что за двигатели, как он вообще летит? Да и вспоминался ещё человек в сером костюме, кажется, его тоже интересовали корабли… надеюсь, он не будет всё-таки трогать мою семью. По крайней мере, пока меня нет. Это ведь неэффективно, а впечатление маньяка, вредящего просто из злобы, он не производил. Но это ещё одна моя забота – если я вернусь, то должна иметь какой-нибудь козырь в рукаве для этого гадостного типа. А лучше бы и не один.

Обойдя всё и отказавшись от предложений присоединиться к игре в мафию, я вернулась к каюте киару. Наверное, кстати, зря отказалась, но мне это всё таким поверхностным и ненужным казалось на фоне возможной гибели киару, идеи заражения меня вирусом и прочего, что я не смогла. Показалось вдруг, что я повзрослела разом лет на пять, а они – нет, они всё там же, в беззаботности и развлечениях.

Интересно, кстати, как я потом должна передать вирус киару? После того, как он изменится во мне. Может, укусить? Представила, как я подкрадываюсь, чтобы укусить синеглазого, а он поворачивается и говорит: «Мария Романова, когда я сказал, что весь Ваш, я имел в виду нечто другое!». Вышло забавно.

Я устроилась на полу, возле двери в его каюту, наплевав на внутренний голос, говоривший, что не дело это – девочке караулить мальчика, всё должно быть наоборот. Это всё предрассудки. К тому же я жду его не как девочка мальчика, а… не знаю как. Но не так.

Киару, кстати, не заставил себя долго ждать, появился минут через

пятнадцать моей «вахты».

– Мария, – сказал он, и вроде бы просто назвал по имени, но так, что я порадовалась, что уже сижу. А то свалилась бы к его ногам в самом прямом смысле и растеклась там тёплой лужицей.

– Айрдан, – отозвалась я слишком радостно, на мой собственный взгляд, но как уж получилось.

Киару замер на мгновение, я думала, что протянет руку, помогая встать, но он просто опустился рядом со мной. Рядом, но не касаясь.

– Как Вы? – спросил он, а я вдруг решила быть откровенной. Ну, насколько это возможно.

– В растерянности, – призналась ему, хотя и понимала, что он спрашивает больше про последствия аггру. Наверное.

– Я тоже, – легко признался синеглазый, и я, до этого старательно изучающая стенку напротив, попалась – повернулась и встретилась с ним взглядом.

– Вы почему? – спросила, ощущая полную нереалистичность происходящего. Мы сидим в коридоре на полу и беседуем почти как друзья. И я думаю почему-то о том, как он целуется. Есть ли у них вообще поцелуи?

– Хотите посмотреть корабль? – неожиданно предложил инопланетянин и, кажется, поднялся чуть ли не раньше, чем я кивнула.

– Что Вас тревожит, Мария? – спросил он, едва я, приняв его руку, поднялась и встала рядом.

– С чего Вы взяли, что меня что-то тревожит? – почему-то пошла «в отказку» я вместо того, чтобы честно, ну или хотя бы наполовину честно признаться.

– Вы меня искали, – произнёс серьёзно, и я подавила неуместное желание выпалить, что соскучилась. Вместо этого продолжила задавать свои, прямо скажем, глуповатые вопросы.

– Как Вы узнали?

– Мария, – прозвучало мягко и как-то обволакивающе, – спросите лучше то, что Вам действительно важно!

– А Вы ответите? – с сомнением уточнила, как-то отстранённо отмечая, что мы всё ещё никуда не идём. Так и стоим рядом с каютой киару, держась за руки и обмениваясь не теми вопросами.

– Отвечу.

– У Вас правда трое детей? – сама себе не веря, произнесла глупая Маша и покраснела.

– Правда, – улыбнулся коварный киару. Коварный – потому что

приличный человек так притягательно улыбаться не станет! И инопланетянин тоже. Тем более, отец троих детей.

– И как же… как же они, когда… если Вы… – договорить я не смогла и растерянно умолкла, надеясь, что он догадается сам. Киару догадываться не пожелал.

– Если я что?

– Не вернётесь, – тихо и быстро сказала я, глядя куда-то то поверх его плеча, то в само плечо. Спокойно говорить на эту тему я не могла, вероятно, всё дело в чувстве вины всё-таки? Пожалуйста, пусть это будут исключительно неведомые инопланетные феромоны и чувство вины. Иначе как я сама буду потом?

– Я не понял вопроса, – наблюдаемое плечо приподнялось и опустилось. Тоже очень человеческий жест, а логика – другая. Или же притворяется. – Идём?

Он что, так и собирается держать меня за руку? Да, не буду врать самой себе, мне это очень даже приятно, но ещё меня это очень волнует и дестабилизирует, мне кажется, что я не удержу себя в руках, и либо вырвусь и убегу, либо наоборот – наброшусь на бедного инопланетянина…

– А что тревожит и интересует Вас? – обнаглев, поинтересовалась я. Во-первых, и правда интересно, во-вторых, разговор поддержать.

– Ответите? – переспросил он, копируя мой недавний вопрос.

– Отвечу, – согласилась, чувствуя себя так, словно прыгаю в бассейн с десятиметровой вышки, а вот есть ли в бассейне вода – не выяснила. Но уже прыгаю.

– Почему Вы меня боитесь? – прямо спросил инопланетянин, и я споткнулась на ровном месте.

– Я не… – Я собиралась сказать, что не боюсь. Волнуюсь, стесняюсь, немного нервничаю и очень почему-то радуюсь, когда его вижу, но вовсе не боюсь. Теперь уже нет. Но не говорить же ему, что у меня сносит крышу вовсе не от страха. – Не знаю, – в итоге сообщила я.

– Не знаете, – задумчиво повторил киару, открывая дверь, за которой начиналась неизвестная для меня территория корабля. – Мне иногда кажется, что если бы вы, люди, не придумывали сами себе страхи, условности и проблемы и не тратили на это столько сил, вы бы уже давно обогнали нас в техническом развитии. – И не успела я отреагировать, как он добавил. – И уничтожили бы друг друга.

– А с кем вы воюете? – с намёком и немного даже агрессивно осведомилась я, решив не говорить прямым текстом, что кое-кто тоже не очень-то мирный, как выяснилось. За человечество почему-то стало очень

обидно.

Он ответил. Честно. Но я ничего не поняла – какое-то неразборчивое слово, даже не слово, просто набор звуков, что-то, кажется, в принципе непроизносимое человеческим горлом. И, соответственно, не воспринимаемое слухом.

– Что? – растерянно переспросила я.

– Так они себя называют, – пояснил синеглазый, уверена, что забавляясь.

– А из-за чего? Давно? А как они выглядят? Кто побеждает?

Киару молча покачал головой и как-то неохотно произнёс:

– В ваших же интересах, Мария, этого не знать.

– Почему? – не знаю, существует ли тот человек, который смог бы удержаться и не спросить при такой постановке вопроса.

– Чем меньше Вы узнаете, тем меньше Вам придётся забыть, – уже с совсем явной неохотой, но всё-таки ответил киару.

– В смысле? – спросила, резко останавливаясь. Реакция у инопланетян вообще и у этого в частности, надо сказать, отменная – он тоже остановился, практически в то же мгновение. Неужели Никита был прав, и нас так просто никто не отпустит?

– Мария, – вздохнул синеглазый. – Я обещал, что мы вернём Вас и Ваших соотечественников обратно, и мы вернём. Но кое-что Вам придётся забыть… в первую очередь ради Вашей собственной безопасности. И ради нашей, конечно, тоже.

Я потрясённо молчала. Вот почему всё время у меня так? Стоит начать кому-то верить и даже доверять, как тут же происходит какая-нибудь гадость. Что с Никитой – отказался от меня, что с киару – вообще замыслил что-то странное, если не сказать честно – страшное. Кое-что забыть… Это, например, пару последних лет жизни? А может, вообще остановиться на уровне пятилетних? Чтобы уж точно, с гарантией. А то мало ли у кого возникнут сомнения, что мы что-то помним?

Опомнившись, вырвала у киару руку и враждебно на него уставилась. Парадокс, но я чувствовала себя преданной и обманутой. Хотелось развернуться, уйти и никогда больше не видеть этого лживого инопланетянина с его слишком синими глазами, но как это сделать на корабле?

– Мария, – поморщился двуличный синеглазый тип. – Это совершенно безопасно и затронет только самый минимум. Поверьте, мы бы не стали к этому прибегать, если бы был более гуманный способ обеспечить нашу и вашу безопасность. Разумеется, вы сможете остаться у нас, тогда эта…

процедура не потребуется.

Ну да, ну да, совершенно безопасно. И именно поэтому лучше знать, как можно меньше…

– А то, что Вы мне собирались показать корабль – это я тоже забуду? – вопрос прозвучал излишне резко, но во мне говорила обида, и заткнуть её не получалось.

– Я не покажу Вам ничего секретного, даю слово, – спокойно и как-то даже чуть снисходительно-печально улыбнулся он. Кажется, мой тон его ничуть не задел, и это было хорошо, но я почему-то ощутила огромное желание на него накричать. Или встать на ногу со всей силы. Или ещё что – вывести как-нибудь из равновесия, чтобы мы были на равных – я в неадеквате, и он тоже… Детский сад, да. Надо как-то взять себя в руки.

– А почему тогда остальным не показываете? – уже почти мирно спросила я, сделав пару глубоких вдохов.

– Это не входит в обязательную программу, а Ваше общество мне приятно, – невозмутимо сообщил киару, выделив интонацией «Ваше» и заставляя меня смутиться и, кажется, даже покраснеть.

А ещё разозлиться снова. Приятно – в качестве кого? Забавной зверушки, которую потом можно будет вернуть обратно в питомник, стерев лишние воспоминания, чтобы не нагадила ненароком?

Глава 12. Вирус

Вот бывают такие дни, когда всё не задаётся и лучше вообще ни за что и не браться, потому что выйдет только вред. Вот как у меня сегодня. Сначала безумный разговор в медотсеке, потом практически ссора с киару, а теперь, исчерпав, видимо, приёмы психологического давления, мироздание приступило к моему физическому устранению. Я порезалась, очень неудачно, и, что обидно, виновата в этом, разумеется, я сама. Ну и, может, немного ещё Никитос. И киару, конечно, куда ж без него, это ведь из-за него я сегодня сама не своя.

Расстались мы с синеглазым странно и скомкано, кажется, он хотел что-то мне сказать, заканчивая экскурсию по кораблю, но не сложилось – его разыскали и попросили срочно куда-то пройти, так, что он даже меня обратно не отвёл – перепоручил. Я шла следом за совершенно незнакомым мне инопланетянином – интересно, сколько их на корабле? – и гадала, не он ли тот доброжелатель, наведывавшийся в медотсек? Вроде, нет. Но точно не уверена… хотя вряд ли он мне что сделает прямо сейчас, правда ведь?

Забавно, но инопланетянин привёл меня к каюте киару и, обозначив лёгкий кивок, отправился обратно. Я что, уже для всей команды и в самом деле питомец их драгоценного синеглазого?

Масла в огонь подлил Никита. Чтобы пообедать со мной, он даже оставил компанию, где была бледная моль, и первые пять минут я наслаждалась его обществом и эксклюзивным вниманием, пока он не спросил:

– Так что у тебя с киару? Всё серьёзно? Или так, развлекаетесь?

Я выронила вилку, не глядя её нащупала, сжала в руке… и поняла, что это был нож. И что у этих дурных инопланетян столовые ножи острые, и я умудрилась схватиться за лезвие.

Никитос посмотрел на мою руку и сильно побелел, так, что мне даже страшно сделалось – вдруг у меня там уже пальцы не все на месте…

К счастью, всё оказалось не настолько плохо, но я всё равно бросилась в медотсек, радуясь возможности улизнуть от ответа на вопрос. Потому что ответа у меня не было.

Мне было страшно признаться самой себе, насколько меня волнует этот их киару. И стыдно было, что такая мысль возникла, но я себе всё-таки в ней призналась: он обречён. Мне нельзя к нему привязываться, потому что счастье будет слишком недолгим, а потом будет очень больно.

Эгоистично и как-то подленько это прозвучало, надо признать. Особенно учитывая, из-за кого именно он обречён. Но глупо об этом не подумать, как минимум. Это ведь ещё не значит, что я буду руководствоваться именно этим…

Я боялась, что безумная инопланетянка из медотсека начнёт меня пытать, что именно я решила и когда решу, если ответа ещё нет, но она вела себя так, словно утреннего разговора вообще не было. Обработала мои порезы какими-то мазями, забинтовала и сказала, что к утру всё пройдёт. Даже в медкапсулу залезть не предложила.

Остаток дня я провела в своей каюте, почти не замечая, что бешу Улу – пусть сама проваливает, в конце-то концов, и пытаясь как-то навести порядок в собственной голове и в собственном же сердце. Ничего не выходило. Мысли сбивались в тугой пульсирующий комок, а сердце заходилось беззвучным криком, что я всех должна спасти: и киару от мутации, и Никитоса от киару и стирания памяти. И себя тоже желательно как-то не обидеть. Нерешаемая задачка.

По-хорошему, мне надо было бы переговорить с Никитой, рассказать о грядущем стирании памяти, может быть, начать придумывать какой-то совместный план, но я почему-то медлила, за что сама себе была неприятна. Словно я предаю своих. Мне хотелось ещё раз переговорить с Айрданом, не знаю, на что я рассчитывала, наверное, что он меня как-то переубедит. Уговорит, что ничего страшного в этом нет, что для руан это самая обычная процедура, как к стоматологу сходить – зуб выдернуть. Ведь что-то он собирался мне сказать, но киару всё не шёл, и я незаметно для себя уснула. Спала плохо – рука постоянно ныла, а периодически и вовсе как-то «дёргала», видимо, ускоренный инопланетной мазью процесс заживления не предполагал анестезии, а может, мне «по дружбе» этой самой анестезии недодали.

Где-то в середине ночи у меня заболело всё тело, а затем боль сконцентрировалась в голове. У меня никогда не было мигреней, но, кажется, я теперь понимаю этих несчастных людей, у которых они бывают. Это ад. Самый настоящий. Тебе плохо, даже если ты лежишь в тишине и совершенно неподвижно, а стоит пошевелиться, и сразу кто-то загоняет огромную огненную иглу куда-то прямо в мозг, или даже в спинной нерв. Видимо, у меня аллергия на какие-то их мази, и надо взять себя в руки, встать и доползти до медотсека, пока не стало ещё хуже – ясно же, что симптомы будут и дальше развиваться. У меня уже вот странные ощущения в руках и ногах… С одной стороны они словно бы невесомые, а с другой – как же мне трудно заставить себя сделать хоть одно движение…

Мне повезло – несмотря на ранний час, медотсек работал, инопланетянка, имени которой я так и не знаю, а может быть, просто не помню, была там, похоже, она в принципе живёт там круглосуточно, это было бы логично…

– Мария Романова, – её голос, и так не вызывающий у меня особой симпатии, прозвучал как скрежет ножа по обратной стороне блюдца – ненавижу этот звук! – Что случилось?

Я растерянно моргнула – почему-то их теперь было две, и поспешила ответить, пока не стало ещё больше, а то вдруг они бросятся расспрашивать все разом, и тогда моя голова точно взорвётся.

– Голова… – мне казалось, что я говорила громко, но сама себя я в принципе не услышала – в ушах всё гудело, а перед глазами плыло – теперь я снова видела одну инопланетянку, но как-то нечётко. – Наверное, аллергия на эту вашу мазь, – сообщила я из последних сил, и сползла вниз по стенке.

Будет ли она вообще мне помогать? Или, пользуясь моей беспомощностью вколет свой вирус? А может… может, он уже во мне? И я в полном соответствии с обозначенными тридцатью процентами вероятности иду к тому, чтобы отбросить коньки? Склеить ласты, или как там ещё об этом сказать, чтобы не произносить само страшное слово – «умираю»?

Вот и она ко мне идёт с чем-то немного похожим на шприц, а может быть на градусник, но скорее шприц, надо же ей забрать мою кровь с этим «дозревшим» вирусом, чтобы вколоть потом своему драгоценному киару, не пропадать же добру…

Сам укол я не почувствовала, но мне почти сразу стало легче – картинка стала чёткой, руки-ноги снова моими, почти привычными, а вся я резко остыла – ощутила это по выступившей обильной испарине.

– Лучше? – неожиданно участливо спросила она, продолжая сидеть на корточках рядом.

– Что со мной? – спросила я, облизнув губы и с удивлением понимая, что они потрескались.

– Аллергическая реакция, – коротко пояснила инопланетянка, выжидательно глядя на меня.

– Что? – не выдержала я. – На что?!

– Вы не решили насчёт… вируса? – разумеется, она опять о своём.

– Нет, – сказала я, собираясь пояснить, что не решила, но не успела – мне что-то опять поплохело. – В капсулу, – предложила я, но она почему-то покачала головой:

– Нет, не поможет, простите. Сейчас я посмотрю, что ещё можно сделать.

Я с тоской проводила её взглядом – она ушла как раз в то помещение, где была вожделенная капсула. У меня опять всё заболело, и я уже была готова просить, чтобы меня просто-напросто усыпили, чтобы не мучиться, потому что жить я так точно не смогу…

Ну где же она? Почему не идёт? Не знает, что с этим делать? Но хоть бы рядом посидела, мне было бы спокойнее в присутствии медработника, пусть даже и не расположенного ко мне… А у меня, судя по всему, ещё и слуховые галлюцинации – мне какие-то странные звуки чудятся, то ли удары, то ли взрывы…

– Мария, – сказала новая галлюцинация голосом киару, – что Вы тут делаете?

– Умираю, – честно призналась я, наконец, самой себе и окружающему миру.

– От чего? – спросил Айрдан, а, кажется, это был действительно он, или же я совсем сошла с ума, потому что вроде бы меня куда-то несут, а галлюцинация ведь этого сделать не могла?

– От аллергии, – жалобно сообщила ему. И собиралась ещё что-то добавить, но мы уже преодолели несколько метров до помещения с медкапсулой… и потеряли дар речи. Нет, наверняка, это всё мой бред, вероятно, я даже и не вышла из своей каюты и мучаюсь галлюцинациями в своей постели, иначе быть не может, ведь не стала бы инопланетянка, работающая в медотсеке ни с того ни с сего уничтожать капсулу, оставляя всех без скорой медицинской помощи? Правда ведь? Это ведь просто мой бред и кошмар?

Киару что-то рявкнул, я даже не поняла что, может, это было имя этой безумной? Зато ответ разобрала очень хорошо:

– Прикажите мне умереть, и я умру, – сказала она, – но не ждите, что буду спокойно смотреть как Вы идёте на смерть из-за этой…, – там было какое-то слово, наверное, просто очень ругательное, а нехорошим словам нас никто не учил, так что я не поняла.

Да и не это волновало меня в тот момент. Хуже было то, что капсула была совершенно непригодна. А значит, мне конец? Стоит ли сказать своё последнее слово, пока я ещё в состоянии говорить? Да и что сказать? Простите, киару, мне очень жаль, что всё так глупо получилось? Я подвела Вас в жизни и теперь снова подвожу, просто потому что невезучая? Или «я тогда не передумала»? Но какая теперь разница?

– Айрдан, – выдохнула я, так и не решив, что сказать. Но что-то же

надо? Однако мой порыв не оценили.

– Спите, Мария, – сказал киару, – всё будет хорошо.

И что-то мне вколол, отчего я сразу «уплыла», не успев добавить ни слова.

Не знаю, что это было, но мне ничего не снилось: ни приятного, ни кошмарного, ни просто бредового, и я ни разу не приходила в себя на какое-нибудь короткое время, чтобы заметить, например, преданно бдящего возле моей постели киару, замученного и небритого, как и полагается по законам жанра… и даже не знаю, что он всё это время делал, потому что открыла глаза я, уже чувствуя себя восхитительно легко, а обнаружившийся рядом синеглазый выглядел до отвращения бодро. Может, я почти сразу очнулась?

– Что произошло? – спросила, садясь и с опозданием ощупывая себя, чтобы убедиться, что на мне есть одежда.

Мы были в медотсеке, но кругом царил порядок, и я была в капсуле, так может, мне всё приснилось? Я задумчиво изучила правую руку – ни следа от порезов… Подняла глаза и сердце уже привычно ёкнуло, стоило встретиться взглядом.

– Простите меня, Мария Романова, – задумчиво и официально изрёк киару, слегка склонив голову. – Это моя ошибка и моя вина.

Значит, мне не приснилось? Или приснилось не всё?

– А где… – вот как её назвать? Имя я не помню или не знаю, а если мне «уничтожение» капсулы прибредилось, то называть инопланетянку «эта бешеная», наверное, не стоит. Киару не оценит.

– Лалира? – подсказал он. – Она больше не имеет доступа в эту зону. И от лица всего нашего народа я приношу Вам свои извинения, Мария Романова. Что Вы согласитесь принять в качестве искупления?

Корабль проси! – возликовала доселе неведомая мне меркантильная и авантюрная жилка. Ответы на вопросы и память оставить! – пришёл в голову второй вариант.

А ведь он у меня тогда ничего не попросил, или дело в том, что я сама не предлагала? Но я ж не знала, что у них так принято.

– А что случилось-то? – спросила я ещё раз. Всё-таки перед тем как отказываться, хорошо бы узнать, за что это всё предлагается.

– Лалира, когда обрабатывала Вашу рану, внесла определённый… вирус. И…

Дальше я неожиданно догадалась сама. Она и медкапсулу разбила затем, чтобы дать вирусу достаточно времени мутировать во мне… безумная, но крайне целеустремлённая женщина. Поразительно просто

насколько.

– И что? – спросила, невольно подаваясь вперёд, – вирус теперь Вам годится?

Кажется, я сказала это зря. Киару как-то подозрительно прищурился и медленно обронил:

– Вы знали? Мария… – кажется, синеглазый не находил слов, но вовсе не от затапливающей его благодарности. Самым верным словом, чтобы описать охватившие инопланетянина чувства, было слово «ярость». – Вы настолько меня не уважаете, что отказываете в праве решать, что для меня важнее? Вы мне нужны были на базе, живой и здоровой, куда больше, чем моя собственная жизнь!

– А теперь не нужна? – вклинилась я, чувствуя, что тучи сгущаются.

– Не знаю. Теперь не знаю, чем обернётся Ваше присутствие там.

Упс. Теперь что, я мутирую вместо киару? А он продолжил:

– Скажите, зачем? Вы срываете мои планы почище любого внедрённого агента! Но Мария, стоило ли оно того: рисковать жизнью, просто чтобы испортить…

– Я не соглашалась! – перебила его в отчаянии, пока он не размазал меня окончательно своими обвинениями. – Она мне говорила! Но я… я обещала подумать, всего лишь подумать!

– Почему Вы не пришли ко мне? – строго и сухо.

– Я пришла, – буркнула, решив не уточнять, что вообще-то успела тогда передумать ему рассказывать. – Но у Вас срочные дела образовались…

Кажется, он немного даже смутился. По крайней мере, подостыл. И стал ещё строже.

– Вы правы, простите. Это моя вина, и я готов искупить. Что Вы хотите?

И всё это опять официально-сухим тоном.

– А что можно попросить? – из какого-то деструктивного чувства противоречия спросила я, хотя собиралась гордо отказаться от всего.

– Просите, что хочется, – сказал он. Сухо, холодно, отстранённо. – Я скажу, если нельзя.

– Если вирус теперь Вам подходит, возьмите и используйте, – почему-то обиженно сказала я, отворачиваясь. Неизвестно почему от сухого тона киару наворачивались слёзы. Он молчал, и я заговорила вновь. – Сколько времени прошло?

– Вы были без сознания сутки, – ответил. Выдержал паузу. Спросил. – Зачем Вам это?

– Чтобы сорвать Ваши планы, зачем же ещё? – подчёркнуто вежливо сообщила я, выбираясь, наконец, из капсулы и направляясь к выходу.

– Мария, – окликнул уже у выхода.

– Всего доброго, киару Айрдан, – очень ровно ответила я. – Сообщите, как передать этот ваш вирус, если будет нужно.

Остаток пути киару меня избегал. Сначала я думала, что это просто совпадение, что у него много дел, и поэтому я не встречаю его нигде и ни в какое время дня – а я, признаюсь, поймала себя на том, что специально слоняюсь в некоторых местах, где, как мне казалось, вероятность встретить инопланетянина была наиболее высокой. Честно говоря, я о своём поведении пожалела уже через пару часов. Правда, вначале мне казалось, что надо было высказать ему больше. Припомнить и похищение с Земли обманным путём, и то, что память собираются стереть, и то, что это его безумная соотечественница на меня напала с вирусом, и вообще, я – кругом жертва, а чувствую себя почему-то виноватой… Потом я остыла и ударилась в другую крайность – хотелось тут же броситься искать несговорчивого киару, чтобы объяснить ему, непонятливому, что я хотела исключительно блага, хотела как лучше для него, а он меня очень обидел… и продолжает обижать. Тем, что не догнал. Не остановил. Не объяснился, не дал мне повода расплакаться, всё высказать и помириться… Но я никуда не пошла. Подумала, что на следующий день так и так столкнусь где-нибудь с киару, и всё наладится.

Не тут-то было. Всё утро я маялась, изыскивая предлоги для нахождения в «людных» местах, злилась на себя за никак не желавшую утихать надежду на встречу с синеглазым, и потихоньку расстраивалась. Когда после обеда меня позвали в медотсек – какой-то совершенно незнакомый мне инопланетянин, я воспряла духом – почему-то думала, что там будет сам Айрдан. Вряд ли он доверил бы меня этой Лалире, или как там её. И я даже заготовила фразу, частично позаимствованную у него же: «Простите, я виновата, чем могу искупить?», но она не пригодилась, так как объект моих извинений не появился.

– Как Вы себя чувствуете? – заботливо спросил мой новый знакомый, когда я вылезла из медкапсулы – я стремительно обрастаю межпланетными знакомствами, вот только какими-то сомнительными. – Голова не кружится? Дезориентация в пространстве? В глазах не двоится? Головные боли? Боли в спине? Что-то ещё беспокоит?

– Нет, нет, нет, – честно отвечала я, приврав только на последний вопрос – меня беспокоил их киару. Очень. Его дальнейшая судьба, и своя

тоже. Но Наарри – кажется, его так звали, – интересовало, очевидно, исключительно моё физическое состояние.

– Если что-то почувствуете странное, пожалуйста, сразу приходите сюда, Мария Романова, – серьёзно сказал Наарри, а я окончательно убедилась, что никто не произносит мои имя и фамилию так, как киару. Или же я пристрастна, что более вероятно и более печально.

– А что с Лалирой? – не удержалась от вопроса.

– Она… – он замялся, видимо, подыскивая слово. В отличие от встречавшихся мне до этого руан, он говорил на русском с выраженным акцентом, делал паузы в словах, и пару раз даже не справился с падежами. Хотя я на их языке, наверняка, говорю куда хуже… – арестована? – не уверенно предположил он, наконец. – Будет суд.

– И что ей грозит? – я не могла понять, что именно испытываю по отношению к этой безумной женщине. С одной стороны, я на неё очень зла и хочу, чтобы она получила по заслугам. С другой стороны… я ведь осталась жива, и вдруг это поможет спасти киару? Тогда я, наверное, готова всё простить.

– Это не Ваше дело, Мария Романова, – ответил Наарри и забавно смутился, видимо, поняв, что прозвучало очень грубо. И даже добавил. – Простите.

Настаивать я не стала, в конце-то концов, это, наверное, действительно не моё дело. Вежливо попрощалась и покинула медотсек, торопясь, пока решительность меня не покинула, к каюте киару Айрдана. Когда дверь никто не открыл, и сама она тоже не открылась, я даже обрадовалась – всё же как-то неудобно было, а так, может, он найдёт меня сам. Как-то ведь он узнавал до этого, что я его разыскиваю? Этой мыслью я себя подбадривала до вечера… а потом поняла, что не придёт. И не откроет. Но зачем-то всё-таки сходила ещё раз. С предсказуемым результатом.

Честно говоря, я сама не знала, что скажу и зачем его ищу, просто разлад с киару – это даже и ссорой-то назвать нельзя – напрочь лишил меня тех остатков спокойствия, которые у меня ещё были.

Может быть, отправиться в медотсек и прямо спросить у этого забавного Наарри, где прячется Айрдан-что-то там-Ши? Или посреди ночи отправиться в заветную каюту? Должен же он там хоть когда-то появляться? Но… вдруг он там будет не один? Почему-то от последней мысли стало совсем грустно и паршиво, хотя, казалось бы, а какое мне, собственно, дело? Я же не планирую своё «долго и счастливо» с ним, а кроме того, он почти прямым текстом заявил, что нет у меня никакого права мешать ему самоубиваться, и он лучше знает, что ему важнее. И не

поспоришь ведь. А то, что мне хочется царапать его дверь и биться об неё головой – это побочный эффект вируса, не иначе.

Глава 13. Первые последствия и другие неприятные сюрпризы

Почему-то я наивно полагала, что нас привезут на родную планету наших «похитителей», впрочем, не я одна. Мы даже гадали – как у них там всё организовано, будет ли для нас экскурсия, да и просто – можно ли нам будет пройтись по улицам, посмотреть. Какая у них атмосфера, вдруг есть какой-то ядовитый для нас газ, и нам придётся носить скафандры… Чем ближе был конец путешествия, тем больше было таких разговоров, а может, это я, лишившаяся общества синеглазого киару, стала больше в них участвовать, хоть они и навевали на меня смутное беспокойство. Ведь где-то там дети киару… и его жена? Жёны? И ему придётся им сказать о том, что он вскоре снова улетит и, может, никогда уже не вернётся. Потому что за вирусом ко мне никто не приходил. Я терялась в догадках: может, киару взял у меня кровь, пока я была без сознания? Или вирус ещё не дозрел? А может, он, руководствуясь своей нечеловеческой логикой, считает, что принять от меня вирус – хуже, чем смерть? Иногда на меня нападали разные экстремальные идеи – подстеречь киару и… укусить. Как и планировала, да. Или же поцеловать. Но это если он сопротивляться не будет, и вообще, поведёт себя как-нибудь мило… иначе я просто не осмелюсь к нему подступиться.

Ещё мне хотелось расспросить кого-то – а что же со мной, как там вирус себя ведёт – ещё жив, или уже всё, того, но я почему-то опасалась спрашивать Наарри – вдруг он не в курсе, что да как. Вряд ли, конечно, но что-то я теперь никому не верю. И всё надеюсь вопреки очевидному на диалог с киару.

Планета оказалась пустой. Никого, кроме нас. И ничего, кроме какого-то странного, огромного, явно давно пустующего здания, где всё было непривычно-чужим. Очень гладкие, вернее даже сглаженные линии, очень яркие цвета, много места – в комнате, которая досталось мне, можно было разместить пару однокомнатных квартир, как минимум, а у остальных комнаты, думаю, были ничуть не меньше. Я вообще люблю пространство, но это меня как-то даже напрягало, хотя и веселило тоже – вспоминались бородатые анекдоты про олигархов, путешествующих по своим квартирам на автомобилях. Может, впору переделывать олигархов на инопланетян?

Кстати, комната изначально показалась мне вообще пустой, чуть позже

я обнаружила на стенах некую разметку и «методом тыка» обнаружила кровать – выдвигалась и раскладывалась из стены, шкаф – дверцы бесшумно раздвигались, стоило поднести руку, стол и подобие скамьи без спинки – всё тоже выдвигалось… и это всё было бы очень круто, если бы я нормально с этим самым «выдвижным» механизмом поладила. Увы, но более или менее гладко у меня прошло только со шкафом. Остальная мебель, которую я успела обнаружить, вела себя неприлично – ёрзала туда-сюда, словно не могла определиться… и я поняла, что спать я буду на полу. Ибо не хочу проснуться от того, что взбесившаяся кровать впечатала меня в стену. А насчёт удобств – ванной и туалета – что-то даже думать страшно. Погоня за белым другом по всей ванной комнате – это слишком даже для меня! Я с опаской покосилась на дверь, предположительно ведущую в ту самую комнату с удобствами, и она начала радостно мне «подмигивать» – то становиться прозрачной, то темнеть. Но не открылась, даже когда я подошла ближе и осмелилась дотронуться рукой. Чертовщина какая-то, честное слово! Интересно, это только у меня так или у всех? Может, это и есть пресловутые тренировки? Типа, кто выживет, тот годится…

Я направилась к выходу, надеясь, что эта дверь проявит больше сознательности и дружелюбия. По дороге на меня попытался напасть стол, я шарахнулась назад, еле увернулась от скамейки и бросилась подальше от стен – в самый центр комнаты, надеясь, что из пола ничего выскакивать не будет. Оттуда затравленно уставилась на шкаф, почему-то выдвинувший вдруг ящики. Кажется, я начинаю понимать брата, утверждавшего, что не любит слишком умную технику. Вот с техникой я, правда, пока не поняла, а слишком умную мебель – точно не люблю.

Шкаф внезапно присмирел, и я аккуратно попыталась прокрасться всё-таки к выходу. Отсюда надо бежать. И попросить комнату с приличным характером и воспитанной мебелью. А лучше вообще без неё. До двери мне оставалось ещё шагов пять, когда она распахнулась, а за ней… за ней обнаружился киару.

– Как Вы себя чувствуете, Мария? – спросил он как ни в чём не бывало. – Я могу войти?

– Нормально, – растерянно ответила я и подозрительно покосилась на предметы интерьера, вернее, на те места, где они должны были быть – они спрятались и затаились, коварные. – Пожалуйста, входите.

– Благодарю, – произнёс инопланетянин и, видимо, проследил мой взгляд, так как направился прямиком к непослушной мебели. Не знаю, что именно он с ней сделал, наверное, деактивировал или как-то перевёл на «ручное» управление, но через минуту у меня была уже вполне статичная

кровать, благонадёжные с виду стол и кресла – совершенно в другом конце комнаты, возле огромного, во всю стену окна, а также обездвиженные двери шкафа и, кажется, межкомнатные тоже.

– Ну вот, – сказал он, присаживаясь в одно из кресел. – Так Вам будет привычнее… и безопаснее.

– Вы больше не сердитесь? – спросила я, почему-то робея и, вероятно, поэтому присаживаясь на самый краешек кресла. А ещё – не доверяя до конца присмиревшей мебели и готовясь вскочить в любой момент.

Вопрос киару проигнорировал. А может, его встречный вопрос и был ответом, я не поняла.

– Вы решили, что хотите? – произнёс он, задумчиво изучая меня каким-то непонятным взглядом.

– Я же уже сказала, – настороженно произнесла. – Воспользуйтесь вирусом, если он Вам подходит.

– Это невозможно. А даже если бы и было возможно… в общем, попросите что-то для себя.

– Почему невозможно? – как-то даже немного обиженно уточнила я. Брезгует?

– Чтобы вирус достиг нужного состояния, нужно, как минимум, дней семь, а лучше – десять. Вы бы умерли на второй, – с ужасающим спокойствием и пугающей честностью сообщил киару.

– Как? – севшим голосом переспросила я, хотя вопрос был риторическим – разумеется, я вовсе не жаждала узнать в подробностях, как умирала бы.

– Вирус и так привёл к некоторым необратимым изменениям, – продолжил свои страшные откровения синеглазый, – Нет, не волнуйтесь так, ничего фатального, но вот проблемы с мебелью у Вас именно из-за этого.

– То есть… они только у меня? – грустно уточнила я. Нет, я не спорю, быть особенной – круто иногда, но лучше бы в чём-то другом…

– Только у Вас, – улыбнулся Айрдан. И тут же снова помрачнел. – И Вы теперь не подходите нам для… дела.

– Почему? – спросила я. Не то чтобы я расстроилась из-за этого, вопрос благополучия киару и даже проблемы с мебелью интересовали меня куда больше, чем загадочное дело, о котором они и не рассказывают почти ничего.

– Потому что эффект от Вас теперь уже вообще непредсказуем, – снова улыбнулся киару, и моё глупое сердце в который раз сбилось с ритма. И, кажется, кто-то намекает на то, что и раньше от меня можно было ждать

чего угодно. Ну и ладно, ну и пусть, не так уж он неправ, в конце-то концов.

– А что с вирусом? Он не успел развиться? – спросила, невольно любуясь инопланетянином. Всё-таки что-то есть в этих слишком синих глазах и необычно-серебристых волосах, и…

– Да, – короткий ответ и лёгкая улыбка – словно специально дразнится, провоцирует. То ли на бесконечные вопросы, то ли ещё на что…

Я вопросительно приподняла брови, надеясь, что это выглядит элегантно, а не комично, и молча смотрела на него. А он на меня. И тоже молча. Разве что чуть прищурился.

Мы играли в молчанку всего ничего, но я почувствовала, что начинаю проигрывать – краснею и смущаюсь, хотя ничего такого он сделал, даже взгляд от глаз моих не отводил.

Но я держалась, по крайней мере, до того момента, как он сказал:

– Мария, Вы очень красивая девушка.

И как-то это у него получилось очень проникновенно и немного вкрадчиво.

– Спасибо, – смущённо и немного растерянно ответила, опуская глаза и мучительно решая, стоит ли сообщить ему, что он, в общем-то, тоже очень даже ничего. И пока я краснела и думала, думала и краснела, оказалось, что это было совершенно зря. Киару вовсе не собирался делать мне комплимент или как-то обозначать интерес, он просто хотел как-то подсластить следующую новость, а единственное хорошее, судя по всему, что он мог обо мне сказать – это именно про красоту.

– Никита Рекунов и Анжелина Петрова попросили поселить их в одну комнату, – сообщил синеглазый, выжидательно глядя на меня. Наверняка я изменилась в лице. Неожиданность оказалось явно неприятной, хотя сейчас я не могла уже однозначно сказать, что мечтаю оказаться на месте бледной моли, но всё равно как-то царапнуло. Сродни тому, что ты привык считать что-то своим, а оно вдруг, оказывается, принадлежит совсем другому. А ещё то, что я вначале заявила киару, что люблю Никитоса и еду из-за него… теперь он, синеглазый, будет считать меня неудачницей. Хотя куда уж больше-то… Неужели мне и в самом деле было когда-то всё равно, что подумает обо мне этот инопланетянин? А ведь было, и вовсе не так давно, но когда-то всё успело поменяться, и я толком не понимаю теперь, что бы такое сказать, чтобы он не начал меня презирать. Плакать, наверное, не стоит?

– У меня лично нет никаких возражений, – продолжил тем временем Айрдан, поняв, видимо, что на диалог пока надежды мало. – Но если Вам

это… неприятно, если Вы хотите, я откажу. – Я почему-то всё так же не могла сказать ни слова, вернее, не то чтобы не могла – просто не было у меня слов, в мыслях было как-то пусто, даже, пожалуй, пустынно. – Я не знаю, как принято у Вас, но дополнительные какие-то… трения внутри команды мне ни к чему.

Наверное, я злой человек. Убеждаюсь в этом всё больше и больше, потому что мысль сказать, что хочу, что надо запретить, вообще расселить их по разным концам здания и видеться не давать, у меня была. Несколько мучительных секунд, за которые мне тут же стало стыдно – как-то это… низко, что ли. Да и к чему? Какая разница, в своей он комнате спит или в её, если в мыслях он всё равно с ней. И пусть в моей голове никак не укладывается, как так могло получиться, как, как я пропустила момент, когда Никита окончательно ко мне остыл, но разве запрет киару чем-то поможет?

– Мария, – сказал инопланетянин и тронул меня за руку. Я вздрогнула и посмотрела на него, чтобы сейчас же опустить взгляд. Почему-то в этот момент стало себя очень жалко и, наверное, жалкой же я и выглядела в глазах инопланетянина. – Что я могу для Вас сделать?

– Ничего, – ответила через силу. – Ничего не надо. Спасибо. Пусть живут… я… мне всё равно. Почти. Уже. Так даже лучше, наверное… – на последней фразе я таки закапала стол слезами.

– Пойдёмте, – вдруг произнёс синеглазый. Встал из-за стола и потянул меня легонько из кресла за руку.

– Нет, – испуганно стала отказываться я, мне почему-то померещилось, что киару потащит меня к Никитосу. На разборки, так сказать. Почти семейные.

– Да, – не согласился со мной киару. – Не бойтесь, Вам понравится!

И вытащил меня из кресла.

Я готовилась к позору, но мы прошли по коридору, не свернув ни в одну из комнат, и зашли в лифт, чтобы через несколько секунд выйти на крыше здания. Вернее, я предполагала, что это крыша, а выглядело оно как совершенно гладкая площадка, на которой стояло несколько странных штук, похожих на очень-очень пузатые маленькие самолётики. И киару направился к ним, а я вслед за ним – мою руку он так и не отпустил.

Пока шли, я успела ощутить, что на улице тепло, воздух как-то необычно пахнет, какой-то излишней свежестью, и дует довольно сильный и на удивление постоянный ветер. Он трепал волосы, заставляя их лезть в лицо, и раздражённо от них отмахиваться.

– Залезайте, – предложил киару, указывая мне на открывшуюся дверь

летательного аппарата – почти на девяносто процентов уверена, что это именно он, брат самолёта.

– А он не будет сходить с ума, как мебель? – виновато-подозрительно уточнила, усаживаясь в кресло.

– Пока я рядом – нет, – доброжелательно пояснил инопланетянин, и вроде бы ничего не сделал, но тем не менее мы взлетели.

– Тогда мне стоит всё время быть к Вам поближе, – неудачно пошутила я и сама смутилась. Тем более что киару шутку не принял, предпочёл расценить фразу серьёзно.

– Если Вам так хочется, – спокойно пожал плечами, – ближайший месяц я в Вашем распоряжении.

И я бы обрадовалась, наверное, если бы не мерещилось за этим «чем я могу искупить». Может, ему самому вовсе и не хочется, просто дурная привычка приносить себя в жертву по любому поводу и без.

А вообще да, мне почему-то хотелось.

– Куда мы летим? – спросила, пытаясь скрыть неловкость.

– Познакомлю Вас с местными жителями, – пообещал Айрдан. – Но сначала с местными достопримечательностями. Смотрите!

Я послушно уставилась на открывающийся вид, и, надо признать, посмотреть было на что: мы как раз пролетели между двумя высокими скалами и «зависли» возле огромнейшего водопада. Мне казалось, что я даже слышу его рёв, и почти чувствую брызги, ощущаю мощь и силу стихии, и могу смотреть на это вечно. И мне даже хочется оказаться ещё ближе к этому потоку, потому что он какой-то нереальный и невероятный, рассыпающийся сотнями маленьких радуг в самых разных местах, и рядом с ним просто невозможно хандрить и предаваться унынию.

– Спасибо, – поражённо прошептала я, с удивительно тёплым чувством осознавая, что киару сделал это для меня. Просто чтобы поднять мне настроение. И, возможно, ничего это не значит, и нет за этим никакой подоплёки, кроме обычной человеческой доброты, а все знаки внимания и желания, кажущиеся мне, не более чем моя иллюзия, но это не делает поступок инопланетянина менее ценным.

Я заставила себя отвести взгляд от водопада и перевести на «пилота» нашего маленького пузатого самолётика… кажется, всё это время он смотрел на меня, и, делайте со мной, что хотите, но на просто хорошего человека так не смотрят. Воздух мгновенно наэлектризовался, я невольно опустила взгляд на его губы, бессознательно закусывая свою, и замерла в ожидании, слыша в звенящей тишине, как суматошно бьётся моё сердце, почему-то каждый его удар отдавался в ушах, я была ещё не готова

проявить инициативу, но с ужасом чувствовала, как карточным домиком осыпаются все возведённые в моей голове преграды. Сделай он сейчас хоть что-нибудь, хоть маленький «шажок» ко мне навстречу, и я «вся его», пользуясь выражениями самого киару.

Но он молчал и сидел неподвижно в кресле, буквально в нескольких сантиметрах от меня – так близко, и в то же время этой близости стало резко, почти болезненно недостаточно, хотелось прижаться, прикоснуться хотя бы, ну хоть за руку снова взять… Машинально нашла руку взглядом – сжата в кулак, так, что, кажется, даже пальцы немного побелели.

– А что там с местными жителями? – страстным шёпотом спросила я, краснея за получившиеся невольно томные нотки. Возьми себя в руки, Маша, и прекрати растекаться лужей у ног этого многодетного инопланетянина! Мысль о его детях немного отрезвила. Но недостаточно.

– Мария, – вздохнул киару, – Вы ведь понимаете, что я, как бы мне ни хотелось, ничего не могу Вам предложить?

И смотрит, смотрит своим пронзительно-синим, сейчас почти чёрным взглядом. И говорит он вовсе не о местных жителях, это даже я понимаю, а вот дальше не понимаю: не могу предложить: потому что ты – землянка, или потому что «долго и счастливо» будет крайне недолгим? Или потому что женат и с детьми?

– Почти понимаю, – кивнула я, в свою очередь тоже стискивая кулаки.

– Почти… – со вздохом повторил киару, разворачивая и направляя самолётик – буду звать его так – вниз и куда-то в сторону.

Местные жители оказались маленькими, пушистыми, совершенно не разумными, не пуганными и вконец обленившимися. Мне они чем-то напоминали маленьких медвежат, разве что обладали совершенно необычной раскраской – очень ярких цветов, и невероятно мягкой шерстью. И главное, они совершенно не боялись ничего – я ловила одного разноцветика за другим, тискала, отпускала и гналась за следующим, думала только об этом и была почти целый час совершенно счастлива.

Глава 14. Последствия продолжаются

Вечером был общий ужин, первый за всё время нашей экспедиции, и я снова была в смятении, собираясь туда. Мне было нечего надеть – собираясь на пару дней, я прихватила только смену белья и пижаму, а ещё я не знала, как вести себя. Вообще. И с киару, и Никитой в частности. Навязываться синеглазому совершенно не хотелось, тем более он сказал, что ничего не может мне предложить, но я так очарована им за сегодня и вообще, что могу не справиться: либо сделаю слишком холодный вид и оттолкну – обижу, либо проявлю излишнюю фамильярность и покажусь липкой… А с Никитой – тоже вопрос. Что ни говори, но присутствовало у меня некое чувство обиды, потому что мне он не предлагал жить вместе, да я бы и не согласилась, наверное, но разве в этом дело? Дело в самом предложении. Мне за три месяца не предложил, а ей за три дня, практически… получается, она лучше меня. А это я признать не готова. Кто угодно, Ула, бешеная инопланетянка из медпункта, кто угодно, но почему-то только не эта вот Анжелина…

Это как участие в конкурсе. Ты заявилась, стараешься, надеешься, и… облом. И пусть приз тебе не нужен, но само осознание, что ты вступила с кем-то в борьбу и проиграла, оно уже ужасно неприятно. Но, похоже, придётся это принять.

Примерно с такими мыслями я вошла в столовую, и на секунду нерешительно остановилась – куда сесть? Рядом с киару было свободное место, но оно было лишь одним из многих, и даже не самым ближним ко мне, скорее, дальним, так что пройти и сесть туда требовало определённой смелости и негласного вызова. Вот если бы он меня позвал…

А с другой стороны – ну подумают они все, что я бегаю за киару, и что? Они, похоже, и так все уже это думают, так что какая, к чёрту, разница? Решившись, я сделала шаг в нужном направлении, и тут меня позвали. Но совершенно не тот и не туда.

– Маша, садись к нам! – излишне восторженно замахала мне Анжелина, и я, проклиная собственную нерешительность, отправилась к ней.

Вот что ей от меня нужно, а? Я, конечно, понимаю, что формально у неё нет никаких причин испытывать передо мной или в моём обществе неловкость – если она и знает, что мы с Никитосом встречались, то расстались мы за несколько месяцев до его знакомства с ней, а то, что я в

своей голове вовсе с ним не рассталась и расставаться не собиралась – она знать не могла. И всё же, всё же… На инстинктивном уровне она была мне неприятна, и я испытывала неловкость рядом с ней, а особенно – рядом с ней и с Никитой.

– Мне бы очень хотелось с тобой подружиться, – зашептала она мне, как только я опустилась на уже заранее ненавистное место.

Может, она так самоутверждается? Может, у неё тоже ощущение конкурса, только в её случае не проваленного, а выигранного, и каждый раз рядом со мной это чувство расцветает? Зачем иначе ей со мной дружить?

– Да? – нейтрально-вежливо переспросила я, гадая, а что надо отвечать-то? Мы вроде уже не в детском саду, когда «давай дружить?» – «давай!», и всё, готово.

– Да, – честно заморгала она на меня своими бледно-серыми глазами. – Мне очень нужна твоя помощь!

И мило улыбнулась. Вернее, это ей, вероятно, казалось, что мило, а я отметила кривой прикус. Нет, у меня у самой тоже не идеальный, но когда человек не нравится на каком-то инстинктивном, физическом уровне, невольно концентрируешься на всех его недостатках. А она мне не нравилась всё больше и больше, а уж это «давай дружить, потому что мне от тебя что-то надо!» лично меня вообще всегда бесило. Давай дружить, потому что мне нужен твой конспект. Давай дружить, потому что мне надо, чтобы ты помогла мне подготовится к экзамену… Тьфу!

– Какая? – осторожно спросила я, отворачиваясь от неё и с преувеличенным вниманием осматривая стол. Хотя, по правде говоря, есть почему-то совершенно не хотелось. Не знаю, последствия это вируса или ещё что, но мне казалось, что у меня где-то в горле комок, и я просто физически не смогу ничего проглотить.

– С Никитой, – не удивила меня Анжелина. А потом всё же удивила. – Ты не могла бы ему сказать, что у вас с киару всё серьёзно?

У нас. У нас с киару. Серьёзно. Конечно, могла бы! Главное, чтобы эта бледная моль – прости, Анжелина, но это выше моих сил и воспитания! – не попросила сказать об этом самому киару. Вы знаете, Айрдан, а у нас с Вами всё серьёзно… хоть Вы ничего и не собираетесь мне предлагать… Стоп. Что-то меня понесло.

– Зачем? – спросила я вслух, невольно бросая взгляд на этого самого киару. Он беседовал с Улой и ещё какой-то девушкой, кажется, её звали Лилей, и на меня, естественно, не смотрел. И из-за этого неприязнь к сидевшей рядом со мной девушке только возросла.

Анжелина немного покраснела и потупила глазки – держу пари, что

мужчины на это ведутся, а я не верю. И не надо опять хлопать на меня своими длиннющими ресницами, у меня у самой ресницы шикарные. Только у тебя наращённые и вот-вот начнут путаться и выпадать, а у меня – свои!

– Понимаешь, мы понравились друг другу с первого дня… – проблея… эм… поведала мне Анжелина слишком кротким голосом. – Но он боялся тебя ранить… А когда ты сказала, что хочешь киару, понял, что ничего не мешает нам быть вместе…

Я бросила взгляд на Никиту – он увлечённо пересказывал сюжет Звёздных войн какому-то инопланетянину, и наш разговор, надеюсь, проходил мимо его ушей.

А ведь это ответ. На мой сакральный вопрос – когда и что я сделала, что Никита окончательно меня вычеркнул из своего сердца. И как я могла забыть? Я ведь прямым текстом сообщила ему, что он меня не интересует, и нужен мне совершенно другой мужчина. Дура я? Без сомнения. Но что теперь-то делать? Может, принять уже как есть?

Кажется, тот момент, когда моя жизнь могла свернуть на ветку «вместе с Никитой навсегда» уже пройден, и вернуться к нему нельзя. Хотя и горько, даже больно отрывать от себя приросшие мечты.

– Скажешь? – спросила Анжелина, теребя меня за рукав.

– Хорошо, – согласилась я, выдёргивая рукав, и бросая ещё один быстрый взгляд на синеглазого.

Он смотрел на меня, немного задумчиво, словно что-то решая. Его тоже попросили сказать, что у нас всё серьёзно? Да, Маша, почти смешно.

– Что я пропустила? – спросила я свою новую подружку, лишь бы она перестала лопотать что-то про себя и Никиту. Есть вещи, которые я просто-напросто не хочу знать.

– Да, в общем-то, ничего, – легкомысленно отмахнулась девушка. – Ты это всё, наверное, и так знаешь – завтра прилетят те, кто будет нас учить, а киару и те, кто привёз нас сюда, улетят. Знаешь, а вот мы с Никиточкой…

Дальше я просто не слышала. Киару завтра улетает? Завтра?! И ничего мне не сказал. Не счёл нужным? Скорее всего. Имел полное право. Да и даже странно бы, если бы вдруг сказал, но почему же мне так больно? Я подняла убитый взгляд на коварного инопланетянина, ожидая, что он снова поглощён беседой и собираясь тихо ускользнуть, но он в этот момент тоже как раз посмотрел на меня, кажется, немного изменился в лице, опустил взгляд на мою пустую и совершенно чистую тарелку, снова на меня, и вдруг произнёс:

– Мария Романова, когда поедите, Вы не могли бы уделить мне

несколько минут?

И все, естественно, тут же уставились на меня. Интересно, что они думают? Что стали свидетелями развития отношений между человеческой женщиной и инопланетянином? Какое заблуждение!

– Я уже поела, – безбожно соврала, потому что есть не собиралась. Мне и до этого-то ничего в рот не лезло, а уж теперь…

А киару уже встал из-за стола и идёт ко мне, и вот он уже рядом, чуть позади моего стула и, кажется, протягивает руку, а я… я тоже встаю, ощущая невероятную нереалистичность происходящего, и рука об руку с синеглазым иду к выходу, под прицелом десятков глаз.

Как только мы вышли в коридор, стало легче.

– Вы уже были в саду? – спросил Айрдан. И, восприняв моё невнятное мотание головой, как согласие пойти для разговора именно туда, повёл меня к лифту.

– Вы завтра уезжаете, – сказала я, гипнотизируя дверь лифта, так как упрямо не желала смотреть на собеседника. Вернее, и желала, и не желала, и никак не могла определиться, то ли к сердцу прижать, то ли к чёрту послать…

– Да, – обронил киару. И мне послышалось, что он ещё добавил. – Хотите со мной?

– Что? – растерянно переспросила я, стремительно склоняясь к варианту «к сердцу прижать».

Он повременил с ответом, пропуская меня вперёд при выходе из лифта, и заговорил снова, уже когда мы оказались в так называемом саду. С моей точки зрения это было больше похоже на лес. Джунгли, если точнее.

– Разумеется, Вы можете остаться со своими соотечественниками, если Вам так будет комфортнее, однако…

– Учить меня бесполезно, – договорила я за него, решив сэкономить ему время и усилия по подбору тактичных выражений.

– Даже опасно, – согласился он. – Присядете?

Я послушно опустилась на скамью. И, повинуясь какому-то демону внутри, спросила, хотя решение уже приняла, моментально, как только он предложил.

– А не слишком ли много мне тогда придётся забывать?

Киару как-то виновато вздохнул, присаживаясь рядом, и я насторожилась. Сегодня такой день, что он вполне может мне сейчас сообщить, что, например, из-за вируса мне вообще осталось жить пару недель, так что забывать будет уже некому…

– Мария, – начал он, и я по совершенно детской привычке – взрослому

человеку не пристало! – скрестила пальцы. – Из-за вируса, – продолжил киару, и я с ужасом поняла, что эти «чурики» для взрослых не работают и не спасают их… – Вы не сможете вернуться.

– Почему? – прошептала, чувствуя, как внутри всё обрывается. – Я умру, да?

– Нет, – удивлённо отозвался синеглазый и мягко улыбнулся. – Ну, по крайней мере, ближайшие лет пятьдесят не должны. Просто Вы теперь не совсем человек, и сами по себе – ценная добыча для наших врагов, поэтому Вам придётся остаться у нас.

– В качестве кого? – мрачно уточнила я. Естественно, мне сразу же отчаянно захотелось домой, на Землю.

– Не понял вопрос, – спокойно сказал киару, но я ему не поверила. Однако послушно перефразировала.

– Кем я буду там, у Вас?

– Марией Романовой, – осторожно и недоумённо ответил он, доводя меня до бешенства.

Мария Романова – это не профессия. И даже если предположить, что нам мешают трудности перевода, должен же он понимать, что меня волнует, на что я буду жить и что делать? Не удочерит же он меня в самом деле?

– Я обеспечу Вас, если Вы об этом, – сообразил, наконец, он. Но меня волновало не только это.

– Я смогу работать? – упрямо спросила я. Не то чтобы без работы мне была совсем уж жизнь не мила, но мне нужна хоть какая-то опора и самостоятельность. По крайней мере, так говорят.

Киару задумался, и это значило, что дела мои довольно плохи.

– Возможно, – сказал он, наконец. – Смотря, к каким изменениям в конце концов приведёт вирус.

– Приведёт? – переспросила я, уже не находя в себе сил дальше пугаться, холодеть и расстраиваться. Получается, ещё ничего не закончилось?

– Мы блокировали сам вирус, но он успел запустить некоторые преобразования, которые пока ещё не закончены, – повинился Айрдан-ниа-Ши – я как-то неожиданно вспомнила его полное имя. И опять пустился в официальные извинения. – Мне действительно очень жаль, что так вышло Мария Романова. И, разумеется, право назвать компенсацию всё ещё за Вами.

– Я с Вами, – сообщила я в ответ. Обсуждать компенсацию не хотелось. Сразу вспоминалось, что первопричина всей этой ситуации – всё-

таки я сама. Что бы там киару ни говорил о границах разумного.

– Я рад, – просто ответил он, и мы некоторое время сидели молча, пока я, наконец, не решилась:

– Расскажите про своих детей, – попросила с замиранием сердца и поспешила уточнить, – если это допустимо, конечно.

– Что Вы хотите узнать? – доброжелательным тоном поставил меня в тупик хитрый инопланетянин. Я без понятия, что там надо спрашивать про чужих детей, и меня вообще большего всего их мать интересует, если совсем уж честно.

– Сколько им лет? – нашла я некий компромиссный вариант.

– В пересчёте на Ваши годы, – на мгновение задумался он, – двадцать, семнадцать и пятнадцать.

Я подозрительно уставилась на киару. Получается, ему лет сорок, а то и больше? А выглядит моим ровесником почти, лет на двадцать пять. Максимум – тридцать.

– Мне тридцать, – сообщил киару, словно бы просто так. И больше ничего пояснять не стал.

И вот что я должна думать обо всём об этом? Усыновил? Или рано начал? Вдруг у них цикл размножения совершенно другой? Может, они сначала десять лет размножаются, пока юные и глупые, а потом умнеют и делают карьер киару?

Синеглазый отвечал мне прямым взглядом, в котором явно пряталась смешинка. Провоцирует спросить, не иначе.

– А Ваша жена? – поинтересовалась я, сдвигаясь поглубже к спинке скамейки и с удовольствием болтая ногами. Вдруг вспомнилось, что в руанском вообще нет такого понятия как «жена». Или я невнимательно училась.

– У нас нет такого понятия, – подтвердил мои выводы синеглазый. Хорошо, что можно смотреть на сад, или на скамейку, или даже на собственные ноги – так куда проще вести такой разговор. – Вы хотите спросить про мать моих детей? Она умерла.

– Простите, – сказала я, краснея от неловкости за собственное бессердечие и эгоизм – я ужасна, ибо испытала облегчение при этих словах. – Мне жаль, – попыталась исправиться.

– Забудьте, – коротко обронил он.

– А как? – всё-таки спросила я. Краснеть так за всё сразу, что уж тут. На мгновение испугалась, что он поймёт это так, что я хочу знать детали смерти неизвестной мне инопланетянки, но он, судя по ставшему ещё более насмешливым взгляду, понял всё правильно.

– Что как?

– Как вы без жён-то? – пояснила я. – И как детей так рано?

Надеюсь, он сейчас не расскажет мне, что у них все женщины общие, а дети разыгрываются по жребию, тогда я точно не полечу!

– Дети моего брата, он тоже погиб, – коротко пояснил Айрдан. – А первый вопрос я не понял.

Удобно быть инопланетянином, как я посмотрю. Чуть что – вопрос не понял. Надо взять на вооружение, хотя меня-то киару ни о чём не спрашивает…

– А что будет с Лалирой? – поинтересовалась, внутренне готовясь к уже знакомому мне ответу «не Ваше дело». Хотя киару вежливый. Может, завуалирует как-нибудь. А-ля «Мария Романова, это не должно Вас беспокоить!».

– Это зависит от того, насколько сильно Вы в итоге пострадаете, – ответил мне вежливый, но совершенно нетактичный киару. И я, вздохнув и сжав изо всех сил край скамейки, ровным голосом уточнила:

– И когда это будет известно? Насколько сильно я… пострадала? – на последнем слове голос всё-таки дрогнул. Себя было жалко, очень-очень.

– Дней через десять, – спокойно сообщил киару, и я поняла, что он смотрит теперь на меня. Знать бы ещё, что именно хочет увидеть. Хотя набор эмоций у меня в данный момент в принципе не самый достойный и презентабельный: страх, жалость к себе и ощущение какой-то глобальной несправедливости бытия – чувство, которое я просто ненавижу.

– Прогноз в целом довольно благоприятный, Мария Романова, – аккуратно попробовал подбодрить меня инопланетянин, и я вскинула на него глаза.

В целом. Довольно. Прогноз. Угу. А-ля «наметились признаки тенденции», то есть надеяться можно, но никто ничего не обещает. Чудесно.

– Мне жаль, что это путешествие обернулось для Вас сплошными проблемами и разочарованиями, – вдруг выдал синеглазый, и я насторожилась. А ещё-то что? Или это он про Никиту? Я ведь имела глупость что-то ему сообщить на эту тему в начале нашего знакомства…

– Вы о чём? – уточнила, снова опуская взгляд. Мои руки всё так же теребят скамью, и до его руки всего сантиметров двадцать… дотянуться легче лёгкого. Странно, что это я вдруг об этом думаю?

– О том, что у Вас не сложилось с Никитой Рекуновым, – не пожелал пощадить мою гордость собеседник. – Мне жаль, что это Вас расстраивает.

Мне это кажется, или он намекает, что то, что не сложилось – не жаль?

Вот ведь… вроде и прямой, а всё равно говорит загадками. А я потом мучайся и гадай…

– С Никитой Рекуновым не сложилось задолго до путешествия, – немного неловко буркнула я. И постаралась перевести тему, спросив первое, что пришло в голову:

– А Вы не знаете, что у него за неприятности были?

– Знаю. – Вот это да!

– Расскажете? – мгновенно загорелась любопытством.

– Насколько я успел изучить Ваши обычаи, это неэтично, – как-то киару умудрился отказать мне таким тоном, что я поняла – расскажет. Поиграет и всё равно всё расскажет.

– Пожалуйста, – попросила, поднимая на него глаза и невольно улыбаясь.

– А как же этика? – подначил синеглазый, явно развлекаясь. Если ждёшь, что я скажу, что обожаю, когда кто-то поступает неэтично – не дождёшься!

– А по Вашим обычаям тоже нельзя? – зашла с другой стороны.

– По нашим можно и даже нужно. Право на достоверную информацию – одно из основополагающих.

– Вот, – довольная собственной сообразительностью заявила я. – Придерживайтесь, киару Айрдан, пожалуйста, своих правил!

– Вы уверены, Мария Романова? – переспросил синеглазый, и я бодро подтвердила, что да, уверена, увереннее некуда.

И в ту же секунду киару оказался очень-очень близко. Ещё не касаясь, но так, что я, кажется, даже чувствовала идущее от него тепло.

– А Вы знаете, Мария, – вкрадчиво спросил он, заставляя моё сердце вытанцовывать какой-то сложный ритм, – что по нашим правилам я уже давно имею право Вас…поцеловать?

Вот уж не знаю, что у них за правила, но он так это говорит, что я почему-то начинаю представлять себе отнюдь не только поцелуи… и вообще, такое впечатление, что перед «поцеловать» он пропустил «как минимум». А вот интересно, если я сейчас спрошу, спал ли он когда-нибудь с землянками – это будет сильно некстати по этим их правилам?

– И почему же не целуете? – прошептала, с трудом узнавая свой собственный голос, и чувствуя, как начинает кружиться голова. Причём как-то слишком сильно, чтобы это можно было списать на реакцию на слова и близость киару.

– Боюсь напугать, – с подкупающей честностью признался синеглазый.

– Неужели всё так страшно? – продолжила игру, вместо того, чтобы признаться, что мне нехорошо. Вернее, наоборот – хорошо. Но как-то очень непривычно. Например, мне начало казаться, что я не на скамейке, а на качелях…

– Хотите проверить? – спросил он, всё ещё поддерживая наш волнительно-странный разговор, но, кажется, уже понимая, что со мной что-то не так. По крайней мере, взгляд из манящего стал обеспокоенным.

– Хочу, – подумала я, и тут сознание окончательно со мной простилось.

Глава 15. Снова на корабле

Первое, что я увидела, придя в себя, был одевающийся киару, уже даже почти полностью одетый – застёгивал куртку. А я сама лежала на кровати, в незнакомой мне комнате – его? – и чувствовала себя странно уставшей. И ещё очень затекли руки, почему-то я лежала, закинув их наверх, и никак не получалось опустить. Несколько секунд я тупо повторяла попытки, и только потом до меня дошло – я привязана. Привязана?! Скользнула по себе взглядом – одежда в беспорядке, кое-где даже порвана. Какого?..

– Мария, – радостно направился ко мне инопланетянин и потянулся освободить руки. – Как Вы себя чувствуете?

– Вы… – сказала я, садясь. – Вы!.. Я Вам верила! Я Вас… уважала! А…

– Стойте! – вдруг велел мне ни капельки не пристыженный и совершенно не раскаивающийся киару. И даже палец к моим губам приложил – я щёлкнула зубами, но кусать пока не стала. – Пять минут, и потом продолжите рассказывать, какой я негодяй.

И сунул мне в руки планшет с каким-то видео. На видео были я и киару, мы мирно беседовали на той самой скамейке, я болтала ногами и бросала взгляды на собеседника, кажется, порядком его развлекая. Вот он оказался близко, и я примерно сейчас потеряю сознание, зачем мне это смотреть? Но тут меня поджидал сюрприз: в тот момент, когда по моим воспоминаниям и представлениям я должна была безвольно обмякнуть, на видео я наоборот как-то приободрилась. Мне даже показалось, что мои глаза сверкнули золотым, а дальше я набросилась на киару с домогательствами. И даже попыталась сорвать одежду сначала с себя, потом с него! К чести инопланетянина надо сказать, что моментом он не воспользовался, по крайней мере, там, в саду. То ли потому что понял, что я не в себе, то ли был в принципе не готов к такому быстрому развитию событий, а может, просто не хотел делать это в саду под камерами?

Я молча перевела взгляд на киару. Удивительно, но мне не было неловко, мне было страшно.

– Что это? – тихо спросила я. Признавать себя невменяемой очень не хотелось. – Это этот Ваш вирус, да? – и да, эти истерические нотки в голосе – мои. Одно дело – просто падать в обморок и лежать безвольным тихим кулёчком, а совсем другое – когда в этом время моё тело творит неизвестно

что! Первое я ещё могла бы пережить, второе же меня пугало до дрожи.

– Мария, – мягко сказал киару, присаживаясь рядом. – Через полчаса вылет. Мне надо ещё кое-что сделать, я могу оставить Вас одну?

– Не знаю, – честно ответила я, хотя ещё недавно ответила бы, что да, конечно.

– Не думаю, что этот… приступ повторится в ближайшее время, – задумчиво сообщил киару. – Может быть, вообще никогда не повторится.

Я бросила на него мрачный взгляд. Нет, я понимаю, что он ни в чём особо не виноват, ну разве что в том, что умыкнул обманом с Земли, но состояние страха и беспомощности провоцировало раздражение и злость на всех вокруг. Мог бы, – подумала я, – и как-то понадёжнее успокоить. Даже и соврать. Преувеличить. Пообещать точно, что не повторится, и плевать на этот их принцип полной и достоверной информации. И вообще…

– Вы сопротивлялись! – обиженно сообщила я ему, оформив, наконец, в слова своё недовольство и раздражение. Да, обвинить его в этом было нелогично, но обвинить в том, что он мне не соврал – кажется, ещё хуже и глупее. А если человеку позарез нужно к кому-то придраться, то сойдёт и так.

– Что? – переспросил Айрдан-ниа-Ши.

– Вы сопротивлялись! – повторила я уже увереннее. И киару просто сбежал. Неясно только, тряслись его плечи от страха или от смеха.

После огромных комнат с дикой мебелью, непривычно громадных коридоров и странных садов корабль мне показался почти родным домом. Да и времени на нём мы провели куда больше всё-таки – дорога на эту планету заняла около недели, а пробыла я там всего-то меньше суток, хоть и довольно насыщенных событиями.

Киару по какой-то причине расщедрился, и у меня был допуск почти по всему кораблю, и теперь я стояла в небольшом помещении, которое сама для себя окрестила смотровой площадкой, наблюдая, как удаляется планета. А вместе с ней мои соотечественники и Никита. Естественно, я так и не нашла времени выполнить просьбу Анжелины и переговорить с ним, хотя мне и самой неожиданно этого захотелось. При мысли о бывшем возлюбленном – как странно применять к нему слово «бывший», но, кажется, это действительно так, ведь жизнь уже шагнула дальше и я вместе с ней… при мысли о нём я ощущала какую-то незавершённость. Мне хотелось словно бы оправдаться, в первую очередь даже в своих собственных глазах, донести до всего мира, что не очень-то и хотелось мне

уже то, что получить не удалось. Глупо.

Айрдан велел мне прийти в медотсек, как только взлетим, но я медлила, потому что отчаянно трусила, боялась услышать, что вызванная вирусом мутация прогрессирует, что, не дай Бог, мне недолго осталось, или – что бы там ни говорил киару – что я чаще и чаще начну терять себя в таких вот припадках, стану опасной и меня либо пристрелят, либо изолируют… Планета давно уже осталась позади, стремительно уменьшаясь, и смотреть уже толком было не на что, а я всё стояла.

– Мария, – вдруг произнёс кто-то рядом, и я, вздрогнув, перевела взгляд на Наарри. – А я жду Вас в медотсеке, – укоризненно добавил он.

– Да-да, иду, – закивала я с энтузиазмом, которого не испытывала. И чтобы ещё немного потянуть время спросила. – А расскажите о своей семье?

Слово «семья» или что-то очень похожее в их языке присутствовало, и это противоречие: семья есть, жены нет, меня интриговало. Идея спросить у Наарри казалась мне хорошей – вряд ли он будет дразнить меня что-то скрывая, как киару. Однако этот инопланетянин отреагировал ещё более странно. Напряжённым молчанием, и когда я повернулась взглянуть на него, увидела, что он как-то даже немного покраснел.

– Простите, Мария Романова, – наконец, выдал он возмущённо. – Но я вынужден Вам отказать!

И вид почти оскорблённый принял, словно бы я ему что-то неподобающее предложила. Раздеться там, или ещё что…

Ладно, спрошу потом у Айрдана. Он-то о своей семье, по крайней мере, о детях, вполне нормально рассказывал. И вообще, производит впечатление адекватного почти человека, в отличие от некоторых, – не удержавшись, мстительно подумала я, следуя за Наарри в медотсек. Нет, я догадываюсь, что дело, наверное, в разнице менталитетов, традиций и понятий, но мог бы и поспокойнее реагировать. А то прямо такое впечатление, что я не киару, а этого вот шуганного инопланетянина домогалась…

Наарри избегал теперь лишний раз на меня взглянуть, не то что заговорить. Вот чудной, честное слово. И даже на медкапсулу показал мне жестом. И после того, как я оттуда вылезла, тоже ничего не сказал. В итоге, хоть я ничего плохого не имела в виду и за собой, соответственно, не признавала, мне жутко захотелось извиниться, но я удержалась – лучше сначала выясню у киару, что это за цирк.

– Вы не подскажете, где сейчас киару? – всё же рискнула спросить у Наарри, получив в ответ лишь судорожное пожимание плечами. Усилием

воли запретила себе обижаться, и вертеть пальцем у виска, показывая, что я думаю о таком поведении, тоже не стала.

Просто отправилась в каюту к киару, которая немало меня удивила – гостеприимно передо мной распахнулась, словно моя собственная, хотя самого Айрдана там не было. Если он не прятался в шкафу, разумеется – по шкафам я шарить не стала, а вот в ванную комнату заглянула – благо дверь была открыта. Никого.

И что же это значит? Попробовала выйти – дверь снова услужливо открылась, не в пример моему предыдущему посещению. С трудом поборола желание поэкспериментировать и попробовать войти в соседнюю каюту, не знаю, кому она принадлежит, но не входить же просто для того, чтобы убедиться, что это глобальный сбой на всём корабле, вызванный, вероятно, моей мутацией от этого их вируса, или просто какой-нибудь звёздной радиацией. Ведь не мог же киару целенаправленно открыть мне доступ в свою каюту? Не мог. Вот. Я и говорю – сбой. Но, тем не менее, ждать под дверью всё же не буду – в кресле куда комфортнее.

Хозяин каюты не заставил себя долго ждать… и ничуть не удивился моему присутствию. У него тут тоже камеры что ли?

– Мария? – вопросительный взгляд и два шага от двери ко мне. А нет, не ко мне. К шкафу. Достаёт оттуда какие-то бумажки и делает шаг теперь уже точно ко мне.

– Айрдан? – невольно отзеркалила я.

– Возьмите, – протягивает листы, – Вы можете их оставить себе.

Мои наброски… честно говоря, я уже и думать о них забыла, была уверена, что киару их сжёг. Или съел. В общем, уничтожил самым тщательным образом. Ан нет.

– Что сказал Наарри? – спросил Айрдан, когда я молча забрала у него рисунки и задумчиво на них уставилась. Всё же хорошо у меня тогда получилось. Очень похоже и как-то очень характерно. Редко когда так получается. По крайней мере, у меня.

– Ничего, – вздохнула, откладывая листы, и решила признаться сразу. – Я спросила его о семье, и он теперь со мной вообще не разговаривает.

Я пристально следила за реакцией собеседника, ибо успела уже проникнуться предполагаемой серьёзностью своего проступка, но киару не ужаснулся, он развеселился.

– Мария Романова, – сказал он, улыбаясь, – это моя вина. – И я мысленно с ним сразу же согласилась, а он продолжил. – Я должен Вам немного рассказать о наших обычаях.

Да-да, – подумала я, еле сдерживаясь, чтобы не закивать. Особенно

про тот, с правами на поцелуи, пожалуйста. А то неясно, это право в одну сторону действует, или мне тоже можно? Нет-нет, ничего такого, просто я за равноправие и отсутствие расовой дискриминации.

– Мы очень трепетно относимся к информации, – сказал киару, присаживаясь почему-то не в кресло напротив, где нас разделял бы хоть небольшой но стол, а на край этого самого стола и оказываясь таким образом слишком близко. – С одной стороны, есть принцип полной информации, в соответствии с которым каждый имеет право знать то, что к нему относится и затрагивает интересы. С другой… всё, что не относится к тебе, спрашивать неприлично. Когда Вы спросили Наарри про семью – полагаю, Вами ведь двигало простое любопытство? – он воспринял это так, что Вы хотите войти в эту самую семью, ведь иначе Вам не должно быть до этого никакого дела.

– А когда я спрашивала Вас про детей, Вы решили, что я прошу меня удочерить? – буркнула я, ощущая себя на редкость по-дурацки. В семью этого странного Наарри мне абсолютно точно не хотелось, но всё равно как-то досадно, что он так рьяно против.

– Нет, – улыбнулся киару, в лучших своих традициях порождая ответом лишь больше вопросов. Хотя если отбросить романтические фантазии, то всё довольно понятно – он просто куда лучше осведомлён о различиях в нормах приличия и традициях, вот и всё.

– А про Никиту-то расскажете? – спросила, устремляя взгляд на пустующее кресло напротив. Смотреть на собеседника было слишком волнительно – мне начинало казаться, что я сейчас снова утеряю себя, в самом прямом смысле этого слова.

– Вы правда хотите знать?

И за руку взял. Вот так вот запросто. А я, может быть, против! У меня, может быть, ксенофобия! Обострилась! До такой степени, что хочется встать, дотянуться другой рукой до его серебристых волос… и узнать, наконец, мягкие ли они или жёсткие. И как эти инопланетяне, нет, не все они, а именно этот конкретный инопланетянин целуется, а то угрожал-угрожал, понимаете ли, а сам потом…сопротивлялся.

– Мария? – немного озадаченно спросил киару, я растерянно моргнула, сосредоточилась и подтвердила: да, хочу. – Он сблизился с дочкой… одного влиятельного человека, потом попытался от неё уйти, а девушка восприняла это довольно болезненно, – ничтоже сумняшеся сдал Никитоса инопланетянин.

– Какой ужас, – сказала я, удивляясь, почему на самом деле ничего не ощущаю. Да и что полагается в таких случаях ощущать? Пожалеть

Никиту? Или девушку? На месте девушки я представляла себя очень даже хорошо, да что там «представляла», я ведь была на её месте. Мне, правда, не приходило в голову угрожать ему физической расправой, но теоретически я могу её понять, наверное.

– Мария, – сказал Айрдан, и от его тона внутри что-то сладко сжалось, а сердце снова заторопилось. Главное, Маша, – сказала я себе, – держи себя в руках. Не спугни!

– Айрдан? – почему-то шёпотом, поднимая взгляд и понимая, что он меня сейчас поцелует… может быть, надо встать? Чтобы удобнее. Иначе ему придётся как-то нереально изогнуться… и если их анатомия хоть немного похожа на нашу и это не скафандр, то у него не выйдет…о Боже, вот что за чушь мне лезет в голову!

– Я, кажется, нашёл ключ, – сообщил киару, и я моментально забыла о всяких глупостях.

– Это же хорошо? – неуверенно уточнила, так как тон инопланетянина на торжествующе-победный был не очень-то похож.

– Хорошо, – улыбнулся он. – Но чтобы его забрать, мне нужно лететь практически прямо сейчас.

– И? – спросила я, теряясь в инопланетной логике.

Вообще-то мы и так летим, нет?

– Я рад, что Вы восприняли это именно так, – явно сделал какие-то не те выводы синеглазый, и чёрт меня побери, если он на самом деле был рад. – Через неделю, максимум через две я вернусь. А пока Наарри за Вами присмотрит, про недоразумение и некоторые особенности человеческого менталитета я ему всё объясню.

Оставаться с Наарри мне не хотелось. Вообще вот ни капельки. И, не давая себе шанса подумать – раньше надо было, а теперь уже поздно менять стратегию, выпалила:

– Я с Вами!

Айрдан-ниа-Ши весьма красноречиво приподнял брови, явно обозначая, что такой вариант в принципе не рассматривается и, кажется, собирался мне без всякого смущения отказать, но я ещё не закончила.

– Помните, Вы спрашивали, какую компенсацию я хочу? Я хочу с Вами!

Вот теперь закончила. Попробуй возрази!

Надо отдать киару должное – он попробовал.

– Это неразумно, – неохотно сообщил Айрдан. – Кроме того, что это может быть опасно, Вам в принципе лучше находиться неподалёку от медкапсулы, так как мутация ещё не закончена…

Ага. А то я не поняла ещё, что мои посещения медотсека сводятся лишь к наблюдению за развитием мутации, без всякого вмешательства. И даже не буду поддаваться слабости и спрашивать, неужто тебе, киару, так претит моё общество. Во-первых, вижу, что не претит, а во-вторых… во-вторых я уже всё решила.

Глава 16. Сишшаа

– Итак, каков план? – с энтузиазмом спросила я, пытаясь устроится поудобнее. Увы, затея была обречена на провал – как только я села, кресло зафиксировало меня почти мёртвой хваткой, я могла только дышать, а ёрзать не могла, и, естественно, именно от этого ощущения отчаянно хотелось сменить положение.

– Мне сказали, где именно состоится передача, – задумчиво сообщил киару, также зафиксированный в соседнем кресле. – Но…

Дальше я, признаться честно, немного оглохла, так как на мой совершенно непривычный к перегрузкам организм, ещё и ослабленный вирусом, навалилось, как минимум, несколько «же». Зашумело в ушах, показалось, что кресло решило меня раздавить, и я, кажется, смогла всё-таки что-то пискнуть, потому что неожиданно стало легче.

– Простите, Мария, – немного удивлённо сказал киару. – У меня была информация, что люди нормально выдерживают такое ускорение.

Я ответила ему мрачным взглядом. «Нормально» – понятие растяжимое, как и «люди». Космонавты, например, которые много к чему специально готовятся. Может, это он мне так мстит за то, что пришлось взять с собой? Или намекает, что дальше будет хуже, и давай, мол, по-хорошему просись обратно?

– Так что там насчёт передачи? – переспросила я, упрямо стискивая зубы. – Может быть подставой?

– Да, – коротко обронил киару. И всё. Я ждала, что он добавит что-то типа «поэтому я спрячу Вас в надёжном месте», а я буду горячо возражать, но ничего подобного. И мне, в лучших традициях женской логики, стало обидно. Хочется ведь как? Ты отчаянно лезешь в приключения, а он – серый волчище – прыгает вокруг тебя зайчиком, пылинки сдувает, от всего и всех бережёт. А потом ты его как-нибудь почти случайно спасаешь, и вуаля: ты таки героиня, а он весь твой, влюблённый и благодарный… эх.

– Так каков план-то? – упрямо и уже с куда меньшим энтузиазмом снова спросила я.

– По обстоятельствам, – опять не стал откровенничать инопланетянин. Ведь не может же у него и в самом деле не быть плана? И куда же я всё-таки влезла… то есть влипла? – Поспите, – предложил вдруг он, и моё кресло стало отклоняться назад, ослабив хватку. Видимо, нужную скорость уже набрали. – Мы прилетим через двенадцать человеческих часов, и

времени на сон у нас не будет.

– А сколько всего киару у руан? – спросила, послушно зевая.

– Мария Романова, – кажется, я опять его развеселила, – я же не спрашиваю, где у вас, людей, припрятано ядерное оружие и сколько его.

– И так знаете? – пошутила я. Неудачно, да.

– Знаю, – согласился инопланетянин. – Но не спрашиваю же. Спите!

Я закрыла глаза, собираясь поразмыслить о том, кто же такие эти киару, что их количество – большой-большой секрет, но почти сразу заснула, впрочем, ненадолго. Спать в кресле было неудобно, а ещё мне снились всякие странные сны – что я в очередной раз подставляю киару, совершенно этого не желая, причём, плохо выходило в любом случае. Шла я с ним или не шла, пыталась помочь или самоустранялась, чтобы не мешать, всё равно всё в итоге оказывалось ужасно. Так что очень скоро я прекратила всякие попытки спать.

Сбегала умыться – в тесной каморке, едва не облившись целиком из расположенного здесь же душа – всё-таки конструкторы этого кораблика ради скорости и маневренности комфортом пожертвовали очень существенно. Вернувшись, забралась обратно в кресло и уставилась на спящего киару. Он выглядел уставшим. Да, это неудивительно, наверное, но когда он бодрствовал, то всё внимание приковывали к себе глаза, в которых было такое море энергии, что как-то и в голову не приходило, по крайней мере, мне, что Айрдан-ниа-Ши вымотан, что на него давят свои собственные и ещё и мои ошибки, ответственность перед своим народом, а ещё, наверняка, ситуация с Лалирой. Он ведь знаком с ней куда дольше, чем со мной, и каково ему – знать, что она понесёт наказание за то, что пыталась его спасти? И наверняка ведь понимала, на что идёт…

Мне вдруг очень захотелось помочь киару, хоть чем, ну хоть как-нибудь! Просто сделать его жизнь чуточку легче, и пусть со стороны это будет какая-нибудь глупость, а не большое и героическое дело, главное, чтобы ему стало немного лучше.

Одна из моих однокурсниц всегда говорила, что для неё любовь – это когда хочется сварить мужчине макароны. Я пожимала плечами и думала про себя, что она ни черта не понимает в любви – варить макароны Никитосу мне совершенно не хотелось. Может, что-то оригинальное разок приготовить, чтобы он оценил, какая я молодец, а так чтобы регулярно и что-то обыденное – вообще нет. Теперь же, глядя на спящего инопланетянина, я неожиданно ощутила желание просто позаботиться.

Но что я могу? Положа руку на сердце, я даже о себе позаботиться не способна. Смешно и стыдно сказать, что я, квалифицированный

микробиолог, даже ни разу не взглянула на свой собственный анализ крови после вируса, не попыталась изучить сам вирус, не сделала ничего! Лишь прилепилась к киару и жду, пока он сам всё как-нибудь решит – выкрутится и из своих проблем, и из моих, и ещё Вселенную спасёт до кучи. А ведь когда-то мне действительно было интересно, нравилась специальность, да вот ещё не так давно, до того, как в моей жизни случился Никита. Нет, я не говорю, что он виноват, просто круг моих интересов как-то сам собой замкнулся на нём, и места другой страсти просто не осталось. Был момент, когда мне именно это и казалось настоящей любовью, подтверждением силы моего чувства. Теперь же я совершенно в другом свете посмотрела на свою неудавшуюся беседу с психологом – я тогда пришла с просьбой научить меня, как вернуть Никиту, а она спрашивала, что же я сама люблю, чем увлекаюсь, что мне нравится или нравилось, и это меня жутко злило, ибо казалось напрасной тратой времени.

Я покусала губы, чувствуя, как разрастается досада на себя саму. На большом корабле, наверняка, была лаборатория, с настолько хорошим оборудованием, что мне даже и не представить. Вдруг всё решилось бы – вряд ли, конечно, но вдруг? – с одного моего взгляда в какой-нибудь долбаный микроскоп. А здесь нет ничего, естественно, и зла на саму себя не хватает, что так протупила. Может, удастся приобрести какое-нибудь оборудование на планете, куда мы летим? Естественно, за счёт киару. Конечно же, в долг.

Я задумчиво рассматривала своего спящего попутчика, прикидывая в уме так и эдак, почему он фактически сравнил себя с оружием? Это просто намёк на самый большой секрет? Или киару дюже опасен? Но чем? Не взрывается же он, в конце-то концов?

Хотелось прикоснуться. Потрогать-таки волосы, разгладить чуть заметную морщинку между бровями – не знаю, что ему снилось, но он хмурился, скользнуть пальчиками по губам, а ладошкой – по щеке. Я встала из кресла и сделала шаг к нему, уговаривая саму себя, что только посмотрю. И, может, ещё волосок для анализа ДНК утащить? Лучше всего, конечно бы, крови добыть. Чтобы если уж попаду в лабораторию, то с максимальной пользой. Хотя нет, и волосок, наверное, без разрешения нельзя… значит, просто дотронусь, не из научного интереса, просто так.

В последний раз сказала самой себе, что трогать не стоит, и протянула руку. А дальше… не поняла, как это произошло, даже не заметила ничего предвещавшего, просто в какой-то момент, а именно – в десяти сантиметрах от вожделенных серебристых волос, моя рука оказалась в

тисках. От неожиданности я пискнула, переводя взгляд на лицо киару.

– Мария? – спросил он, продолжая удерживать моё запястье, но уже не в пример аккуратнее. – Что случилось?

– Н-ничего, – немного нервно произнесла я, не признаваться же, что просто очень захотелось потрогать? И, отчасти чтобы не потерять решимость, а отчасти чтобы отвлечь, добавила. – У меня нет никаких претензий к Лалире. Абсолютно никаких. Я обещала ей подумать и подумала, и даю своё согласие на… эксперимент.

Он молча на меня смотрел, как-то даже слегка прищурившись, и уверенность в том, что идея – блестящая, таяла, таяла и таяла. И когда от неё уже совсем ничего не осталось, а меня стало накрывать неловкостью и желанием извиниться за очередную свою глупую выходку, он всё же заговорил:

– Зачем Вам это, Мария?

– Я хочу помочь, – честно сообщила я.

– Помочь… – задумчиво повторил синеглазый и вздохнул. – Мария, я благодарен Вам за намерение и за Лалиру, но… а впрочем, ладно.

– Хорошо, – сказала я, чувствуя огромное желание доказать ему, что небезнадёжна. Но доказывать надо, конечно же, делом, а не словами.

– А теперь о планете, на которую мы скоро прибудем, – перешёл на деловой тон киару. – Это одна из худших планет в плане безопасности, и Вам стоило бы остаться на корабле. Если бы Вы задекларировали отсутствие претензий немного раньше, я бы Вас там и оставил, но возвращаться нет времени. Вот наши с Вами документы, – кивнул на экран.

Я с любопытством уставилась туда, и тут же недоумённо повернулась к спутнику. Фото на экране принадлежали явно не людям и не руанам – зеленовато-коричневая кожа с бороздками, жёлтые глаза с крестиками вместо зрачков, да и сами черты лиц были абсолютно других пропорций. Всё, что у нас было общего, это пол. Одно из лиц принадлежало мужчине, другое – женщине. Наверное.

– Как? – спросила я, ожидая, что киару сейчас подставит туда наши фото, но не тут-то было.

– Загримируемся, – отмахнулся он. – Проблема могла бы возникнуть с языком, однако, к счастью, женщины рруггов не имеют права почти ни с кем разговаривать.

Тон был совершенно ровным, но мне показалось, что это синеглазому и в самом деле очень даже нравится то, что мне придётся молчать.

– У Вас будет переводчик, – продолжил Айрдан, – но он будет работать в одну сторону. Двусторонний, имитирующий голос, я Вам дать не могу,

ибо непредсказуемо, как он себя поведёт в тесном контакте с Вами… к сожалению, имитировать речь рруггов человеческое горло не в состоянии, так что даже простые «да» и «нет» Вам будут недоступны. – Он неожиданно улыбнулся. – Будете самой консервативной представительницей их народа.

– Угу, – согласилась я, но, видимо, недостаточно ретиво.

– Мария, это всё очень серьёзно, – счёл своим долгом пояснить киару. – Неосмотрительно сказанное слово может обойтись очень дорого не только нам с Вами и моему народу, но и Вашей планете. Вам не понравится роль, Вам не понравится отношение к Вам, и моё в том числе, но это оптимальная маскировка, поверьте. С хвостом и дополнительной парой конечностей, а то и не одной, Вы не справитесь.

– Вы удивитесь, какая прекрасная инопланетянка из меня получится! – заверила я киару, отчаявшись придумать, как должна называться женщина этих рруггов и заменив обобщённым «инопланетянка». Рружка? Рруггиня? Начинаю верить, что человеческая гортань и язык этих зеленоватых красавцев несовместимы.

Синеглазый киару пару секунд молча на меня смотрел, с совершенно непроницаемым выражением лица, и затем кивнул:

– Хорошо. Тогда начнём. Снимайте обувь и… а хотя можно только обувь.

Я, честно говоря, решила, что это тест на послушание такой, удержалась от едкого комментария и послушно сняла кроссовки. А когда выпрямилась, у моего коварного спутника в руках было что-то очень похожее на автомат, и пока я думала пугаться или нет, он выстрелил в меня. Какой-то липкой гадостью, и лишь потом предупредил:

– Будет немного неприятно. Терпите.

Липкая субстанция расползлась по всему телу, я невольно содрогнулась, когда она полезла на лицо, но стоически терпела. А через минуту всё закончилось, неприятные ощущения почти полностью ушли, и я вопросительно взглянула на инопланетянина. Что это было?

Он молча кивнул на экран, который послушно отобразил рубку корабля, синеглазого киару и… какую-то невероятно фигуристую зелёную инопланетянку. Я невольно опустила взгляд на свою грудь, ставшую громадной, ощупала пятую точку, которая тоже непозволительно увеличилась, и с возмущением уставилась на киару.

– Это, – красноречиво скосила глаза, – было обязательно? Или Вам такая… комплектация приятнее?

– Мария, – развеселился вдруг он, – Ваша оригинальная…

комплектация… прекрасна, но, видите ли, мы с Вами маскируемся под реальных преступников. Так что придётся потерпеть.

Кому именно потерпеть, самому киару или мне, я уточнить не решилась. И насчёт увеличившегося размера ноги тоже возмущаться не стала. Сказано терпеть, попробую терпеть.

– А почему преступники? – всё же не удержалась от вопроса. В моём представлении это преступники как раз прикидываются обычными людьми, а вовсе не наоборот.

– Это, – сказал Айрдан, обмазываясь той же липкой гадостью, – вызывает меньше всего вопросов. К тому же мне точно известно, где сейчас эти двое, и у нас нет шансов с ними пересечься.

Мне предстояло отзываться на имя, которое я даже воспроизвести не могла, но мы с переводчиком почти единогласно переиначили этот набор странных шипяще-свистящих звуков в «Сишшаа», а имя, под которым шифровался Айрдан, уже тоже превратившийся в зелёного человечка, я для себя обозначила как Шиушса. Такое впечатление, что у этих рруггов в алфавите в принципе всего четыре буквы. Ладно, пять. Но всё равно мало.

Пока Айрдан рассказывал правила моего поведения, я, почти не таясь, его рассматривала – надо же запомнить, как он выглядит. А то спутаю ещё с кем-нибудь. Для меня вон и китайцы – все на одно лицо, что уж говорить о каких-то рруггах…

И стоит ли сказать киару, что его оригинальная комплектация мне тоже нравилась куда больше? В нынешнем виде он был похож на потерявшего всякое чувство меры бодибилдера. Неудивительно, что его одежда трещит по швам.

– Надеюсь, это не навсегда? – спросила я. Не столько и в самом деле этого опасаясь, сколько мечтая заполучить и сохранить хоть немного этого невероятного вещества, этой биомассы, способной творить такие превращения.

– Нет, эффект временный. Пять дней. Потом осыпается, но нам должно и двух, максимум трёх хватить.

– А каков всё-таки план-то? – спросила я, ощущая себя попугаем и невольно протягивая руку, чтобы пощупать раздувшийся бицепс своего спутника. Наощупь как настоящий. Только вот киару как-то странно теперь на меня смотрит и молчит. – Простите, – на всякий случай добавила я, опять начиная смущаться. Беда с этим синеглазым, что ни разговор – сплошные волнения…

– За что? – чуть приподнял брови – знакомая мимика на незнакомом лице заставляла сомневаться в своей адекватности. Вроде бы передо мной

на редкость неприятный зелёный тип, а всё равно видится за ним притягательный образ киару.

– Итак, план? – снова напомнила я. Ещё чего не хватало – пуститься в обсуждение моих желаний и порывов прикоснуться к одному инопланетянину. А лёгкая и чуть самодовольная улыбка на лице этого самого инопланетянина мне наверняка почудилась. Может, она вообще к плану относится.

– Планета почти полностью поделена между кланами, – стал рассказывать он, – и нам лучше не встречаться ни с кем из них, чтобы не наткнуться случайно на какого-нибудь особо близкого друга или рьяного врага наших… прообразов. Соответственно, космодромы нам для посадки не подходят, но просто приземлиться где-то в поле мы не можем – это привлечёт слишком много внимания и вызовет шквал подозрений и вопросов.

– Поэтому? – подсказала я, так как он замолчал, что-то просматривая в своём планшете. От того, что перестал смотреть на меня, было немного радостно – ибо спокойнее, и почему-то весьма досадно. И надо бы как-то браться за ум и перестать вести себя как озабоченная школьница – ах, он на меня посмотрел! Ох, он на меня не посмотрел! – но что-то не выходит.

– Поэтому мы имитируем крушение, – сообщил Айрдан, снова поднимая на меня взгляд. Ах, – сказало моё сердце. Непонятно только, это из-за взгляда или из-за крушения.

– Ой, – сказала я сама. – Крушение?

– Имитируем, – жизнерадостно подтвердил инопланетянин. И послал мне обворожительную улыбку, которая, впрочем, выглядела страшновато с тремя рядами зубов. – Не бойтесь, Мария, это как раз самая безопасная часть нашего плана!

– Умеете Вы приободрить, – улыбнулась в ответ, полагаю, не менее ужасно, надо бы рассмотреть себя в зеркале поподробнее. Парадоксальным образом, однако, успокоилась и даже ощутила некий драйв от предстоящей авантюры. Видимо, настроение киару оказалось заразительным. Особенно потому что в тот момент я ещё не представляла деталей этой вот имитации крушения…

Почему-то я думала, что мы просто совершим жёсткую посадку, и никак не предполагала катапультирование на высоте нескольких километров и свободное падение. Момент, когда киару, выполнив пару мёртвых петель, как мне показалось, нажал какую-то кнопку – кажется, единственный «физический» элемент управления, стал для меня полной неожиданностью. Меня вдруг обволокло какой-то прозрачной капсулой,

вместе с креслом, а потом потолок рванулся ко мне, я испуганно зажмурилась, и, когда открыла глаза, было уже небо. Я даже успела отметить большое количество звёзд, но тут же про всё позабыла – важным стало только то, что я падаю. Даже местонахождение киару меня совершенно не интересовало, мысли занимал один вопрос: как, чёрт возьми, как и когда мы будем тормозить?! Мы – это я и капсула. Я никогда не прыгала с парашютом, но знаю, что есть высота, до которой обязательно надо раскрыть этот самый парашют, иначе – всё. Конец. И эта высота, по-моему, давно уже прошла. А вдруг у меня бракованная капсула? Или киару забыл мне сказать, что надо что-то сделать? Или моя мутация помешала капсуле сработать нормально? И я уже буквально через несколько секунд встречусь с недружелюбной поверхностью планеты, и, наверное, мне надо думать о чём-то другом, о возвышенном или приятном, о семье или друзьях, ошибках или победах, но никак не о том, что киару – синеглазая сволочь, и я, чёрт возьми, умру, так и не узнав, как он целуется.

До земли метров сто… мне однозначно конец. Ни корабля, ни киару нигде не видно. Может, он вообще только меня катапультировал? Но зачем? За что?

Капсулу немного тряхнуло, и движение стало замедляться. Зря я на неё грешила – всё сработало идеально, я даже почти не почувствовала сам момент касания земли, просто движение совсем прекратилось и защитный слой исчез.

Я продолжала сидеть, сжимая подлокотники, не уверена, что смогу их вообще когда-то отпустить, а в голове у меня было пусто. Наверное, я поседела, – пробежала одинокая мысль.

– Мария, Вы в порядке?

Я невольно вздрогнула при виде зеленоватого лица, склонившегося надо мной. Всё-таки не привыкла я ещё к такому его виду.

– Киару Айрдан, – начала я, но слов пока ещё не было, и вообще, меня трясло, я почти заикалась. – Вы… Вы… Ненавижу!

– Вижу, что в порядке, – невозмутимо отозвался мини-халк, извлекая меня из кресла. – И начинайте уже молчать, ладно?

Я на всякий случай огляделась – никого, и даже более того – ничего: мы одни посреди какой-то пыльной грязно-серой равнины, а значит можно ещё кое-что сказать. И крепко-крепко обняв своего зелёного спутника за шею, я зашипела ему в ухо:

– Могли бы предупредить!

– Я предупредил, – без всякого раскаяния отозвался он. – Имитация крушения, помните?

– Помню, – закивала я, и не думая отпускать свою жертву. Исключительно в целях конспирации, естественно. И ещё, потому что ноги до сих пор дрожали и подгибались. – Но Вы забыли упомянуть катапультирование!

– А Вы хотели отправиться под воду вместе с кораблём? – спросил Айрдан, вздыхая… и неожиданно тоже крепко меня обнимая. Очень крепко.

– Под воду? – спросила я уже спокойнее.

– Под воду, – невозмутимо подтвердил он. – Вы же не думаете, что я и в самом деле угробил корабль? Я рассчитываю в скором времени вернуться обратно, и для этого он мне понадобится!

– Вам? – не удержалась я. Это хорошо, что киару планирует вернуться и то, что ему понадобится корабль, но лучше бы он планировал, что вернёмся мы и корабль понадобится нам. Я ведь совершенно не хочу оставаться на этой планете, особенно в одиночестве. И погибать, естественно, тоже не хочу и не планирую.

Знаю-знаю-знаю, сама виновата, что увязалась за ним, но вдруг я смогу ему и в самом деле помочь? И в любом случае это не повод оставлять меня здесь…

– Нам, – вздохнул киару. – Можете уже меня отпустить?

Мне стало обидно. В конце-то концов, он не один раз демонстрировал симпатию в отношении меня, а теперь вот, когда мне нужна поддержка, «отпусти»? Я молча убрала руки, подавив желание сомкнуть их не вокруг зеленоватой шеи, а непосредственно на ней – всё равно без толку, лишь посмеётся, а то и скажет что-нибудь этакое, от чего станет ещё обиднее. Наверное, так надо для дела, – сказала я себе. Не время капризничать, и вообще, главное – выжить, а как относится к тебе этот мутный инопланетянин – дело десятое. Да и как он может относиться? Ну, если перестать выдавать желаемое за действительное. Жён у них, видите ли, нет в принципе, так что, скорее всего, он просто испытывает, а может уже надо говорить «испытывал», некоторую тягу к экзотике. Землянок-то у него, наверное, ещё не было? Хотя… спросить что ли?

Сам киару меня отпустил буквально через секунду после того, как я убрала руки, просто убедившись, что я не валюсь с ног, и теперь мы шли в каком-то одному ему ведомом направлении. Шли довольно быстро и, конечно же, молча. Поэтому язык у меня чесался уже почти физически – задать так некстати пришедший в голову вопрос.

Нет-нет-нет, Маша, ты сошла с ума. А вдруг это оскорбительно? Вспомни, как Наарри отреагировал на вопрос о семье…

– Всё хорошо? – спросил вдруг Айрдан, хотя нет, судя по тому, что спросил он на жутком языке рруггов, стоит его и про себя уже называть Шиушсой.

– Можно личный вопрос? – спросила я шёпотом. Видимо, чтобы компенсировать не тот язык.

– Насколько личный? – поинтересовался Айрдан, переходя тоже на нормальный человеческий.

– Очень, – призналась я, гадая, виден ли румянец через маскировку, и если да, то насколько ужасно это смотрится – розовое на зелёном.

– Давайте, – неожиданно легко согласился инопланетянин, даже без всяких оговорок типа «спроси, но ответить не обещаю». Хотя это, наверное, и так подразумевается.

– А у Вас было когда-нибудь с землянками? – Выдала и задумалась, может быть, стоит уточнить, что это не предложение?

– Что было? – традиционно не понял он вопрос. Хотя, может, это я настолько озабоченная, что слово «было» для меня в данном контексте абсолютно однозначно?

– Секс, – всё же уточнила я и теперь уже совершенно точно покраснела.

Айрдан остановился, внимательно на меня посмотрел, отчего запылали уже не только щёки, но и уши, чуть улыбнулся и…

– Да.

– Да?! – от неожиданности переспросила я, хорошо ещё удержалась от вопроса «сколько». Потому что вообще-то я ожидала, что нет. Вопрос «а зачем Вам тогда я?» тоже удалось придержать. Но совсем промолчать, увы, не вышло. – И как? – спросила я, приходя в ужас от собственной бесцеремонности. Сейчас он спросит, с какой целью интересуюсь, и что отвечать? Во имя науки?

– Вам показать как? – то ли спросил, то ли предложил совершенно не смутившийся собеседник, и я поняла, что сейчас провалюсь сквозь землю или, как минимум, голову спрячу, как какой-нибудь страус. И что самое ужасное – он, кажется, действительно ждёт ответа. И какой-то демон толкает меня в бок, тянет за язык и вообще всячески провоцирует сказать «да», просто чтобы посмотреть, как далеко инопланетянин зайдёт в этом своём блефе. Он ведь блефует? И всё-таки интересно, сколько их было?

– А Вы всем показываете, кто спрашивает? – надеюсь, это прозвучало не так обидно, как мне кажется.

– Нет. Не всем. А Вы у всех спрашиваете?

– Нет, не у всех, – призналась я и замолчала, совершенно не

представляя, что говорить дальше. Рассматривать ли это как признание с наших сторон, что мы друг для друга всё-таки особенные? Или наоборот, я только что всё испортила, обозначив свой интерес исключительно к физической стороне отношений? Но не заявлять же теперь, что секс без обязательств – совершенно не моё? Это будет совсем уж слишком, потому что мне ничего пока и не предложили. По крайней мере, прямым текстом.

– Мария, давайте вернёмся к этой теме, когда добудем ключ? – на редкость миролюбиво предложил киару. – А сейчас нам действительно надо идти. И чтобы не попасть в пылевую бурю, и время поджимает.

– Пойдёмте, – послушно согласилась я. И не удержалась, добавила. – И можем вообще к этой теме не возвращаться. Мне просто интересно было…

– А я хотел бы вернуться, – не стал мелочиться и сдавать назад он. И как-то так это всё сказал, что мне и нынешний его, весьма страшный облик показался очень даже привлекательным.

Глава 17. Какой же праздник без драки?

Пока киару выкапывал из песка нечто наподобие летающего мотоцикла, я вовсю глазела на закаторассвет. Или рассветозакат, как посмотреть. Нет, это не потому, что Айрдан делал это так уж долго, просто на данной планете было два солнца. И когда заходило одно, поднималось другое. Получается, у них ночи как таковой и нет.

Теперь мне стало понятнее выражение «общепринятое время сна», встречавшееся в информации о планете. Про два солнца там тоже наверняка было, но астрономическую лабуду я пропустила, как несущественную. Нет, я не спорю, что это всё очень интересно, но я была весьма ограничена во времени, да и запомнить мне и так много всего надо было.

Сишшаа, кстати, приходилась Шиушсе, или как там правильно склонять это странное имя, вовсе не женой и даже не подругой, а какой-то отдалённой родственницей. Хорошо ещё не матерью, но я бы предпочла всё-таки притворяться женой, а не седьмой водой на киселе, которая неизвестно зачем таскается за парнем по всей вселенной…

Интересно, как киару нашёл место, где закопан транспорт, и откуда этот самый транспорт там вообще взялся? Хотелось спросить, но я задалась целью доказать своему спутнику, что молчать очень даже могу. Особенно после того, как он прямо меня об этом попросил. И даже выдал некоторое устройство, на котором я могла набрать что-то, если мне приспичит это сообщить ему немедленно. Вопрос о мотоцикле, кажется, под срочные не подпадал.

– Садись, – вдруг сообщил переводчик мне в ухо, и я невольно вздрогнула. Это почти как голоса в голове, а главное, я уже привыкла, что Айрдан ко мне «на Вы». Покорно села позади, обхватывая его руками, ибо держаться больше было не за что, и стараясь не очень волноваться из-за этого. И в принципе не волноваться.

– Пищи, если будет плохо, – буркнул переводчик, и я украдкой вздохнула. Всё-таки обычная манера обращения киару ко мне нравилась мне куда больше. Как-то она была уважительнее, что ли. Нежнее.

Вскоре серая равнина сменилась какими-то бордовыми кустами, затем началась вода, много воды, наверное, это то самое море, где Айрдан утопил, в смысле спрятал, корабль, а ещё через какое-то время вдали показался какой-то город, и киару… ой, надо заканчивать так его называть

даже мысленно… Шиушса снизился почти к самой земле, а потом и вовсе остановился.

– Здесь, – сказал он. – Ход в город.

Ход оказался подземным и… охраняемым. Впрочем, охрана – два странных типа, высоких и невероятно худых, похожих на нескладных серых кузнечиков, охотно приняли от моего спутника какой-то небольшой свёрток, и пропустили нас внутрь.

Серый же безликий коридор с давящим низким потолком, заканчивающийся разнокалиберными ступеньками, и вот мы уже выныриваем в каком-то притоне, где звучит местная музыка, от которой мне лично хочется упасть на пол и свернуться калачиком, зажимая уши, а по углам жмутся какие-то странные формы жизни… Я потерянно остановилась, утратив всякую ориентацию в пространстве, и мой спутник взял меня за руку, уводя прочь – к лифту, который вынес нас на поверхность.

Так же за руку и молча – чёрт побери, молча! – мы прошли ещё около двадцати минут и подошли к невзрачному зданию, не знаю, как киару вообще его выбрал или отыскал, на мой взгляд, мы прошли уже несколько десятков точно таких же. Город в принципе показался мне странно маленьким, низким и пустым, но это лишь пока я не узнала, что все здания имеют минимум пять подземных этажей. Это своего рода традиция, в то же время имеющая и прикладной смысл: защита от прослушек, сложнее штурмовать, и даже нападение с воздуха не причинит почти никакого вреда.

Тут я едва не прокололась – попавшийся нам навстречу при входе в здание ррругг поздоровался, и я чуть было не ответила ему тем же, на автомате, всё-таки правила вежливости за двадцать лет изрядно въелись в подкорку. К счастью, я всё же удержалась, хотя мой взгляд он, наверняка, расценил как нескромный.

Мы спустились на пару этажей вниз – хорошо, что из всех фобий у меня была только «ксено», ну и ещё боязнь летать, и то они, кажется, уже обе прошли, – под землёй я чувствовала себя сносно, особенно если не заострять внимание на отсутствии окон и естественного освещения. Из лифта налево, ещё раз налево, и мы упираемся в металлическую дверь с кодовым замком, на котором киару не задумываясь набирает какой-то длиннющий код – не менее двадцати цифр, честное слово, а дальше я просто сбилась со счёта, и мы попадаем внутрь… обычной квартиры. Ну, вот разве что с экранами и картинками вместо окон, а так можно даже предположить, что это квартира на земле, просто принадлежит какому-то

экстравагантному богачу, с полным отсутствием вкуса и чистоплотности. Иначе объяснить оранжевые стены с зелёными ромбиками и замусоленную мебель я не могу. Хотя, может, последнее – это особый модный шик? Что я, в конце-то концов, понимаю в современной инопланетной моде?

Я сидела на полу – он тут тёплый, и выглядел куда более чистым, чем мебель, и задумчиво принюхивалась к батончику из упаковки, выданной мне киару, гадая, можно ли его есть. И чем же он всё-таки пахнет. Из чего сделан – даже и не хочу знать. Конечно, вряд ли бы Айрдан стал давать мне что-то ядовитое, но с другой стороны, достаточно вспомнить перегрузку, когда мы улетали с большого корабля, и сразу начинаешь сомневаться – вдруг ему сказали, что люди переносят вот это вот, но не уточнили, что опять же не все и с трудом.

И вот когда я уже почти что решилась откусить маленький кусочек и попробовать – урчащий желудок недвусмысленно требовал еды, в этот момент запищал замок входной двери, и я поняла, что она вот-вот откроется. И, естественно, моментально впала в панику – ничего хорошего ждать не приходилось, значит, надо спрятаться, куда-то, где безопасно, а безопаснее всего где? Именно! Рядом с киару. А где у нас киару? Киару был в душе, точнее, в «кабине для очищения», как это называл мой переводчик, но суть была примерно такая же, как у душевой кабинки, разве что она не располагалась внутри ванной комнаты, как это принято у нас, а дверь из жилой комнаты вела прямо в душ. Туда я и вломилась, если честно, даже и в голову не пришло постучать – как-то не до формальностей было.

– Мария? – тихо спросил киару, и не подумав смутиться. Он даже не то чтобы сильно удивился. То ли такое прекрасное самообладание, то ли к нему регулярно женщины вламываются… ну или он уже понял, что от меня можно ожидать всего.

– Кто-то пришёл! – страшным шёпотом сообщила я, чувствуя как прилипает к телу разом намокшая одежда, и не зная, куда девать взгляд. Он так и норовил скользнуть куда-то не туда, я себя ругала – не время вообще об этом думать, но не очень-то помогало. А с другой стороны – я ж только посмотрю?

– Нет, – покачал головой мой вынужденный сосед по водным процедурам, на пару секунд прикрыл глаза и снова повторил, открывая, – нет. Вероятно, Вам показалось, Мария.

Я онемела. И даже грешным делом подумала, что лучше бы и правда кто пришёл, тогда у меня ещё был бы шанс остаться в живых, теперь же я точно скончаюсь прямо тут от стыда и неловкости.

– Замок пищал, – всё-таки выдавила из себя. Какие-то тесные у них эти кабинки для очищения, приходится стоять слишком близко к мокрому и голому киару… впрочем, можно ли считать кого-то голым, если на нём присутствует биомасса в маскировочных целях?

– Вы хотите, чтобы я посмотрел прямо сейчас? – доброжелательно спросил Айрдан и почему-то вздохнул.

– Нет, не обязательно, – вздохнула я в ответ, понимая, что надо бы как-то извиниться и выметаться. – Я пойду. Простите.

– Оставайтесь… если Вам так спокойнее, – предложил он. Издевается, я почти уверена. Мне не спокойнее. Мне наоборот очень даже волнительно. Особенно когда он так непонятно смотрит и добавляет так, что у меня внутри всё переворачивается. – Я буду даже рад.

Ага. Интересно, чему? – подумала я и… осталась. Вспомнились мне всякие шпионско-детективные истории, где разговоры полагалось вести в ванной комнате под шум воды, а у меня куча вопросов. И учитывая, что в квартире он разговаривал со мной очень скупо и на этом жутком наборе шипяще-свистящих звуков, а здесь назвал Марией…

– Что это за место? – спросила я, стараясь как-то вжаться в угол между стенкой и дверью и оставить побольше пространства самому киару. Спасать одежду, уворачиваясь от воды, в любом случае было уже поздно – если я сейчас выйду, с меня будет капать и даже течь.

– Квартира принадлежит Шиушсе, – пояснил он, подставляя лицо под струи воды и зажмуриваясь. – Вам там не холодно?

– А долго нам тут надо быть? – на вопрос я решила не отвечать, так как ещё не поняла, насколько мне неуютно в мокрой одежде. Вроде пока терпимо. А вот в квартире совершенно не нравится, даже неприятно, но теперь надо будет ждать, пока высохнет одежда. Потому что ничего, находящегося тут, в этом клоповнике, я не надену, ибо такое ощущение, что даже биомасса меня не спасёт от какого-нибудь неведомого лишая. Видимо, моя ксенофобия успокоилась только в отношении киару.

– Часа два, может, три.

– А потом? – спросила я и как-то жалобно чихнула.

– Потом, – сказал Айрдан-ниа-Ши, вдруг затягивая меня под тёплую воду, – мы пойдём на местный… праздник. – Не бойтесь, Мария, я Вас не съем.

– Угу, – сказала я, разом растеряв все вопросы и слова, и упираясь руками в грудь собеседника, сама не зная – то ли чтобы сохранить какую-то дистанцию, то ли просто чтобы потрогать. Биомассу.

– А на празднике, – вдруг продолжил рассказывать киару, не

дожидаясь следующего вопроса, – мы найдём ключ, заберём его и отправимся обратно к кораблю. Как Вам план?

– Прекрасный план, – согласилась я. Вообще, в данный момент я, кажется, на что угодно согласилась бы – голос Айрдана завораживал, то ли интонацией – словно сказку рассказывает, то ли близостью – где-то над ухом. – А что за праздник-то?

Интересно, а можно эти два-три часа так и простоять? Не удержавшись, поковыряла пальчиком зелёно-серую маскировку на груди киару – не снимается…

– Вам не понравится, – вздохнул инопланетянин. – Но оставить здесь я Вас не могу. Не будет времени возвращаться.

Мне действительно не понравилось. Я вообще не сторонник насилия, а здесь гвоздём программы были драки, без всяких правил и, кажется, без пощады. Причём вызвать можно было кого угодно, а отказаться – практически нереально. Нет, никто не убивал отказавшегося, во всяком случае, сразу, но в местной иерархии он опускался на самое дно. Согласиться и проиграть было куда почётнее – ты, по крайней мере, менялся местами с победителем, а не просто «падал» на самое дно. Хотя толку от этого социального статуса, если тебя могли и убить?

Я семенила рядом с киару в непривычной одежде и старалась не очень откровенно глазеть по сторонам. Одежда, к счастью, была новая – ура покупкам с доставкой и киару, который об этом подумал, пока я принимала душ, уже, увы, в одиночестве.

Наш прекрасный план осложнялся тем, что киару не мог распознать ключ, но уверял, что узнает тех, кто его заказал. Так что нам важно было не пропустить момент передачи, потому что потом заказчики, наверняка, поторопятся покинуть это сборище. По крайней мере, я бы на их месте так и сделала. Непонятно только, как Айрдан собирается в этой толпе кого-то отыскать. Разве что у заказчиков уж очень примечательная внешность или они близко знакомы, но всё равно – сложно, ибо гуманоидов набилось много, а освещение так себе. А ещё все галдят, в воздухе витают какие-то отвратительные запахи, и периодически слышится та самая местная музыка.

Единственный позитивный момент во всё этом – Айрдан держал меня за руку, и это придавало мне спокойствия, сил и какого-то непонятного то ли оптимизма, то ли драйва. И я как-то даже осмелела настолько, что периодически утыкалась ему в плечо, когда на своеобразном ринге становилось уж очень жёстко.

– Не смотри, – предложил мне киару ещё в самом начале, и я тогда покорно кивнула, но, видимо, невозможно не смотреть туда, куда смотрят все вокруг, так что я нет-нет, да бросала взгляды.

Там как раз закончился очередной поединок и участники расползлись в разные стороны – идти нормально никто из них не мог. А на «ринг» вышел какой-то особо крупный и мускулистый ррругг – киару со своей маскировкой и рядом не стоял, обвёл тяжёлым взглядом зрителей и остановился, в упор глядя на меня.

– Шиушса асси Ссайа! – послушно вторил раздавшемуся полурёву-полушипению переводчик в моём ухе. Я инстинктивно крепче вцепилась в своего спутника, понимая, что у нас огромные неприятности и совершенно не представляя, что делать и как помочь. Можно, конечно, наплевать на положение в местной иерархии настоящего Шиушсы и отказаться, но, видимо, киару решил, что это вызовет слишком много вопросов. Или же его накрыло общее безумие. А может, руане вообще драчуны по своей природе…

Так или иначе, но лже-Шиушса и в самом деле собрался на ринг. Аккуратно отцепил мою руку, чуть сжав её и…ушёл. Я смотрела на это, как на страшный сон, и чем ближе подходил киару к своему противнику, тем яснее становилось, что этот противник и в самом деле просто огромен… а ещё он пялился на меня, этот гад, так безапелляционно вмешавшийся в наш план. Надеюсь, они с Сишшой не знакомы? И что мне делать, что делать-то?!

Может, имитировать обморок? Нет, вряд ли это для местных достойная причина, чтобы отложить бой… Крикнуть «пожар»? Ага, на чисто-русском, чего никто не поймёт, или на руанском – может, кто и поймёт, но тогда вместо одного желающего помериться силами с киару, мы получим как минимум десяток желающих его, а заодно и меня, убить – Айрдан недвусмысленно дал понять, что его народ на этой планете совершенно не в почёте. Так что я сжала руки и молча смотрела, разве что инстинктивно зажмурилась, когда противник моего инопланетянина без всякого предупреждения двинул тому по лицу. Интересно, выдержит ли маскировка? И очень жаль, что я не уточнила у киару детально про план отхода – вдруг мне придётся его тащить? Хотя это идиллия и утопия – я не способна тащить кого-то или что-то тяжелее своего веса раза в полтора, а то и больше. Но что-то ведь делать надо?

Когда я решилась вновь посмотреть, бой продолжался, и мой лже-ррругг вовсе не выглядел сильно потрёпанным, по крайней мере, движения его были чёткими и тщательно выверенными, мне даже показалось на

секунду, что это просто какое-то представление для всех присутствующих, а так киару мог бы вырубить вызвавшего его монстра в первое же мгновение. Только показалось. Потому что тут киару пропустил подсечку, и я опять зажмурилась.

Вокруг творилось что-то невообразимое, незаметными мы теперь точно не уйдём. Переводчик путался и переводил мне какие-то вырванные из контекста и перемешанные отрывки, но насколько я поняла, дело даже не столько в том, как протекает бой, уже сам факт вызова всех несказанно удивил. Потому что вызвавший стоял в местной иерархии очень высоко, куда выше несчастного Шиушсы. Я вспомнила взгляд, который ррругг бросил на меня, выходя на ринг, и ещё больше напряглась – не Сишшаа ли причина вызова? Нет, это мне совершенно не льстит, всё это очень-очень плохо, потому что, во-первых, я – не она и понятия не имею, как себя вести с этим… обожателем, а во-вторых, вероятно, он не остановится, даже если проиграет. Скорее, наоборот. Обозлится. А если выиграет… не хочу даже думать.

Как там, кстати, у нас дела? Киару снова был на ногах, и вроде даже без видимых повреждений. А ведь любое повреждение до крови будет означать провал нашей легенды, очень сомневаюсь, что кровь у моего синеглазого инопланетянина такого же цвета, как у этих зелёных и шипящих…

Я вся извелась, пока они дрались, то в испуге зажмуривалась, когда доставалось киару, то наоборот с надеждой привставала на цыпочки, когда казалось, что преимущество на его стороне. И вдруг всё закончилось, я как-то даже не сразу сориентировалась, но зрители разродились воплями, а на ринге остался стоять только один из участников, другой – распластался без движения. К счастью, на ногах остался именно мой инопланетянин, тот, за кого я болела всем сердцем, всей душой и вообще вся, кажется, до крови продавив ногтями свои ладони.

И, видимо, я слишком переволновалась. Когда мой спутник, слегка потрёпанный, но не побеждённый вернулся ко мне, я, забыв про всякую конспирацию и осторожность, правила поведения приличествующие порядочной женщине народа ррругг, свою стеснительность и прочее, бросилась его обнимать и… поцеловала.

Глава 18. Нежданный союзник

В этот раз киару не сопротивлялся. От неожиданности, надо думать. И даже, кажется, ответил, почти сразу, но я успела уже чуть одуматься, расстроиться, отчаяться и смутиться, и подалась назад.

Вот теперь нас точно запомнили все, судя по повисшей тишине вокруг и количеству устремлённых на нас взглядов. Смотреть на до сих пор обнимающего меня киару я боялась – опять ведь всё испортила, подвела, подставила… как водится, не со зла, но что с того? Не зная, куда спрятать взгляд, невольно посмотрела на недавнюю площадку боя. Ррругг уже поднялся и разглядывает нас, очень зло, но как-то по-деловому, словно прикидывает, сколько снарядов в каждого из нас выпустить…

– Какие-то проблемы? – мрачно спросил лже-Шиушса, явно намекая, что готов эти самые проблемы организовать особо любопытным и нетактичным. Странно, но это подействовало – коситься стали вроде меньше, хотя, сдаётся мне, что легенде нашей точно конец.

Я не очень-то представляю, что именно должен был сделать в такой ситуации настоящий ррругг, не говоря уже о настоящем Шиушсе, но это, скорее, дать наглой женщине по лицу, как-то прикрикнуть, в общем, поставить на место. Женщину. А не окружающих.

Мне очень хотелось извиниться перед своим спутником, оправдаться, что ничего такого я не хотела, не думала и не планировала, просто волновалась за него очень… Но не стоит, наверное, окончательно всё портить неподходящим языком… Определённо, не стоит.

Что обо всём этом думает Айрдан, мне понять не удалось – когда я всё же осмелилась бросить быстрый взгляд, лицо его было непроницаемо, а смотрел он куда-то в сторону, и…

– Выйдем, – раздалось как раз с той стороны, и я в ужасе перевела взгляд, сначала влево, а затем сильно наверх. Какой же он огромный! Высокий, широкий и страшный, не желающий смириться с поражением, что, наверняка, грозит нам огромными неприятностями.

– Выйдем, – после небольшой паузы согласился ненастоящий ррругг, и мы двинулись вслед за настоящим – дорогу он прокладывал просто феноменально, кажется, он – действительно большая шишка, или просто репутация у него очень уж ужасная… хотя, наверное, в этом городе, а то и на всей планете, это одно и то же.

Почему-то я думала, что мы отправимся в какой-нибудь потайной

кабинет, комнату для совещаний, ну или что-то типа комнаты для приватных танцев, на худой конец, но мы вышли на улицу, через тот же вход, что и зашли, только теперь там почему-то появилась охрана. Впрочем, останавливать ведущего нас рругга они и не подумали. А интересно, кстати, перешло ли место в иерархии к Шиушсе? Если да, то неплохой ему подарочек сделал киару… или наоборот – плохой. Если он не был сам способен его занять, то и удержать не сможет… хотя какое мне дело, гораздо важнее другое – а куда же мы, собственно, идём?

– Поговорим в катере-машине, – как-то неуверенно сообщил мне переводчик, видимо, затрудняясь с подбором нужного слова. Жаль, нельзя подсказать ему – с моей точки зрения, название «автолёт» вполне бы подошло.

Всю дорогу киару держал меня за руку, и это успокаивало и немного даже подбадривало – может, не так уж и злится? Есть, конечно, ещё вариант, что на мою сознательность он больше не рассчитывает даже в мелочах и поэтому водит за руку как несмышлёного ребёнка, но об этом думать не хотелось. А вот перед автолётом Айрдан руку мою отпустил, и я сразу заволновалась.

– Подожди, – приказал мне на рруггском он, ныряя в летающую машину вслед за её хозяином.

Это мне не понравилось. А как я узнаю, что с ним всё в порядке? Может, я буду тут стоять целый час, а они уже давно друг друга поубивают… Далеко зайти в своих опасениях и инсинуациях я не успела.

– Заходи, – пригласил киару, открывая едва успевшую закрыться дверь.

– Я не желаю вам зла, – сказал настоящий рругг, скосив глаза на упирающийся в висок пистолет, или что-то очень похожее. Где киару его взял, интересно?

– Конечно, – легко согласился мой любимый инопланетянин. – Ты желаешь поговорить. Говори.

– Ты не Шиушса, – заявил рругг. Выдержал паузу и, не дождавшись реакции, продолжил. – Он бы никогда меня не победил, а если бы и победил, то убил бы или серьёзно искалечил… Сишшаа никогда не стала бы его целовать, – у меня запылали уши, а киару, бросив на меня быстрый взгляд, довольно жёстко поинтересовался:

– Это всё, о чём ты хотел поговорить?

Я даже не знала, что киару способен на такую интонацию. Возможно, он так вжился в образ?

Надо отдать рруггу должное – я бы, наверное, не смогла так вальяжно вести беседу с оружием у виска. Впрочем, у него, оказывается, был в

рукаве гигантский козырь.

– Я спас тебе жизнь, Айрдан-ниа-Ши, киару народа Руа, – чуть улыбнулся ррругг. К счастью, на меня они практически не смотрели, потому что, боюсь, моё лицо можно использовать вместо детектора лжи или индикатора «горячо-холодно». Сам киару даже бровью не повёл.

– И? – спросил он. А я бы, наверное, спросила, когда это. Когда мутузил на импровизированном ринге? Но сам синеглазый – где-то там глубоко под маскировкой он всё равно ведь синеглазый – не спрашивает, неужели ему всё понятно?

– И могу ещё помочь. Разумеется, за ответную услугу, – продолжил ррругг.

– Конечно, – опять легко согласился киару. – Оставить в живых?

– Отвези меня к Сишше, а затем позволь нам улететь.

Вот не знаю как непробиваемый киару, а я лично моментально прониклась к ррруггу симпатией – это ведь так трогательно, когда мужчина готов на всё ради девушки! И помочь ему, конечно же, сразу захотелось, тем более, что он спас нам жизнь… как говорит.

Айрдан бросил на меня какой-то не очень понятный взгляд, кажется, немного укоризненный, и ополчился на своего пленника:

– Ты не в том положении, чтобы торговаться, ррругг!

– Как и ты, киару, – миролюбиво отозвался тот. – Мы оба в больших неприятностях, но шансы у нас есть, особенно, если объединимся.

– Тогда давай сюда отравленные иглы, нож и парализатор, – дружелюбно предложил Айрдан. – И учти, что твоя система безопасности в машине работает теперь на меня, а не просто отключена. У тебя ведь хорошая система безопасности, правда?

– Удивительно, – сказал ррругг, сдавая перечисленные предметы, – как при таких способностях ты утратил ключ?

Разумеется, он мне тут же разонравился. Киару же только вздохнул и убрал, наконец, оружие от головы ррругга.

– Откуда ты знаешь про ключ? – спросил ровно-ровно, но мне показалось, что он теперь как раз впервые серьёзно задумался над тем, чтобы убить нашего нового знакомого, который слишком многое знает… и то, что оружие он отвёл и даже отложил, нисколько ему не помешает, уж не знаю как.

– Сегодняшний вечер должен был стать последним в твоей жизни, киару Айрдан-ниа-Ши. И стал бы, выбери ты себе другую маскировку… – с отчётливо прослеживающимся сожалением поведал зелёный. – Несколько часов назад прошла информация, что ты заявишься на праздник, и заказ на

огромную сумму на живого или мёртвого… видел охрану у дверей? Специально, чтобы никто не ушёл… непроверенным. Пока мы тут сидим и торгуемся, там, наверняка, уже началась облава, и вот-вот выяснят, что тебя нет…

– Вопрос был про ключ, – напомнил мой спутник. Казалось, что сказанное рруггом никакого впечатления на него не произвело, зато произвело на меня. Но я честно молчала и даже дышать старалась по счёту.

– Это догадка, – признался зелёный. – Ради чего ещё сам киару сунулся бы к нам? Теперь моя очередь спрашивать. Что с Сишшой? Она жива?

– Жива, – ответил Айрдан, словно бы признавая, что ррругг может быть полезен и имеет право голоса. – Где на самом деле передадут ключ?

Увы, но наш догадливый знакомец оказался всё-таки не всеведущ, по крайней мере, про место передачи он не знал. И ещё он оказался вовсе не так благороден, как мне по наивности представлялось – пистолет, который теперь вертел в руках киару, оказывается был на него же и наставлен при входе в автолёт, и за те несколько мгновений, что я провела снаружи в одиночестве, успел сменить владельца. А вообще-то, ррругг собирался просто навязать свои условия, а не помогать. Айрдан даже предположил, что он собирался выпытать местонахождение Сишшаи, а самого киару продать «заказчикам». На это зелёный лишь пожал плечами, видимо, такие мысли его определённо посещали, и ничего криминального или неподобающего он в них не усматривал.

– Мне надо подумать, – сообщил задумчиво мой лже-ррругг, безо всякого предупреждения стреляя в настоящего ррругга из парализатора. Тот обмяк на сидении, а киару перевёл взгляд на меня. – Мария, Вы как?

– Простите, – на всякий случай прошептала я, хотя, вроде, мой поцелуй и не стал решающим винтиком в сложившейся ситуации, но всё же некоторые штрихи добавил…

– Это я должен извиняться, – угрюмо произнёс Айрдан, поднимая наш – теперь же он наш? – транспорт в воздух. – Я привёл Вас в ловушку, и если бы не стечение обстоятельств, – тут мы оба невольно посмотрели на это самое стечение – огромное, зелёное, что с ним делать непонятно, – Вы были бы в большой опасности. Хотя… опасность никуда не делась.

– Вы знаете, кто слил информацию? – поколебавшись, всё же спросила я. Очевидно ведь, что кто-то преднамеренно сдал синеглазого.

– Узнаю, как только вернёмся на корабль. На большой корабль.

– А… что теперь мы будем делать? Улетим ни с чем? – осторожно спросила, гадая, можно ли мне дотронуться до киару, или он настолько на

взводе, что шарахнет меня парализатором за компанию с рруггом, стоит только прикоснуться или вообще, просто сделать неосторожное движение.

Хотя с виду он был спокоен. Абсолютно. Но в воздухе витало что-то такое, недвусмысленно предупреждающее: не влезай, убьёт.

– Не думаю, что улетать на том же корабле – хорошая идея, – задумчиво обронил киару, уводя летающий транспорт куда-то прочь из города. – Нам нужен новый корабль. А раз нам нужны и корабль, и ключ, то оптимально будет совместить, не так ли Мария?

– Так, – на всякий случай согласилась я, хотя на самом деле нить рассуждений слегка утеряла. Не может же быть, в самом деле, чтобы киару собирался захватить корабль этих своих врагов, я, кстати, до сих пор не знаю, как они называются. Точно не может.

– Тогда осталось всего ничего – узнать, где стоит их корабль, и когда он планирует улетать, – продолжил рассуждать словно бы с самим собой инопланетянин.

– Ага, – на всякий случай снова согласилась я. Даже если бы и хотела с ним поспорить, не смогла бы – я ни черта не смыслю в космических кораблях и планах отхода.

– Маскировку надо будет сменить… и придётся пожертвовать своим кораблём, – немного устало вздохнул Айрдан. Отложил, наконец, парализатор, и посмотрел пристально на меня.

– Мария, почему Вы меня поцеловали?

Вот это у него вопросики… лучше бы и в самом деле из парализатора шарахнул – эффект был бы почти такой же, даже меньше – от вопроса я ещё и очень сильно покраснела. В этой их школе киару, или что там у них, совсем не учат такту? Ну вот как такое можно спрашивать? И он ведь реально ждёт ответа. Чудовище. Сказать, что случайно? Может, на вирус свалить? С другой стороны, а какого чёрта?!

– Захотелось, – ответила я, непроизвольно упрямо выпячивая подбородок и переходя на формальный тон. Правда вот смотреть при этом в глаза наглому инопланетянину у меня сил не хватило. – Если у Вас есть претензии, готова компенсировать, киару Айрдан-ниа-Ши, скажите, чем искупить, и…

– У меня не претензия, у меня вопрос, если позволите, – мягко перебил он, и мне почудилось в его голосе подспудное веселье. Чего смешного-то?

– Давайте, – настороженно отозвалась, всё же неожиданно для себя самой снова встречаясь с ним взглядом.

– Мне обязательно каждый раз кого-нибудь бить, чтобы это произошло? – очень серьёзно спросил киару. А глаза смеялись. Вот ведь…

медуза.

Я задумчиво посмотрела на пребывающего без сознания рругга. Может, сказать этому весельчаку, что всё наоборот? И ему надо не врезать, а получить как следует по лицу? Нет, – содрогнулась сама от собственных мыслей, – от этих странных инопланетян всего можно ожидать, вдруг и правда подставляться будет…

– Нет, – сказала я. – Каждый раз – необязательно.

– Хорошо, – кивнул он.

– Ага, – снова согласилась, гадая, надо ли выступить со встречным вопросом: «а мне каждый раз надо спрашивать про Никиту, чтобы это произошло с Вашей стороны»? – А куда мы летим?

– Сначала на один из космодромов – мне нужно плановое время отправления корабля нхассов, затем – заберём наш шаттл, на котором прилетели, и используем его, чтобы пробиться к их кораблю. – Я не спрашивала, но он добавил. – Улетать на шаттле – плохая мысль, все его параметры наверняка тоже переданы, и его расстреляет охранная система планеты. Мы не успеем улететь.

– Ясно, – кажется, пребывание целый день в роли молчаливой и покорной женщины наложило на меня свой отпечаток. Вообще-то, мне было не очень понятно, почему нас в таком случае не расстреляли на подлёте, но, может, информация просто пришла в нужные руки поздно. И я, разумеется, несказанно этому рада.

Глава 19. Нхассы

Вот так вот живёшь себе, живёшь… во что-то веришь, чего-то боишься, к чему-то стремишься… И кажется тебе, что ты про себя уже всё-то знаешь, и поручиться сам за себя можешь: дескать, я – никогда. Я никогда этого не сделаю, не буду в этом участвовать, разве что под пытками или с дулом пистолета у виска.

А потом, р-раз! И жизнь повернулась к тебе другим боком, и ты стоишь истуканом, каким-то чудом удерживая оружие в опустившейся руке – и зачем мне его только вообще дали? – и смотришь, смотришь, как какой-то инопланетянин расстреливает твоих соотечественников. Людей. И плевать, что инопланетянин этот тебе как-то по-особенному дорог, а людей ты видишь первый раз, надо было ведь что-то сделать! Выстрелить в него. Ну, или самой застрелиться…теперь.

Вообще, такой поворот ничего не предвещало. Мы планомерно претворяли новый план киару в жизнь, вместе прогулялись на какой-то заброшенный космодром, где Айрдан как-то выцепил нужную ему информацию из компьютера, подключённого к общей сети. Шаттл вернули. С рруггом договорились о плане штурма… И всё это время я чувствовала себя какой-то неприлично счастливой, несмотря на отчаянное желание содрать маскировку, вопреки неопределённости и рискам, и всё это просто потому, что Айрдан-ниа-Ши был рядом. И хотел меня поцеловать. Мне кажется, что я ловила это желание в его не очень понятных, задумчивых взглядах. И от этого хотелось петь и рисовать. Хотя и танцевать тоже можно.

И вот. В мою жизнь пришло оно, и пришло совершенно непрошено. Знание, от которого невозможно закрыться и отмахнуться, не знаю, может, кто и справился бы, но мои психологические защиты пасуют перед таким, и я вряд ли смогу просто взять и забыть, выкинуть из головы, что нхассы – это люди. И я ничего не сделала, чтобы помешать той бойне, которую устроили мои спутники… хотя, может, они всё-таки стреляли из парализаторов? Получается, мы им поэтому и нужны были, потому что биологически такие же, как их враг?..

– Мария? – позвал киару, и я открыла глаза… и наставила оружие на него. Заставить себя посмотреть вниз я не могла – и так хорошо помню, как они падали. Растерянные – ибо корабль перестал им вдруг подчиняться и, самовольно проложив какой-то маршрут, отправился в полёт, а откуда ни

возьмись появившиеся ррругги открыли огонь.

– Киару Айрдан-ниа-Ши, – дрожащим, но уверенным голосом произнесла я. Но дальше всё испортила, сорвавшись на слегка истеричное, – какого чёрта?!

– Мария, опустите оружие, – мягко сказал киару, жестом отправляя ррругга осмотреть остальной корабль. – Ещё трое.

– Нет, – сказала я и попятилась так, что упёрлась спиной в стену, в общем-то, даже почти удачно – всего пара метров до двери. – Сначала Вы мне всё объясните.

– Хорошо, – пожал плечами инопланетянин. – Не опускайте.

И пока я растерянно думала, а что же мне делать дальше, смогу ли я и правда в него выстрелить, или мне не позориться, тем более, что первая волна угрозы не подействовала, киару оказался рядом и даже не вырвал, а как-то мягко забрал у меня парализатор. И отступил.

А я бросилась-таки прочь, хотя куда можно деться с корабля, который уже в полёте?

Айрдан нашёл меня почти через полчаса, в медотсеке, вернее, в той его части, которую я для себя окрестила лабораторией. И хотелось бы мне сказать, что я там уже вовсю изучала свой злосчастный вирус или что-то ещё, но нет, я ещё лишь только гадала, что это за оборудование и как им пользоваться. Переводчик мне в этом помочь никак не мог – он переводил только звуки, надписи же оставались для меня совершенно непонятными.

За это время я успела уже много чего передумать, например, что я теперь знаю одну из тайн киару – они как-то нереально хорошо ладят с техникой, причём с любой, не на уровне конечного пользователя, а где-то глубже. И масштабней. И это одинаково восхитительно и ужасно, потому что никакие пароли им не важны – они просто убедят систему, что был назван уже тот самый пароль и пойдут дальше. Взять хотя бы Айрдана – он моментально и с одинаковой лёгкостью переподчинил себе как автолёт нашего ррругга, так и корабль нхассов… при воспоминании о последних у меня начинали дрожать губы. Но я решила, твёрдо решила, что скандалить нельзя. Даже если всё и в самом деле обстоит так ужасно, как сказали мне мои глаза – а в это мне до сих пор никак до конца не поверить, то истерикой всё равно ничего не добьёшься…

– Мария, – сказал объект моих размышлений и метаний, появляясь в дверях. И, кажется, собирался добавить что-то ещё, но я так заметно вздрогнула, что он замолчал. И был, кстати, уже без маскировки.

– Да? – хотелось отозваться естественно, а получилось, разумеется,

напряжённо. Хорошо хоть без надрыва. Кажется, без.

– Кого Вы видели? – спросил киару, подходя ко мне слишком близко. То ли ближе, чем раньше, то ли я из-за его родного облика так занервничала, а может, свежие события давали о себе знать…И вопросик у него, кстати, совершенно странный, даже слегка безумный. Кого ещё я могла видеть? Его и рругга, расстреливающих представителей моей расы. Неужели был ещё кто-то?

– Вы их…убили? – вместо ответа – вопрос.

– Парализовал.

– И что с ними будет?

– Вообще, я подумывал оставить их тут, на корабле… – и не успела я облегчённо вздохнуть, добавил, – и продать пиратам вместе с кораблём.

– Что? – переспросила я. – Что?!

– Мы не можем лететь на этом корабле, он слишком медленный, – пояснил киару, как будто именно смена корабля в его планах была самым диким. И подошёл поближе.

– Продать пиратам…их?! – почему-то у меня не получалось назвать людьми, равно как и нхассами.

– Ну а что мне с ними делать? – как-то устало вздохнул он. – Простить и отпустить?

Я чуть было не сказала «да». Даже несмотря на отчётливо прослеживавшийся сарказм. Чувствовала, что упускаю что-то важное, возможно, киару не зря что-то такое спрашивал, но неужели я должна отказаться верить своим собственным глазам?

– Пойдёмте, Мария, я Вам кое-что покажу, – вздохнул он и странно привычным движением взял за руку. И я сама, кажется, тоже к этому привыкла. Слишком привыкла. Так, что отвыкать будет очень больно.

– Ключ-то здесь? – спросила я, пока мы шли по длинному коридору, чуть ли не касаясь головой потолка. Экономия пространства? Или нхассы значительно ниже, чем люди с планеты Земля?

– Да, – коротко ответил Айрдан.

– Хорошо, – как-то слишком безразлично сказала я, но ничего не могла с собой поделать – как искренне и бурно радоваться за того, кто, не моргнув глазом, собирается продать людей каким-то космическим пиратам? Но попытку я всё же сделала. – Рада… за Вас.

– Благодарю, – тоже не очень выразительно ответил киару, и я почувствовала, как между нами стремительно всё портится. Если есть вообще чему портиться. Хотя мою руку он так и не отпустил, но это, возможно, чтобы не убежала снова? Сейчас как запрёт меня вместе с

остальными…

– Вот, – сказал киару, открывая одну из дверей и отпуская мою руку. – Заходите. И скажите мне, что Вы видите.

Я неохотно шагнула внутрь, слегка успокоившись, когда Айрдан всё же зашёл вслед за мной, и огляделась – это помещение, вероятно, предназначалось для перевозки грузов, по крайней мере, там стояли какие-то коробки в одном углу, мебели не было…а в другом была какая-то непонятная и неопрятная куча, немного отталкивающего вида. Местами фиолетовая, местами полупрозрачная. И я уже собиралась немножко огрызнуться, что я понятия не имею, как этот его космический мусор называется и зачем мне на него смотреть, но тут, приглядевшись, поняла, что это не сплошная куча. Это сваленные вместе тела каких-то невысоких и крайне несимпатичных существ. Он хочет сказать, что это мои соотечественники плохо обращаются с каким-то видом гуманоидов, поэтому не грешно и их самих продать пиратам?

– Кто это? – спросила я, с удивлением обнаружив, что держусь за руку инопланетянина. Попробовала незаметно отпустить, но оказалось, что он тоже держит и, в отличие от меня, отпускать не планирует.

– Нхассы, – любезно, но скупо сообщил синеглазый.

– А… – спросила я, снова испытывая трудности с формулировками. А казалось же, что уже от этого избавилась. – А те, в кого Вы стреляли?

– Нхассы, – ещё любезнее сообщил киару.

– Не понимаю, – призналась я. – Они выглядели по-другому.

– Как руане, – предположил почему-то он, и я замотала головой. Конечно, люди и руане похожи, но спутать я их не могла.

– Как люди, – всё-таки выдавила из себя, и киару тут же отпустил мою руку.

– Стойте здесь, – попросил он, а сам направился к куче тел – смотреть на неё без содрогания было невозможно, и извлёк оттуда одного… один экземпляр. Он был ужасен. Перепутать это с человеком я никак не могла, разве что намазать на него этой самой нано-биомассы, которой нас гримировал киару, и то… Вытянутый тощий и лысый череп, полупрозрачная кожа, под которой виднеется что-то сиренево-фиолетовое… почему-то пришло на ум желе, и я поняла, что никогда в жизни больше не смогу его есть, всегда будет сразу вставать перед глазами это вот…Лучше я буду смотреть на Айрдана. Он красивый. Очень-очень красивый, настолько, что меня так и тянет прикоснуться, несмотря на всю неуместность…Я зажмурилась на секунду – киару что-то вколол прозрачно-фиолетовому гоблину, а когда открыла глаза, в руках у Айрдана

бился человек. При этом, правда, он изрыгал ругательства на каком-то неизвестном мне языке, по крайней мере, переводчик растерянно вещал:

– Слово с резко негативной окраской, запрещено переводить, слово с резко негативной окраской… фраза с резко негативной…

– Человек? – спросил у меня киару, и я растерянно кивнула.

Человек обмяк и снова стал монстром, Айрдан аккуратно вернул его в общую кучу, и гостеприимно указал мне на выход. Я с радостью послушалась, пытаясь как-то уложить в голове, что фиолетовые монстры в отключке и люди в сознании, которых расстреливали мои спутники, – это одни и те же существа.

– Простите, Мария, – сказал мой спутник уже в коридоре. – Я не думал, что это подействует на Вас, иначе бы, разумеется, предупредил. Вам было очень… плохо?

– Да, – честно сказала я, запрокидывая немного голову и усиленно моргая, чтобы справиться с подступившими к глазам слезами. Я всегда после сильного стресса плачу, и многие говорят, что это хорошо, что это своего рода разрядка, и это куда лучше, чем держать напряжение в себе, но случается это всё очень не вовремя. Не хочу, чтобы киару считал меня плаксой. Хотя с другой стороны… вряд ли я его удивлю. Разве что поцеловать опять…

– Простите меня, – повторил он ещё раз. И это у него получилось так мягко и осторожно, почти нежно, что слёзы всё-таки пролились. – Что я могу для Вас сделать? – опять завёл свою любимую тему про искупление инопланетянин.

– Избавьте меня от маскировки, наконец, – неосмотрительно брякнула я. Не корабль же с него, в конце концов, требовать, на радость оставшемуся за много световых лет отсюда работнику родимых спецслужб?

– О! – оживился киару. – С удовольствием. Пойдёмте.

И где-то в этот момент я начала догадываться, что подписалась на что-то не то. Потому что маскировка у меня везде, вообще по всему телу. Выходит, я пообещала инопланетянину своего рода стриптиз? Интересно, а передумать насчёт искупления можно? Или это какое-нибудь страшное оскорбление? И хочу ли я и в самом деле передумать?

– А как они это делают? – спросила, чтобы немного отвлечься.

– Можно сказать, что это в некотором роде гипноз. Они излучают определённые волны, которые воздействуют на мозг и заставляют видеть кого-то безопасного, своего. Может даже кого-то, кому хочется помочь…

– И на Вас это тоже действует? – как бы отвязаться от фривольных мыслей? А с другой стороны… может, пускай остаются? Если что, скажу

киару, что это опять приступ вируса был…

– Нет, – на меня не действует, – после некоторой паузы сообщил Айрдан. И – невиданное дело – добавил. – Ни на кого из киару не действует. А на остальных руан – да. Действует. И на Вас, кстати, тоже не должно было действовать, но, видимо, вирус…

– А что с ними сделают пираты? – спросила я, уже когда мы зашли в какую-то каюту. Видимо, в ту, которую он присмотрел для себя.

– Не знаю, – чуть повёл плечами, – и, честно говоря, мне всё равно. Раздевайтесь!

– А Вы? – на автомате спросила я и сама себе удивилась. Я была уверена, что моя реакция «по умолчанию» на такое предложение – «нет-нет, ни за что!».

И знаете, что самое ужасное? Он действительно стал раздеваться.

– Стойте, – потребовала я, испытывая сильное чувство дежавю. Но зажмуриваться не стала. В конце-то концов, я не так давно вломилась к нему в душ. Какие после этого могут быть между нами секреты? А хотя всё равно как-то неловко…

– Мария, не трусьте! – улыбнулся уже оставшийся в одних штанах киару. – Ничего я Вам не сделаю… плохого.

– Ага, – сказала я, мучительно размышляя, то ли сделать шаг вперёд, то ли наоборот попятиться. Последнее получилось само собой.

– Смывать маскировку лучше в душе, – сжалился надо мной синеглазый. – Душ там. Вот, это надо нанести, – протянул мне какой-то небольшой флакончик. – Идите уже.

– А Вы? – зачем-то снова спросила я, сама не понимая: то ли убедиться, что точно не пойдёт, то ли требуя, чтобы пошёл.

– Мария, Вы, – спросил оказавшийся неожиданно очень близко, а также слишком раздетый и, кажется, дюже злой киару, – чего именно добиваетесь? Хотите, чтобы я пошёл с Вами – пойду, не хотите – не пойду. Но определитесь уже сами-то! Или Вы настолько вошли в роль женщины рруггов, что решать за Вас теперь должен кто-то другой?

– Знаете что, Айрдан?! – завелась я в ответ, но закончила совершенно неожиданно для себя и для него. – Хочу!

– Хотите? – переспросил киару. То ли не расслышал, то ли наслаждается.

– Хочу, – подтвердила я, невольно чуть поднимая голову. Интересно, мне это кажется, или в данный момент речь идёт уже не только о снятии маскировки?

– И я хочу, – как-то очень обезоруживающе-серьёзно признался он.

– Снять маскировку? – зачем-то решила я всё же уточнить. Наверное, просто потому, что не знала, что дальше говорить. И можно ли мне его поцеловать. С одной стороны, он вроде давал понять, что не против, с другой – мог бы и сам инициативу проявить…

– И это тоже, – как-то уж очень многообещающе обронил синеглазый. – Идёмте?

Моего энтузиазма хватило минуты на две – от тёплой воды, долгожданного ощущения чистоты и пережитого стресса так разморило, что я практически заснула там же в душе, совершенно неэротично пытаясь прислонить голову то к киару, то к стенке, то ещё куда-нибудь…

Глава 20. Лаборатория

– Мария, Вы со мной пойдёте или останетесь на корабле? – поинтересовался Айрдан. Как будто бы не знает ответ. И точно знает, что я уже проснулась. Откуда? Я даже глаза ещё не открыла…

– Пойду, – ответила, сладко потягиваясь и зевая.

– Тогда Вас придётся загримировать снова, – чуть извиняющимся тоном, хотя может мне всего лишь показалось.

– В кого? – спросила я. Глаза почему-то открывать не хотелось. С закрытыми было уютнее. Если открыть – то там чужая каюта чужого корабля, принадлежащего странным хамелеонам, которых мы собираемся продать пиратам вместе с этим самым кораблём… в общем, слишком много всего странного, чуждого и стрессового. А так – я просто слышу, что киару где-то рядом и всё.

– А в кого хотите? – кажется, улыбнулся он. – Может, в руанку?

– Да, – сказала я, – пожалуй. – И только благодаря закрытым глазам выдала, иначе бы не решилась. – Сделайте из меня руанку своей мечты!

– Не выйдет, – как-то слишком легко сказал он.

– Почему? – расстроившись, непроизвольно открыла глаза. Киару действительно был очень рядом и смотрел как обычно невероятно прямо, так, что оторопь берёт.

Молча улыбнулся и покачал головой.

Вот и как это понимать? То ли «ты и так прекрасна!», то ли «никакой маскировки на такое не хватит!».

– А давно вы воюете с этими… нхассами? – спросила я, хотя в голове вертелось совершенно другое: почему Вы меня не целуете? Я хочу нормальный поцелуй! Не тогда, когда я спятила под действием вируса, объелась аггру или до смерти перепугалась, а нормальный, неторопливый, чувственный поцелуй… С твоей подачи, чёрт возьми!

– Давно, – согласился киару… Не хочет говорить. Не инопланетянин, а шкатулка с секретами. Или скафандр. Скафандр с секретами и медузой, но почему-то даже такая формулировка меня не может заставить не испытывать определённое волнение рядом с ним.

– А где ррругг? – снова выступила с вопросом. Кто-то же должен поддерживать диалог, в самом-то деле.

Айрдан на несколько секунд прикрыл глаза – неужели он и правда в этот момент вот так вот запросто общается с компьютером корабля? – и

сообщил:

– Спит в каюте на другом этаже.

– А долго нам ещё лететь к этим Вашим пиратам? – интересно, мне можно остаться тут жить на всё время полёта?

Тут я неожиданно озаботилась вопросом – а что же на мне надето? Обнаружила футболку и мысленно вздохнула с облегчением, потом не обнаружила штанов и еле удержалась от инстинктивного желания натянуть футболку до колен. В конце-то концов, он уже всё видел. И в душе, и тут, пока я тут спала…и, кажется, даже именно он меня и одел. И нет, я вовсе не подумала, что теперь раздел бы…

– Около трёх земных суток. Очень медленный корабль, – посетовал Айрдан, глядя почему-то на мои ноги. Я тоже снова посмотрела на них – нормальные, стройные, голые ноги. Что такого-то? Не от ушей, но и не колесом…

– Ваш вопрос о сексе с землянками ещё в силе? – прямо спросил вдруг киару, возвращая взгляд обратно к моему лицу. Я мгновенно засмущалась. И расстроилась. Это ведь намёк? А я не хочу вот так вот… просто потому что киару Айрдану-ниа-Ши нечем занять три дня до пиратской планеты. Мне хочется чего-то большего, но, будем честны, о большем этот синеглазый инопланетянин ни разу не заговаривал. Ну, не считая того раза, когда сообщил, что ничего не может мне предложить.

– Теоретически, – мрачно произнесла, будучи, если честно, сама не до конца уверена, что это значит. И потянула-таки футболку вниз, чтобы хоть немного прикрыть ноги. – Поможете мне в лаборатории?

– Помогу, – вздохнул он и, кажется, хотел сказать что-то ещё. Но не стал.

– А что именно Вы хотите сделать? – спросил, когда мы уже туда направлялись. Собственно, мы пошли в лабораторию сразу же, потому что обстановка в каюте как-то разом утеряла весь свой уют, даже с закрытыми глазами и с учётом близости Айрдана… вернее, особенно с учётом его близости, стоило лишь мне осознать – лучше поздно, чем никогда, что весь интерес с его стороны сводится к сексу. И да, мне это тоже было интересно, что уж греха таить, но как часть чего-то большего… Секс без обязательств – это не моё. Не потому, что я так уж высоко ценю своё тело, и за доступ к нему мне обязательно нужно предложение руки и сердца, ну или как минимум пара космических кораблей и пожизненное содержание, а потому что я-то влюблена… Да. Влюблена. Глупо как-то получилось.

– Хочу понять, насколько вирус меня изменил, и как он там вообще…

поживает, – доброжелательно отозвалась я, но какая-то отстранённость всё-таки проскочила в интонации. Если он и заметил, то никак не дал этого понять.

– Я не лучший помощник в этих вопросах, – признался, пропуская меня вперёд в открывшуюся дверь лаборатории. – Лалира смогла бы помочь гораздо больше. Подождать до возвращения на корабль или на нашу планету не хотите?

– Нет, не хочу, – максимально мягко обронила я и усилием воли заставила себя не оправдываться. Ну, почти заставила. – Чем же ещё заняться три дня? – произнесла преувеличенно бодрым голосом, а киару в ответ только хмыкнул. Вот лучше бы вздохнул, я бы хоть знала, что он сожалеет и мучается, а так получается, что ему вообще всё равно. Вышло – хорошо, не вышло – тоже хорошо, землянок ведь уже пробовал… Тьфу!

– Ждите тогда здесь, – предложил тем временем синеглазый, не догадываясь, надеюсь, о том, какие мысли бродят в моей совсем уже растерявшейся и заблудившейся голове, – а я приведу Вам помощника. Только не забывайте, что это не человек, что бы Вам там ни виделось и ни казалось.

Да, это правда киару Айрдан-ниа-Ши. Мне действительно многое видится и кажется. Например, что у нас с Вами могло бы что-то быть настоящее, а не просто экзотический секс… и даже теперь, несмотря на отсутствие реальных оснований для таких надежд, отказываться от них ох как не хочется…Но, наверное, надо? Я и так уже кучу времени угробила, гоняясь за Никитосом, теперь вот то же самое рискует повториться с киару, и что-то мне начинает казаться, что от текущего недоромана оправиться будет куда сложнее… киару он такой… врезающийся не только в сердце и память, но и, кажется, в самое подсознание…

За этими мыслями я совершенно не подготовилась морально к возвращению Айрдана и одного из его пленников – он привёл мне нхасса, видимо, того, кто имел отношение к лаборатории, и я вроде бы это всё знала и понимала, но при виде киару и абсолютно человеческого мужчины небольшого роста, невольно вздрогнула. И чуть не спросила по-русски какую-нибудь глупость, типа «откуда ты здесь, брат?!». Предупреждающий взгляд синих глаз немного отрезвил.

– Человек! – то ли поприветствовал меня, то ли просто выругался нхасс при входе. По крайней мере, переводчик мне так озвучил – инопланетянин сказал это на своём языке, и это сначала меня сильно удивило, но потом я поняла, что всё вписывается. Киару же говорил, что контакты есть давно, к тому же нхассы – заказчики ключа, и всё такое… В

любом случае запоздавшую панику – надо было маскироваться! – я отогнала, кем ни притворяйся, толку в этом никакого, если собираешься демонстрировать свою кровь. Я собиралась.

– Нхасс! – с вызовом ответила ему.

– Не зови меня так, – скривился он, переходя на руанский. – Зови по имени.

Звали его, моего недобровольного помощника, как-то весьма заковыристо, я запомнила только начало «Хике» и, пользуясь своим положением… ну, то есть положением киару, стала звать пленного именно так. С ним дело пошло быстрее. Вернее, с ним оно наконец-то вообще пошло, до этого я разве что с тоской осматривала оборудование, абсолютно не представляя с какой стороны ко всему этому подойти.

– Вот, – говорил Хике, показывая на экран. – Состав крови молодой здоровой человеческой женщины…

И я даже не стала спрашивать, откуда это у них и зачем. Но сразу прониклась симпатией ко всем, кто заявлял когда-либо о похищении НЛО, возможно, сумасшедших среди них почти и не было…

– А это твой… Ваш, – исправился Хике, бросив взгляд на внимательно наблюдавшего за ним киару, и создал объёмную проекцию.

Я растерянно смотрела то в экран, то на проекцию, в чём разница-то? И когда я уже собиралась задать этот вопрос вслух, что-то с проекцией случилось. Она на секунду как-то изменилась, моментально вернувшись обратно. А потом через некоторое время снова «моргнула». И снова. И то ли я совсем сошла с ума, то ли состояния «изменения» друг от друга отличались.

– Как Вам это удалось? – заинтересованно уставился на меня нхасс. Наверное, примерно так смотрят на своих «клиентов» любящие свою работу патологоанатомы, мечтая разрезать побыстрее и посмотреть, что внутри, ибо страсть как интересно.

– Так, стечение обстоятельств, – ответила, вдруг задумавшись, а оставит ли киару этого самого Хике в живых? И не аукнется ли мне потом то, что оставит? – Так что можете сказать?

Вердикт нхасса звучал не более невероятно, чем всё, что со мной происходило за последний месяц. А начал он немного издалека.

– Человеческая раса – одна из самых стабильных, изменения происходят крайне медленно, ваша форма зафиксирована, все особи обладают примерно одинаковыми способностями, у вас нет никакого шанса на эволюционный прорыв или хотя бы скачок… Вы, ваш вид, скучны и предсказуемы… – вот так и тянет обидеться за человечество, но это я и

потом успею. Пусть договорит. – А Вы… Такое впечатление, что лично Вас кто-то пытался изменить. К счастью для Вас, попытка не удалась, иначе Вы бы уже были мертвы – в Вашем организме нет достаточного запаса прочности, жизненной энергии, чтобы существовать хоть сколько-нибудь длительное время в изменённом состоянии.

– И что меня ожидает? – настороженно спросила я.

– Без дополнительных внешних стимулов – ничего, полагаю, – крайне легкомысленно отнёсся к моей судьбе нхасс. – Несмотря на эти вот… «подёргивания», Ваша кровь довольно-таки стабильна.

Наверное, это хорошо. Вот только…

– А что может быть внешним стимулом?

– Не знаю, – как-то очень странно дёрнул головой. – Я с таким не сталкивался. Тот, кто это сделал – настоящий гений. Чтобы что-то понять, надо ставить эксперименты, изучать Вас подробнее…

При последних словах я невольно содрогнулась – из-за обаятельной человеческой оболочки вдруг выглянул кто-то очень холодный и расчётливый.

– А у Вашего народа менее постоянная… структура? – вот давай-ка лучше тебя поизучаем, в конце-то концов, кто у кого в плену? Хотя если подумать… то мы все – у киару.

– Да, – неохотно сказал Хике. – Это позволяет нам лучше подстраиваться к условиям… к окружению.

Куда уж лучше, – подумала я, ибо до сих пор страдала от невозможности верить своим глазам. И продолжила:

– А руане? Что у них?

– Не думаю, что мне позволено отвечать на данный вопрос, – моментально отозвался этот подхалим, а Айрдан невозмутимо кивнул. И не заметил, что нхасс вывел на экран новую картинку и текст. Впрочем, всего на секунду. И я всё равно ничего, увы, не поняла.

– Слушайте, Айрдан, – прямо поинтересовалась я у киару, когда он вернулся в лабораторию, препроводив нхасса в место его временного заключения, – а почему Вы от меня всё время всё скрываете?

– Мария… – поморщился он, но я ещё не закончила.

– Вы и так не собираетесь возвращать меня на Землю, так почему я должна любую информацию о Вас или Вашем народе выпрашивать или узнавать совершенно случайно?! В конце концов, Вы сами забрали меня с Земли и…

– Если Ваша кровь останется стабильной и именно такой, я верну Вас

на Землю, – всё же перебил меня плохо воспитанный инопланетянин. – Разумеется, после дополнительных обследований и корректировки памяти.

Какой-то частью души я обрадовалась, правда. Там мои любимые родители и братишка, мои друзья, вообще мой мир. Что ни говори, а для приключений в космосе я не создана… Но параллельно и расстроилась – я ему не нужна. Как бы глупо и не по-феминистски это ни звучало, но меня расстраивает, что он не хочет оставить меня себе!

– Хорошо, – сказала, разом грустнея, теряя всякое желание спорить и выпытывать истину.

– Что бы Вы сейчас делали, если бы я не забрал Вас с Земли? – спросил Айрдан, подходя ко мне и останавливаясь буквально в шаге. Слишком мало дистанции для делового разговора, но слишком много для… для меня.

– Скучала бы, – пожала плечами, не желая об этом думать – как бы не расплакаться при мысли, что этого синеглазого типа может не быть рядом, я как-то уж очень привыкла. И кстати, имелся в виду сугубо тот вид скуки, которым страдал несчастный Людовик Тринадцатый из любимой книжки моего детства – когда нечем себя занять. Но киару понял меня по-своему.

– По Никите Рекунову? – спросил он с хорошо ощутимой прохладой и укоризной.

– По приключениям, – буркнула я.

– И сейчас по нему скучаете? – не отступил от своего Айрдан-ниа-Ши.

– Нет, – сказала я, даже не задумываясь. – Не скучаю.

– А по мне? Будете скучать?

– Нет, – тоже быстро и честно ответила я, ибо была на него вдруг бесконечно зла. И, выдержав паузу, всё же пояснила. – Вы ведь сотрёте мне память!

– Простите, Мария, – вздохнул вдруг он, после недолгой молчаливой борьбы взглядов, – но сил моих больше нет ждать, пока Вы определитесь!

И, разом преодолев разделяющий нас шаг, поцеловал.

Клянусь, я подумала совершенно одновременно «наконец-то!» и «да как ты смеешь?!». Первое в комментариях не нуждается, а вот второе – потому что он собирается стереть мне память и вернуть обратно. Решил напоследок попользоваться, а то чего это землянка без дела пролёживает? То есть прохаживается…

Тело предало меня моментально – обвилось, притиснулось, вжалось изо всех сил в гадкого инопланетянина, так, что и вопросов нет, а хочет ли он продолжения. И так всё ощущается. Он хочет, и я хочу… чёрт побери, давно и страстно хочу! И все рассуждения о чём-то большем кажутся

искусственными, чего уж больше-то?

Всё закончилось внезапно и слишком быстро.

– Простите, – повторил киару, отстраняясь, но при этом так довольно улыбаясь, что смотреть завидно.

– И Вы меня простите, – отозвалась я, притягивая и целуя его в свою очередь. Если у этих странных инопланетян полагается перед каждым поцелуем извиняться, я не против. В конце концов, у каждого свои причуды!

Мне хотелось продолжить с поцелуями, но киару в кои-то веки приспичило поговорить.

– Мария, – отстранился он, – Вы ведь не назло Никите Рекунову это делаете? Мне бы не хотелось воспользоваться ситуацией, Вашей эмоциональной нестабильностью и уязвимостью…

«Дурак Вы, киару!» – хотела я сказать ему. Но не сказала. Потому что корабль вдруг тряхнуло, а затем стало темно и… легко. Видимо, двигатели корабля перестали работать, и вместе с ними и искусственная гравитация. Я моментально вспомнила свой страх оказаться в железной коробке посреди космоса, и запаниковала. И даже зачем-то попыталась вырваться из объятий Айрдана. Успеха это не возымело, нас лишь знатно помотало и теперь я вообще не представляла, где пол, где потолок… Может, мы висим вниз головой под самым потолком и, когда включится гравитация, нам конец? Если она вообще включится…

– Тс! – шикнул на меня киару на всякий случай, хотя я и так уже затихла. Выждала несколько секунд, показавшихся мне самой чуть ли не десятками минут, и пожаловалась шёпотом:

– Я ничего не вижу!

– Я вижу, – не разделил мою печаль инопланетянин.

– А что произошло? Корабль сломался?

– Лучше бы сломался, – как-то совсем не ободряюще ответил киару. – Похоже, нас поймали сетью. Она отключает полностью всю электронику корабля…

– Кто? – спросила я, почему-то успокаиваясь вопреки всему. Раз поймали, значит, тут рядом есть кто-то ещё, и мы не останемся просто-напросто задыхаться в этой вот железной коробке…

– Скоро узнаем, полагаю, – отозвался Айрдан. – Когда появится гравитация, Мария, пожалуйста, не пытайтесь ничего сделать. Доверьтесь мне. Я Вас… приземлю.

– Я вовсе не из-за Никиты, – зачем-то сообщила я. Совершенно не в тему и, наверняка, напрасно. А с другой стороны… кто знает, как всё

повернётся. Вдруг у меня не будет другого шанса ему об этом сказать? – Вы мне сами по себе… нравитесь.

– Я рад, – серьёзно отозвался он. – Вы мне тоже очень нравитесь, Мария, вот только…

Я вся превратилась в слух – что там у него «только», но по закону подлости, который, кажется, в последний месяц заменил для меня все остальные законы жизни, именно в этот момент появилась гравитация. Вероятно, наш корабль затянули в другой, побольше, или как там это обычно делается…

Киару не подвёл – приземлился на ноги, спружинил и уже потом аккуратно отцепил меня от себя. Зажёгся свет, Айрдан настороженно замер, а затем, кажется, выругался.

– Всё пропало? – не стерпела я.

– Нет, всё наоборот хорошо, Мария, всё хорошо. Это свои.

Глава 21. Свои

Я сидела в самом центре кровати, в каюте и чувствовала себя одинокой. Брошенной и несчастной. Потому что на «военный совет» меня, разумеется, киару не взял, довёл до этой каюты и оставил, толком даже ничего не объяснив и не пообещав.

И я чувствовала себя никому не нужной. Причём, на контрасте с Айрданом это было особенно заметно. Ему обрадовались, его тут же куда-то стали приглашать: что-то обсудить, в чём-то посоветоваться, просто поговорить… понятно, что он – среди своего народа, а я – среди незнакомых мне инопланетян, но, положа руку на сердце, что-то мне подсказывает, что и на Земле было бы почти то же самое. Ну, разве что я могла бы поехать домой к родителям, а не сверлить унылым взором входную дверь в каюту…

Когда дверь стала открываться, я оживилась – неужели киару вернулся так быстро? Или, может, мне поесть принесут? Переодеться?

– Вы кто? – ошарашенно спросила молодая, очень даже симпатичная руанка, застывая на пороге. В руках у неё не было ничего, ни одежды для меня, ни еды…

– А Вы? – не очень-то любезно отозвалась я.

– Что Вы делаете в каюте Айрдана? – уже откровенно неодобрительно произнесла инопланетянка. – Вам что, не выделили отдельную?

– Нет, не выделили, – спокойно согласилась я, совершенно не собираясь слезать с кровати или как-то что-то объяснять. Хотя мысль, что киару, вероятно, просто не успел организовать мне отдельную жилплощадь, а так вообще собирался, неприятно горчила.

– Я распоряжусь, – сообщила гостья, и я не решилась сказать, что не надо. Я и так уже превзошла саму себя и призналась кое-кому в симпатии, и без всяких «только вот», как с его стороны, а он… а кто его знает, что он?

– Распорядитесь, – согласилась я.

– Вы ведь не руанка? У Вас какой-то акцент… – не унималась девушка.

Я промолчала, потому что единственное, что приходило в голову, это «я буду говорить только в присутствии своего киару», но оно тут явно не прокатит. Ни серьёзно, ни как шутка.

А потом эта наглая особа села на кровать рядом со мной.

– Подожду его здесь, – зачем-то сообщила она мне. Спасибо, я и так

догадалась, и догадки мои мне совершенно не нравились. Первое – у неё есть вход в каюту киару. У меня да, тоже есть, но мне хотелось верить в эксклюзив. Второе – она явно пришла его соблазнять. Ну и третье – по сравнению со мной, в совершенно непрезентабельной одежде с чужого плеча, у неё есть все шансы. Да и без сравнения, наверное, тоже есть…

А вдруг эти гадкие медузы в скафандрах вообще полигамны? Не зря же у них нет такого понятия как «жена»? Может, Айрдан в самом деле не видит ничего плохого, чтобы спать со всеми его желающими? И как я ему объясню, что это плохо и неприемлемо? Да никак… Может, его «вот только» с этим и было связано? Или – не знаю, что и хуже, – может, он хотел сказать, что у него есть любимая? Дескать, Вы, Мария, тоже очень мне нравитесь, как и ещё несколько миллионов землянок и инопланетянок, вот только люблю я Сишшуу-не помню-как-там-её. В общем, зелёную эту. Например.

Мы сидели молча. Я краем глаза рассматривала её, она – меня, и, кажется, она всё более убеждалась, что я ей не конкурентка, по крайней мере, мне показалось, что она стала смотреть на меня уже чуть ли не с жалостью. А самое странное, что врезать почему-то хотелось синеглазому бабнику, а вовсе не этой его соотечественнице…

– Ваша каюта готова, – вдруг сообщила мне она. Я вздрогнула и с недоверием на неё посмотрела, потом вспомнила, что руане с техникой общаются в основном мысленно, так что ничего удивительного, наверное. Но неожиданно захотелось всё-таки и ей врезать. Особенно когда она пояснила. – На два этажа вниз на лифте, из лифта налево, до упора. Других свободных нет, к сожалению. Пойдёмте, я Вас провожу. Айрдану я передам, что уже всё сделала, чтобы Вас устроить.

– Спасибо, я сама ему скажу, – мрачно отозвалась я.

И мы продолжили сидеть, наверное, ещё минут пятнадцать, а то и двадцать, за это время я сто раз успела решить, что надо уйти в свою каюту, там проплакаться, закатать губу обратно и никогда больше её не раскатывать, может, мне вообще счастья в любви не суждено… но не уходила, сама не зная почему.

– Киальши? – спросил Айрдан, появляясь, наконец, в каюте. – Какой… сюрприз! Мария, это Киальши, но вы, наверное, уже познакомились?

Она встала и такой походкой направилась к нему навстречу, что даже будь у меня сомнения в её видах на киару, теперь бы они точно отпали. Но что я могу сделать? По крайней мере, прямо сейчас точно ничего. Я молча и внешне спокойно смотрела, как она обнимает его и целует. Спасибо, что не в засос. Плохо, что в губы.

– Может быть, Мария всё же пойдёт к себе в каюту? – мурлыкнула инопланетянка. – Я всё организовала!

– Мария уже в своей каюте, – спокойно сообщил Айрдан. И не надо на меня так смотреть своими синющими глазищами, как будто ты не знаешь, что целоваться на глазах у одной девушки с другой – свинство!

– Что? – растерялась Киальши. – Думаешь, ей что-то угрожает?.. Здесь, на корабле?

Киару пожал плечами.

– Она останется не поэтому, – улыбнулся он.

– Мне уйти? – как-то очень недоверчиво произнесла Киальши, и мне немножечко стало её жалко. Совсем чуть-чуть. Куда больше хотелось сказать «да, пожалуйста, и побыстрее!».

– Киальши, – вздохнул Айрдан, обходя её по дуге и оказываясь между мной и ней. – Спасибо. За понимание. И за внимание.

Я молча проследила за её уходом, а потом встала и тоже направилась к выходу.

– Вы куда? – поймал меня за руку киару, и я скорее умру, чем признаюсь, что именно на это и рассчитывала.

– В свою каюту! – с достоинством, надеюсь, сообщила я. – Любезная Киальша всё организовала. Три этажа вниз и в самый левый угол… кажется.

– А чем Вам плохо тут? – ни капельки не раскаялся этот инопланетный донжуан.

– Очень людно, – скупо объяснила, пытаясь высвободить руку. Никак. И не сказать, что сильно сжал, и не разжать…

– Людно? – переспросил он, видимо, ассоциируя это исключительно с представителями человеческой расы. Потом догадался. – Мария!

– Айрдан! – раздражённо огрызнулась я. – Отпустите меня уже, неужели у вас нет какого-нибудь принципа свободы перемещений или чего-то в этом роде?

Киару пожал плечами и отпустил мою руку. Признаться честно, я растерялась. Ту далёкую каюту я всерьёз как-то не рассматривала, но придётся идти.

Впрочем, дверь открываться не пожелала.

– И? – спросила я, попытавшись открыть, постояв и снова попытавшись.

– Перемещайтесь по каюте. Свободно, – предложил киару. Смешно, ага. – Мария, ну правда, что такого произошло?

– Это Вы мне расскажите, – предложила я, возвращаясь к кровати и

забираясь на неё с ногами. – У неё доступ в Вашу каюту!

– Уже нет. Что ещё?

– Всё! – сказала я, выцепляя подушку и отгораживаясь ею. – С Вами совершенно ничего непонятно! И Вы ничего не рассказываете!

– Расскажу, спрашивайте.

И всё это до отвращения спокойным и доброжелательным тоном. Чёрт возьми, с собеседником, который на всё соглашается, очень трудно поругаться!

Я молча сверлила киару мрачным взглядом. «Спрашивайте» – это, конечно, хорошо, но что спросить-то? Сколько их ещё таких придёт? Точно ли она не вернётся? Будет ли целовать его при каждой встрече, и норма ли это у них?

– Мария, – мягко сказал он, присаживаясь тоже на кровать. – У нас существуют разные степени близости в отношениях. Есть и такая форма, которая не подразумевает никаких обоюдных обязательств, кроме приятно проведённого времени…

Как тут было не вспомнить уже набившее всем оскомину и весьма потасканное «постель – не повод для знакомства!», но я промолчала. Это он сейчас к чему ведёт? Что с радостью со мной переспит, а остальное – не моё дело? Как-то сразу почувствовала себя усталой и измученной. Значит, не выйдет у нас с тобой ничего, киару. Бывает, хоть и горько мне чего-то, невероятно горько…

– Я пойду? – спросила у него, тыкая пальцем подушку. И не надо на меня так укоризненно смотреть, я даже скандалить не буду – мало ли у кого какие традиции, но если они мне не подходят, то я ведь не обязана оставаться?

– Мария, я Вам рассказал о своей семье! – возмутился киару. Вот тоже мне одолжение!

– А я Вас со своей вообще познакомила! – ответила ему, и стала отползать к противоположному от него краю кровати. И подушка со мной. Потому что мне нужна психологическая защита от этого невыносимо-синего взгляда, заставляющего что-то внутри меня отзываться и дрожать.

– Вы специально? – почему-то вдруг начал раздражаться инопланетянин. Я не поняла о чём, но на всякий случай покивала ему, спуская ноги на пол. Не буду спорить, нет у меня на это сил, уйти бы поскорее!

Неожиданно, когда я уже почти встала, рывок назад, подушка летит в сторону, и вот я уже лежу на кровати, надёжно зафиксированная нависшим надо мной киару. Это верхней частью тела нависшим, а кое-где ниже

вполне конкретно прижавшимся.

– Вы. Меня. Выслушаете! – отчеканил он.

– Я и так слушаю! Но Вы же ничего толком не говорите! – обиженно попеняла ему. – Ой!

Мне показалось, что он меня сейчас укусит, но киару Айрдан-ниа-Ши хорошо держал себя в руках. Пока что.

– Я не предлагаю Вам этот формат отношений, если Вы вдруг так подумали, Мария!

– Даже такой… не предлагаете, – закончила я шёпотом, потому что он сделал очень страшные глаза. Но всё же не укусил.

– Вы мне очень, очень сильно нравитесь, – перешёл на шёпот, и я почувствовала, что сдаю позиции без всякого боя, уж очень страстно у него получилось. – Я Вам обещаю – никаких других женщин. Только Вы. Так Вы будете со мной?

– Буду, – сказала, облизывая разом пересохшие губы.

– Хорошо, – шепнул он.

Вот что ни говори, а целуется-то киару куда лучше, чем Никитос. Но ему я, пожалуй, об этом не скажу… а вот Никитосу сказала бы. Просто так. Чтобы знал… м-м-м!

В какой-то момент я «сдала назад», вернее даже не столько действительно сдала, сколько застыла, и киару мгновенно это ощутил. И тоже остановился.

Я молча смотрела на него виноватыми глазами и не знала, что сказать. Слишком быстро? Мне надо сначала в душ, иначе я чувствую себя неловко? Не обижайтесь, Никитосу вот например вообще больше, чем через полгода ухаживаний обломилось, и то зря? Честно говоря, я сама толком не понимала, почему тормознула. Может, действительно рановато?

– Простите, – сказала я. – Я не передумала в принципе, просто…

И беспомощно замолчала.

– Это Вы меня простите, – ничуть не обиделся киару. Вздохнул, правда, при этом тяжело. – Я не должен был торопиться. Хотите есть?

Я кивнула, и он, откупившись от меня едой, сбежал в душ. Возможно, в холодный. Бедный киару.

Увы, но на Киальши поток визитёров не закончился. Впрочем, эта дама вряд ли пришла искать утех, всё же возраст… и, кажется, статус – то, как она держалась, наводило на мысли, что она главнее, чем Айрдан. В какой-то момент я подумала, не его ли это мама – у неё были абсолютно такие же серебристые волосы, но больше сходства не было никакого. На вид я дала

бы ей лет пятьдесят-шестьдесят, будь она человеком, и предположила бы, что она, как минимум, мама олигарха или жена директора завода – сквозило в её взгляде что-то такое…

– Где Айрдан? – спросила она, укоризненно рассматривая крошки на кровати. Я не специально, честное слово. Кто ж виноват, что при всём своём техническом развитии они так и не смогли сделать некрошащуюся еду?

– В душе, – честно ответила я и покраснела, после чего взгляд её стал совсем осуждающим. Только непонятно – меня или его. И за что.

– Отдай ключ! – сказала она, и я как-то даже вздрогнула, подумав, что она это мне. Но нет, это она киару, уже вышедшему из душа.

– Киару Арраан, какой приятный сюрприз! – вроде бы вежливо произнёс Айрдан, но смысл у него получился прямо противоположный.

– Уйду, как только отдашь ключ, – усмехнулась она. – Это решение Совета. Можешь ознакомиться.

Мой инопланетянин на пару секунд прикрыл глаза, затем неохотно кивнул. Но дама хотела высказаться до конца.

– Сам понимаешь, после такого вопиющего пренебрежения правилами безопасности, когда у тебя увели ключ практически из рук, мы не можем оставить тебя смотрителем данного проекта. Твои мысли заняты совершенно не тем, киару Айрдан, – презрительно скривила губы инопланетянка, бросая на меня выразительный взгляд. Это меня, впрочем, совершенно не тронуло, потому что она меня уже размазала своей более ранней фразой – я поняла, что у киару продолжаются неприятности из-за меня. И ведь я лично так ничего и не сделала, чтобы как-то исправить или загладить, киару сам вернул ключ, и моей заслуги нет в этом никакой, скорее, я даже ему мешала. Своими непродуманными действиями, дурацкими вопросами и вообще…

– Мои мысли – не твоя забота, киару Арраан, – как-то лениво огрызнулся синеглазый. А я-то почему-то наивно полагала, что у руан внутренних конфликтов не бывает, что они это давно переросли, преодолели и всё такое…

– Ключ! – сказала она ещё раз.

Мне было очень за него обидно. Во-первых, он же не виноват, что я так подставилась и подставила его, во-вторых, он готов был собой пожертвовать, чтобы исправить пропажу ключа, я уверена, что эта вот мымра и не подумала бы сделать так же, ну и наконец, он же его вернул! Он сам, а не кто-то из других киару, которые, небось, сидели тут в безопасности…

Но спорить Айрдан не стал. Отдал. Некоторое время они молча мерились взглядами, потом она добавила.

– Это не всё. Тебе предписано немедленно вернуться на Землю и не покидать её как минимум три месяца.

– На Землю?! – переспросил мой инопланетянин с такой интонацией, что не обидеться было почти невозможно, даже при всём моём к нему расположении.

– На Землю. Немедленно! – подтвердила Арраан и почему-то вздохнула. Повернулась, чтобы уйти, но вдруг добавила. – Мне жаль, Айрдан. Я, кстати, голосовала за тебя.

Он молча кивнул, и она ушла. Я же не знала, куда девать глаза. Хотелось забиться под кровать и слёзно извиниться откуда-нибудь оттуда, но если бы от моих извинений был хоть какой-то толк!

– Это всё очень странно, – сказал куда-то в пространство инопланетянин. – Мария, что с Вами?

– Вас отстранили из-за меня, – несчастным полушёпотом выдавила из себя. – Я могу как-то помочь?

Айрдан молча сел рядом, притянул к себе, уткнувшись носом мне в шею, всего на пару секунд, но я успела обрасти мурашками, и довольно легкомысленным тоном сообщил:

– Даже если бы дело действительно было в Вас, я бы, пожалуй, не хотел иного развития событий. Но это не так. Они бы нашли другой предлог, чтобы убрать меня.

– Почему Вы так думаете?

– Потому что на Земле мне сейчас реально нечего делать. И Ваша планета – одно из самых удалённых от базы мест. Так что дело не в Вас. Но если Вы хотите что-нибудь для меня сделать…

Я хотела. И пока Айрдан многозначительно меня рассматривал, успела передумать кучу всего, и всяких пошлостей в том числе, и на некоторые из них даже предварительно согласиться…

– Не знаю, прилично ли об этом просить… – подлил масла в огонь синеглазый гад.

– Ну? – поторопила я его, заранее стесняясь и размышляя: если я сначала дам ему по лицу, а потом соглашусь, так можно? Ну, это если предложение уж очень дерзкое будет.

– Давайте перейдём на «ты», – простодушно произнёс киару, но смешинки в его глазах явно указывали, что это он специально меня дразнит.

– О! – сказала я. И не найдя, что бы ещё добавить, просто кивнула.

Глава 22. Завидная добыча для любого киару

У меня на языке вертелись если не сотни, то десятки-то вопросов уж точно, но я решила повременить – пока мы не окажемся на отдельном корабле, летящем в сторону Земли. Или в какую-нибудь другую сторону, так как что-то мне подсказывает, что киару не очень-то хочет подчиняться решению этого их совета и в чём-то их подозревает.

Впрочем, неприятности начались раньше, чем я ожидала. Мы только-только поднялись на борт выделенного нам корабля… и там на нас и напали. Подло и вероломно. Я вообще не успела понять, что произошло, кажется, Айрдана вырубили парализатором, по крайней мере, я надеялась, что он жив. И к моей голове приставили что-то, похожее на оружие. Только похожее или в самом деле оружие, я, понятное дело, решила пока не выяснять.

– Не бойся, – сказали мне. – Я лишь кое-что проверю. Вытяни руку.

Я послушно вытянула, мысленно прощаясь с конечностью на всякий случай, и отчаянно кося глазами в попытке разглядеть напавшего.

Он чуть переместился вперёд, чтобы приложить к моей ладони какой-то приборчик, с виду вполне безобидный, а на деле колющийся.

– Ай! – сказала я, отдёргивая руку.

– Какая нежная землянка, – совершенно без всякого раскаяния сказал этот гад. – Подождём три минуты, и если нхасс наврал, то я отпущу тебя вместе с Айрданом на все четыре стороны.

– А если не наврал? – спросила, холодея, и начиная раскаиваться, что уговаривала киару не убивать Хике. Он бы, скорее всего, всё равно не успел, но мне теперь даже за само намерение обидно… Интересно, что он такого наплёл, пытаясь спасти свою жизнь или же торгуясь за свободу? И почему не сказал мне? Вот же тварь…

– Тогда я заберу тебя себе. И ты не взорвёшься вместе с кораблём и этим вот неудачником…

Это он явно о моём киару. И что-то мне подсказывает, что уже самое время паниковать. А ещё лучше – что-нибудь придумать, какой-нибудь гениальный план спасения всех и вся, но как назло в голову ничего не идёт.

– Надо же, и правда не соврал, – удивлённо-радостно сказал голос, от моей головы убрали оружие, и в поле зрения, наконец, нарисовался руанец.

Он, кстати, был тоже с серебряными волосами, возможно, это отличительный признак всех киару? Или просто распространённый цвет? – Давай договариваться, – миролюбиво предложил он.

– О чём? – настороженно спросила, стараясь не смотреть на лежащего без сознания синеглазого – сразу тянуло расплакаться. – Зачем я Вам?

– Что ты вообще знаешь о киару? – в ответ поинтересовался он, устраиваясь в кресле пилота, и не преминув пнуть лежащего без сознания Айрдана. – Садись, я разрешаю.

Не время показывать характер, – решила я и послушно села. Хорошо ещё, второе кресло было недалеко, но я бы и на пол села, какие, право, мелочи это всё…

– Ничего, – честно призналась.

– Хм, – сказал мой собеседник и бросил презрительный взгляд на своего бессознательного соотечественника. – Если вкратце, то киару – это улучшенный вариант руанца, но вот беда – рождаемся мы крайне редко. И это исключительно дело случая – родится в семье будущий киару или обычный руанец.

– А я-то тут при чём? – аккуратно полюбопытствовала, с надеждой поглядывая на Айрдана. Вдруг, пока я тут зубы заговариваю его коллеге, он очнётся и что-нибудь предпримет. Хотя если вспомнить, сколько огромный ррругг тогда пребывал без сознания… эх!

– Ты родишь мне киару, – без тени сомнения выдал этот псих. – Надо только чуть-чуть тебя доработать.

Доработать меня, ага. То есть закончить то, что не получилось у Лалиры – добить. Хотя её интересовал исключительно вирус, а не моё благополучие, так что, может, тут у меня шансов выжить чуть больше? Если не принимать во внимание, что я не собираюсь соглашаться.

– И зачем мне это? – спросила я, стараясь не показывать своего отчаяния.

– Я щедрый, – сказал он и очень неприятно улыбнулся. Хотя, наверное, думал, что приятно… и глаза у него были неприятные – бесцветно-белые. Мой киару куда красивее, и если уж рожать маленьких киарчиков, то хотелось бы от него… вот только обстоятельства как-то вышли из-под контроля и вообще взбесились. – Что бы ни пообещал тебе Айрдан, я дам в два раза больше. Чего ты хочешь?

– Может, я люблю его? – мрачно предположила.

Псих весело хмыкнул, однако ставить под сомнение моё утверждение не стал. Даже наоборот:

– Тогда я оставлю его в живых, чудесная сделка, не правда ли? Он

придёт в себя через пять-семь часов, а корабль взорвётся через три после вылета. Но если мы договоримся, я дам ему долететь до Земли. Дальше ничего не обещаю, хотя там уже и неважно будет, но, по крайней мере, прямо сейчас он не умрёт.

– А если я ни на что не соглашусь? Отправите меня с ним?

Не то чтобы я и в самом деле решила отважно самоубиться, но надо же рассмотреть все варианты, разведать ситуацию со всех сторон, так сказать… Вот только с какой стороны ни посмотри, всё какая-то жо… жесть получается.

– Зачем же? – с удовольствием поддержал разговор псих. – Я тебя вырублю и заберу с собой, а потом сотру память за последние несколько месяцев подчистую, и внушу, что ты любишь меня. Есть, конечно, некий шанс, что ты сойдёшь с ума или впадёшь в кому, но выносить ребёнка ты сможешь и в этих случаях. Просто я против излишней жестокости… да и делать детей приятнее всё-таки с нормальной женщиной. Ну так что?

– Я могу подумать? – ну что же такое-то? Где же кто-нибудь, кто придёт проверить, почему киару так долго не улетает? Или сам киару каким-нибудь чудом пусть очнётся… Или… ну я не знаю что. Ну произойди же что-нибудь!

– Двадцать секунд тебе хватит? – вот же тварь…

– Нет, – сказала я. – Не хватит!

– Хорошо, двадцать пять!

– А Вы и правда щедрый, как я посмотрю, – буркнула, с ужасом понимая, что, кажется, придётся согласиться.

Бросаться на него бесполезно – реакция у руан в принципе куда лучше человеческой, а уж о киару что и говорить… и ещё он на порядок сильнее и вооружён. А я даже карате или айкидо не владею…

– Где гарантия, что Вы не обманете меня и не взорвёте корабль Айрдана через три часа в любом случае?

– Я при тебе сейчас деактивирую взрывчатку. Ну что?

– Да, – сказала я со вздохом, пытаясь успокоиться тем, что мне никто не помешает попытаться сбежать. И прикончить этого типа. – А что Вы скажете остальным?

– Никто не узнает, это не их дело. Для всех ты улетела с киару.

– А Айрдан? Если он будет жив…

– У него будут проблемы поинтереснее, не переживай.

Вот да, теперь-то я точно сразу успокоилась, ага.

– …но ты права, надо обеспечить ему непрерывный крепкий сон до Земли. Чтобы не путался под ногами, – хмыкнул так и не представившийся

киару, и я мысленно взвыла. Что я творю! Хотя наивно было бы полагать, что он сам об этом не подумает… но всё равно.

Псих легко подхватил так и не пришедшего в сознание Айрдана и направился в отсек с медкапсулой – это я потом поняла куда, а так шла за ним, как привязанная, и мучительно соображала – может быть, надо наброситься? Напрыгнуть сзади… вдруг это единственный шанс? Наверняка, единственный, а значит, ошибиться нельзя. Надо выбрать правильный момент…

Выбрать тот самый момент никак не получалось. Возможно, потому что я слишком хорошо представляю не то что разницу, а целую пропасть между своими и его возможностями, а может, просто отчаянной наглости и решимости мне не хватило… но пока я мучилась и сомневалась, мы уже пришли. Гад – буду называть его так, не заслуживает он называться «киару» – разместил свою жертву в капсуле и на экранчике замигали цифры, которые я хоть и не без труда, но опознала как «десять». Десять дней искусственного сна? И, чёрт возьми, ни одной кнопки, чтобы это исправить! Даже если мне удастся отвлечь как-то этого ирода, я всё равно не смогу ничего сделать. Проклятые руане и правда общаются с техникой мысленно. Впрочем… должна же быть аварийная кнопка отключения, правда? Во всех важных «механизмах» они есть, Айрдан мне как-то даже показывал на корабле… но где? Где?!

– Идём! – прикрикнул на меня похититель.

– Иду, – послушно сказала я. И, помявшись ещё немного и чувствуя себя небывалой бестолочью и бездарностью, пошла к выходу. Но так как постоянно оборачивалась, умудрилась не вписаться в дверной проём, больно встретилась со своеобразным косяком и со стоном сползла на пол. И, наконец, увидела выключатель – внизу капсулы. И с одной стороны, ура, наконец-то я его нашла, а с другой – ну и что с того, что нашла? Не побегу же я сейчас обратно эти два метра на глазах у всё более хмурого киару-гада? Потеряв терпение, он сделал шаг ко мне, и я инстинктивно шарахнулась, а затем решила развить успех, воспользовавшись таким прекрасным предлогом, и с полувизгом-полухрипом преодолела нужное мне расстояние, и теперь спиной прижималась к капсуле.

Вот я бы сама на такое представление не купилась. Но то ли этот инопланетянин много разных психически-нездоровых повидал на своём веку, то ли не предполагал с моей стороны никаких подрывных действий, ибо мы же договорились, но оттаскивать меня за шкирку от капсулы он не стал. Мне показалось, что ему вообще хочется на меня плюнуть и таки подорвать вместе с синеглазым, а то ну как нарожаю я ему

неуравновешенных киаручат…

– Простите. Я испугалась, – на всякий случай пояснила. Пусть думает, что я почти нормальная, просто шуганная.

Он молча отвернулся и пошёл вперёд, а я нащупала-таки заветный рычажок и отключила капсулу. Прости, Айрдан, но, кажется, это – единственное, что я могу для тебя сделать. Ну, и ещё нервы потрепать этому предателю, в меру своих скромных возможностей.

Дальше было сложно. Мне хотелось убраться с корабля как можно скорее, чуть ли не за руку утянуть этого гада, пока он по какой-то нелепой случайности не решил заглянуть ещё раз в медотсек и не включил капсулу обратно. А он как назло делал всё неторопливо, словно бы постоянно любуясь собой и давая мне возможность полюбоваться. Отключая взрывчатку, долго расписывал, как бы разваливался корабль, и что это практически идеальный вариант, чтобы не осталось никаких следов… Я невольно запоминала, отчаянно надеясь, что это мне никак не пригодится.

Но всё, к счастью, имеет свойство заканчиваться, и эта пытка ожиданием закончилась – мы перешли на другой корабль, кажется, псих тоже собирался куда-то отчалить.

Новый виток издевательств над моей и так уже измученной психикой не заставил себя долго ждать – в каюту, которую я считала пусть и тюрьмой, но исключительно своей, вошёл мой похититель. Немного презрительно меня осмотрел и бросил снисходительно:

– Ладно, раздевайся!

Я потеряла дар речи на несколько секунд, открыла и закрыла рот раза три, и только потом смогла произнести:

– З-зачем?

– Познакомимся поближе, – начал в свою очередь раздеваться инопланетянин.

– Нет-нет-нет-нет-нет! – протестующе забормотала я. – Прекратите! Я не могу, я не готова, Вы же говорили, что надо ещё что-то доработать!

– Да ладно тебе, – как-то даже немного обиделся этот странный инопланетянин. – Что за представление? Я не кусаюсь, мы же обо всём договорились!

– Об этом мы не договаривались!

– Ладно. Что ты хочешь? Только говори сразу прямо, не морочь мне голову. Я этого не люблю.

– Как Вы так можете?! Я даже не знаю, как Вас зовут! – в отчаянии выкрикнула я, судорожно озираясь в поисках хоть чего-нибудь, что можно расценить как оружие.

– Анмирен.

– Нет, я не хочу! – объявила, чуть отойдя от первого шока и осознав, что силой принуждать меня он вроде бы не собирается.

– Если тебе не понравилось с Айрданом, это ещё не значит, что не понравится со мной… – сделал ещё одну попытку, и не знаю, что он прочёл на моём лице, но его осенило. – Погоди-ка! У вас с ним что, ничего не было?! А зачем он таскает тебя с собой повсюду?!

– Как талисман! – огрызнулась я, потому что этот Анмирен начал самым безбожным образом ржать. Но хорошо хоть раздеваться перестал.

– Нет, я не верю, – сказал он. И снова заржал. – Ладно, – отсмеявшись, – убедила. Считай, что твоя цена подросла. Можешь привыкать, пока летим, но потом отказа я не приму.

– А куда мы летим? – уцепилась я за возможность сменить тему.

– Туда, где тебя приведут в нужное состояние, – ответил Анмирен и задумчиво посмотрел на куртку, которую успел снять. – Так значит, нет?

– А за что Вы так не любите Айрдана? – нет, нет и ещё раз нет, чего непонятного-то? Сам же дал мне время на привыкание, чего теперь каждые две минуты переспрашивать?

– Выскочка он, твой Айрдан, – неприязненно поморщился гад, но куртку – ура! – всё-таки надел. – И идеалист. Таких никто не любит. Ну… – он посмотрел на меня и добавил, – кроме идиоток.

Мне очень хотелось огрызнуться, что это звучит как зависть, но если честно, я очень его боялась, этого неприятного инопланетянина с холодными и блёклыми глазами. Я чувствовала, что для него я – вещь. Инкубатор будущих киару. И дело даже не в том, что он обращается на «ты» после длительного «выканья» синеглазого, это вот неуважение и пренебрежение сидит где-то глубже, чем местоимения, и сквозит в каждом слове очень отчётливо.

– Хотя… – не унимался этот тип, – возможно, он уже немного поумнел и понял что-то об этой жизни. Это ведь он сделал тебя такой? Вот только, интересно, как? Сам не мог, он ни черта не смыслит в генетике…Тогда кто? Что молчишь?! Скажи, кто тебя изменил, не зли меня!

– Лалира, – чуть подумав, сдала я причину своих сегодняшних бед. Злить гада действительно не хотелось. Я ведь всё равно ему всё расскажу, если он захочет – терпеть пытки я не обучена, а этот вряд ли перед чем-нибудь остановится… вот только как я перед самой собой ни оправдывалась, ощущение предательства меня не покидало. Это и в фильмах так. Если герой сдал кого-то сразу, то он предатель, если перед этим ему успели сломать пару пальцев и выколоть глаз – то уже не

предатель, просто недостаточно стойкий человек.

– О как! – протянул Армирен. – Тогда признаю, Айрдана я недооценил. Вот только странно, что она не довела до конца… почему?

– Не знаю, – как можно искреннее сказала я. Признаваться, что «конец» в данном случае – это мой летальный исход, не хотелось. Вряд ли он просто высадит меня на ближайшей обжитой планете, если поймёт, что я ему не пригожусь. – Правда не знаю!

– Странно, странно… ну да ладно, они разберутся. Если что, я доставлю им в помощь Лалиру… нет, ну надо же! А почему он всё-таки с тобой не спал?

– А давайте вернём его и спросим! – мрачно предложила я. Из-за этого гада я уже и сама начинаю задаваться этим вопросом. Ну и что с того, что я сама тормозила… мог бы как-то уговорить что ли. И было бы у меня, по крайней мере, хоть что вспомнить и что представить потом, если не удастся выбраться и придётся и в самом деле иметь дело с этим психом…

– Зачем же? Давай просто проверим? – нехорошо прищурился он на меня, и я разом утеряла с таким трудом обретённое шаткое равновесие.

Только через несколько часов я поняла, что это у него такая игра. Что вгоняя меня в состояние паники и держа в постоянном стрессе он получает не меньше, а возможно, и больше удовольствия, чем если бы воплотил свои угрозы в жизнь. Но сильно легче от этого не стало. Я была издёргана, измучена, переживала за Айрдана – а вдруг этот гад обманул меня и взорвал-таки корабль, или ещё как избавился от своего коллеги, переживала за себя – а вдруг меня никто не спасёт, и сама я не спасусь, и уже даже начала прикидывать, а смогу ли я перерезать этому гаду горло. Даже не столько в физическом плане, сколько в психологическом. И с каждой его шуткой, утверждалась в мысли, что, может, и смогу. Во имя собственного психического здоровья. Вот только представился бы шанс…

Глава 23. Да!

– Надо всё сделать за неделю максимум, – сказал Анмирен кому-то. Я не видела, с кем он разговаривает, потому что лежала в аналоге медкапсулы, а вокруг собрался консилиум врачей-экспериментаторов.

– Даже если мы запустим процесс мутации сегодня, – протянул скрипящий голос, – понадобится две недели, чтобы он завершился. Ускорять опасно, повышается риск гибели особи. И в течение двух недель рекомендуется медицинский присмотр…

– А сегодня мы не запустим, так как нам необходимо тщательно изучить особь и уже произошедшие мутации, чтобы точно рассчитать состав инъекции… – вступил в диалог кто-то третий.

– Я заберу её через неделю, – не сдался Анмирен. – Запустите мутацию послезавтра, и если до конца недели ничего не произойдёт фатального, то и дальше уже не должно.

– Вероятно, Вы правы… – просипел первый. – Я правильно понимаю, что Вас интересует в первую очередь увеличение вероятности рождения киару до максимума, а выживание особи после родов – второстепенно?

– Да, – хладнокровно подтвердил негодяй. – И полная методика изменения. Я доставлю Вам ещё несколько особей для экспериментов чуть позже.

– Нужен изначальный вирус, к сожалению. Мы можем описать некоторые его характеристики, но этого совершенно недостаточно, чтобы предположить состав. Даже если бы мы знали в деталях, как протекала мутация, всё равно назвать точный состав не смогли бы…А любая ошибка в дозировке компонентов – фатальна…

– Я привезу достаточно материала для эксперимента, – пообещал гад, и мне показалось, что волосы у меня встают дыбом. Материал для эксперимента – это, видимо, землянки. Кажется, фильмы ужасов стремительно становятся реальностью – похищение женщин и скрещивание с инопланетянами, это же почти классика! А ещё он, наверняка, попробует украсть Лалиру. Может быть, это мой шанс и меня найдут вместе с ней? С другой стороны, возможно, что к этому моменту я уже успею мутировать так, что меня ничего не спасёт…

Всё не просто говорило, всё буквально кричало о том, что надо бежать. Но, как ни печально, одного желания оказаться подальше отсюда было мало. Хорошо хоть, гад улетел, по своим злодейским делам, не иначе, и

вернуться обещал ровно через неделю. Вернее, мне-то он ничего не обещал и не объяснял, я подслушала. Он даже не стал дожидаться, пока меня выпустят из капсулы – в место временного, надеюсь, содержания меня вели уже местные. Мне, кстати, никак не удавалось понять, как же они выглядят – эти существа были в скафандрах, и я невесело усмехнулась, вспомнив свои мысли в начале знакомства с Айрданом… вот всё-таки дура я, что не переспала с ним, дура!

Интересно, как он там? До этой планеты мы летели около суток, по моим ощущениям, так что мой киару уже давно должен был прийти в себя и понять, что что-то неладно. Вот только будет ли он меня разыскивать? Не зря же, наверное, гад Анмирен – все киару у них зовутся на «А», это я заметила, да, – грозил Айрдану какими-то неприятностями, куда более интересными, чем я. А ведь и правда, если выбор встанет между мной и благополучием руанского народа, нет сомнений, что он выберет второе. И я не знаю, достаточно ли я мудра, чтобы это принять…

Комната, в которой мне предстояло коротать время, была белоснежной и, наверняка, стерильной. Я так ясно ощущала себя лабораторной мышью, что не удивилась бы, обнаружив в комнате что-то наподобие колеса, лабиринта или ещё какую «мышиную» забаву. Но нет, не было. Хотя ощущение, что я – мышка в западне, никуда не делось. Разумеется, дверь на свободу я открыть сама не могла, окон не было – вместо них экраны, показывающие постоянно меняющиеся пейзажи и дающие якобы дневной свет. Вот и как отсюда бежать? Рыть ложкой подкоп явно некуда и бесполезно, да и ложек-то нет, вся еда в виде бутербродов. Мне даже с собой тут не покончить – если бы вдруг эта безумная мысль и в самом деле меня посетила, потому что даже острых углов нет, не говоря о колюще-режущих предметах… а просто долго и целеустремлённо биться головой о стенку, я не готова.

Первая попытка бегства не удалась, но как было не попробовать? Я рассудила, что раз из комнаты выбраться не могу, то бежать надо по дороге, или же из самой лаборатории. Естественно, у меня ничего не вышло – первая же межкоридорная дверь надёжно меня остановила, и сделать я ничего не смогла – ни с ней, ни со своими конвоирами в скафандрах, которые неспешно, но метко пальнули в меня из парализатора.

Вторая попытка также потерпела сокрушительный провал, несмотря на то, что я даже смогла похитить у одного из сопровождающих оружие – они вообще довольно медленные, эти неизвестные в скафандрах, так что я выхватила парализатор у одного и выстрелила во второго… но без всякого эффекта. А вот меня ответный залп предсказуемо вырубил.

И судя по тому, что они совершенно не принимали меня всерьёз, изъянов в своей системе, которыми я могла бы воспользоваться, они не видят. Мне не добавили конвоиров, не проводили со мной беседы о должном поведении, ничего… и от этого было как-то совсем тоскливо. И Айрдан всё не появлялся… я даже стала сомневаться – а есть ли у него вообще шанс меня разыскать? Поймёт ли он, кто на него напал? А вдруг его перехватили пираты? Или ещё какой недоброжелатель… ох, киару. И зачем я с тобой связалась? Или ты со мной…

Наступило и то самое «послезавтра». И, честно говоря, я даже не поняла, вкололи они мне что-либо или нет – меня традиционно отконвоировали в лабораторию, помурыжили в капсуле и вернули в комнату, при этом ничего необычного я не чувствовала…

Вот разве что утром следующего дня я проснулась от того, что оборудование в моей комнате сошло с ума – нечто очень похожее на то, что творилось с мебелью на планете, имени которой я не помню, и где остались тренироваться мои соотечественники. Хорошо ещё, здесь не всё было такое высокотехнологичное, и кровать, например, была просто кроватью и вела себя прилично. А вот дверь, часы, экраны и прочие – сошли с ума. Удивительно, но я не впала в панику, наоборот, в голове всё как-то моментально прояснилось – вот он, мой шанс на побег. Если я правильно понимаю, и мироздание на моей стороне, скафандры у моих тюремщиков тоже сойдут с ума и не будут их слушаться, также как и двери в коридорах. А значит, бежать!

Я почти справилась. По крайней мере, с коридорами и лестницами – честно говоря, я плохо представляла, куда бегу, но вроде бы Анмирен сажал свой корабль где-то тут не очень далеко, что если там есть ещё чей-то… вот вроде бы и тот коридор, по которому мы шли… и… нет. Нет! Ну как же так?!

Сердце моё упало, и я остановилась как вкопанная. Навстречу мне шёл этот гад. Но как же это его «через неделю»? Или я настолько потеряла счёт времени? Может быть, меня водили в лабораторию не каждый день? Может, я слишком долго валялась без сознания после этих их парализаторов? Или же что-то пошло не так, и его вызвали раньше? О боже, какая насмешка!

И ведь что дальше, что обратно бежать бесполезно – в присутствии киару – видимо, любого киару – техника перестаёт сходить с ума, вот и дверь за моей спиной захлопнулась и, кажется, открываться не планирует. Так что я, потеряв всякую волю к сопротивлению – да, слишком рано, вы правы, но что делать, если я оказалась слабаком? – просто стояла и ждала,

пока он ко мне подойдёт и отведёт обратно в лабораторию. Впрочем, ему даже не придётся делать это самому – вон уже идут мои конвоиры, их скафандры, очевидно, тоже начали слушаться…

Что было дальше я не знаю, потому что в попытке реабилитироваться перед заказчиком, а может, просто опасаясь новых неожиданностей, эти в скафандрах выстрелили в меня из парализатора, и я провалилась в уже привычную темноту.

Для меня прошло буквально несколько мгновений, и я так хорошо помнила события, предшествующие беспамятству, что открывать глаза не хотелось. Ведь что я там смогу увидеть? Опостылевшую белизну своей комнаты-тюрьмы? Лабораторию? Корабль Анмирена? Даже не знаю, что и выбрать, так всё не заманчиво.

Не открывая глаз, почувствовала, что ко мне кто-то подошёл, и когда он попытался взять меня на руки, изо всех сил ударила головой в лицо. Перед закрытыми глазами запестрели звёздочки, а мой неизвестный противник зашипел, но меня не бросил. Повторять удар головой я была не готова, зато вот вцепиться в горло очень даже хотела. И вцепилась. Глаза, правда, пришлось открыть… и на секунду я зависла. Потому что на меня смотрел не Анмирен, на меня смотрел Айрдан, и не сказать, чтобы очень уж дружелюбно смотрел. И брови вон вопросительно-осуждающе приподнял…

Но я же видела Анмирена! А значит… значит, это он пытается меня обмануть, замаскировавшись под Айрдана. Ну конечно! От осознания такой огромной подлости я ещё больше разозлилась и, стиснув шею негодяя с новой силой, вступила с ним в диалог.

– Ах ты гад! – прошипела я, и гад почему-то удивился. А может, мне показалось, потому что у него явно кончилось терпение, и он каким-то одним скользящим движением опустил меня на ноги, и руки мои со своей шеи снял и за моей спиной их зафиксировал. И всё бы ничего, но так получилось, что мы прижимаемся друг к другу, и моё глупое тело, желая верить глазам, а не логическим выводам, отреагировало как на Айрдана. Или же это опять вирус разбушевался…

– Что?! – спросил тем временем вероломный гад. – Что случилось?!

– Ненавижу Вас, – сообщила я, начиная всхлипывать. – Это подло!

– Мы же перешли на «ты», – как-то обречённо вздохнул он. – Как ты себя чувствуешь?

– Когда это? – недоверчиво прищурилась я. А всё-таки ведь как похож… и голос похож…

– М-да, – вздохнул он. – Зря я поскромничал тогда. Надо было что-то

другое просить, раз ты… раз Вы всё равно ничего не помните, Мария Романова. Как Вы себя чувствуете?

– А… а… Айрдан? – спросила, чувствуя себя невероятно, просто фантастически глупо. Неужели и правда он?

– Лалира, – вконец обеспокоился синеглазый, взглянув куда-то в сторону. – Что с ней такое?!

Не знаю, какой диагноз поставила или ещё только собиралась мне поставить инопланетянка, потому что я вдруг начала истерически смеяться. И эти чокнутые руане вместо того, чтобы посмеяться над недоразумением вместе со мной, вкололи мне какую-то штуку, от которой я сразу же заснула. Ах да, я же не успела им рассказать, что за ошибочка вышла…

– Сколько моих рисунков у тебя было? – спросила я едва проснулась и открыла глаза. И еле сдержалась, чтобы снова не наброситься, на этот раз с поцелуями. Он ведь шарахнется от меня, наверняка!

– Семь листов, на одном два рисунка, – отозвался мой любимый синеглазый инопланетянин, даже почти без удивления. Я повернулась на бок и теперь мы лежали друг напротив друга, вроде бы и близко – сантиметров тридцать, но всё же слишком далеко…

Я решила спросить ещё.

– А сколько землянок у тебя было?

– А этого, Мария Романова, я тебе не говорил, – улыбается. – Как ты себя чувствуешь?

– Глупо, – честно призналась я. – И очень… глупо. Так сколько?

– Нет, этого я тебе не скажу, – не поддался на провокацию Айрдан.

– А инопланетянок?

– Нет.

– А как ты меня нашёл?

– Это расскажу, – и так, зараза, улыбается и смотрит, что мне хочется не разговаривать, а трогать. Но я держусь.

– Когда? – нет, всё-таки не совсем держусь, протягиваю руку и легонько провожу пальцами по его губам. А дальше я вообще ни при чём – рука сама скользит ниже, вот ложится на грудь, гладит там, ползёт чуть ниже – пресс проверить и позавидовать…

– Могу сейчас, – соглашается Айрдан и тоже протягивает руку, гладит меня по щеке. И – нахал! – рука, как и моя, скользит ниже.

– Ага, – честно стараюсь сохранить невозмутимый вид. Хотя, может, плюнуть уже на приличия и стеснительность? Свалю на вирус всё потом… м-м-м!

Киару сдался первым – убрал мою руку, пока она не уползла ещё ниже, и попытался вернуть разговор в вербальную плоскость. По крайней мере, он как-то судорожно вздохнул, зажмурился и полным страдания голосом начал:

– Мария…

– Да! – сказала я, рывком преодолевая эти несчастные тридцать сантиметров и прижимаясь к нему. – Да!

– Тебе надо поесть и в медкапсулу, – сделал ещё одну попытку.

Я поразмыслила пару секунд. Есть не хотелось, а при мысли о медкапсуле у меня и вовсе начинался нервный тик. Я там и так уже практически прожила последние несколько дней, хватит с меня! Так что я просто поцеловала несговорчивого инопланетянина, и это как-то сразу устранило все противоречия – чем же стоит заняться прямо сейчас.

И уж не знаю, дело было в количестве землянок и инопланетянок, которое перешло в качество, или просто киару сам по себе такой талантливый, а может, причина в том, что я влюблена в него по уши, но мне понравилось просто несказанно. Если бы я знала, что это бывает так, я бы, наверное, проявила куда больше настойчивости тогда под действием аггру, да и вообще, даже и без аггру бы…

– Мы летим на Ригтри, – ответил на мой вопрос Айрдан. Немного выждал и пояснил. – Планета, где твои соотечественники проходят обучение.

– Зачем? – поинтересовалась я, невольно взмахивая импровизированным бутербродом. От своего плана – накормить и запихать в медкапсулу – киару, похоже, не отступил.

– Я не могу понять, в чём подвох, – чуть помедлив, признался синеглазый и как-то устало вздохнул. – Зачем отбирать у меня ключ, если его всё равно доставили туда же, на Ригтри?

– А он уже там? – как же хочется его обнять, но как-то неловко – будь моя воля, я бы вообще от него не отрывалась, но это же не значит, что и он так же? А вдруг ему вообще не очень-то со мной понравилось, ему ведь есть с чем сравнить, небось, и землянки у него были куда более опытные, и инопланетянки…

– Вроде как там. Заодно и проверим.

– А тебе туда можно? Ну, в смысле, тебя же направили на Землю!

– Направили, – кивнул Айрдан. – Но можно, если очень нужно. Особенно, если никто не узнает!

– А где, кстати, этот, Анмирен? – опомнилась вдруг я. Это было важно.

Потому что в идеале его надо бы прикончить, и вовсе не потому, что я такая злая и обидчивая, а чтобы знание о «потенциале» землянок, как инкубаторов для киару умерло вместе с ним.

– Не знаю, может, как раз там, на Ригтри, – улыбнулся мой инопланетянин и послушно откусил от подсунутого бутерброда.

– Но я же видела его там… в коридоре…

– Ты видела меня, – немного укоризненно сообщил Айрдан. – В маскировке. – И добавил уже вполне себе обвиняюще. – И душила тоже меня! Без маскировки!

– Прости, – послала я ему извиняющуюся улыбочку. – Готова компенсировать. Чего изволите?

– Хм, – сказал киару. И, чуть прищурившись, сообщил, чего именно изволит. Чтобы тут же с удовольствием пронаблюдать, как я становлюсь розовой, а то и красной. Какая, однако, беспардонная месть!

– Какой Вы, оказывается, бесстыжий, киару Айрдан-ниа-Ши! – попеняла я ему. – А с виду такой воспитанный инопланетянин… был.

– Ну, хорошо, – пошёл «с виду воспитанный» на уступки. – Свет можем выключить. Я прекрасно вижу в темноте.

– Нет, – сказала я.

– Как скажешь, значит, свет оставим, – уже совсем развеселился синеглазый, и мне пришлось его даже лягнуть.

– Ты знал? – спросила, возвращаясь к серьёзному разговору.

– Что именно? – вздохнул Айрдан. – Ты доела?

– Нет, – сказала я, хватая ещё один бутерброд. Если честно, я изначально-то не очень хотела есть, теперь и подавно, но у меня ещё куча вопросов, которые надо успеть задать до того, как кое-кто отправит меня в медотсек.

– Про меня. Про кровь. Ну, вернее, про особенности…

– Увы, – вздохнул он. – Я ничего не смыслю в этом, если бы знал, то убил бы нхасса сразу!

«Несмотря на твои уговоры» не прозвучало, но я всё равно чуть виновато вздохнула. Да, как это ни печально, но в своих проблемах я виновата именно что сама. По крайней мере, в львиной их доле.

– А что, родиться киару – это и правда так круто?

– Не знаю, – пожал плечами и улыбнулся. – Я другого не пробовал.

– Отвечай, не увиливай! – потребовала, снова подсовывая ему свой бутерброд.

Киару на этот раз от еды увернулся, но на вопрос всё-таки ответил:

– Вообще, до относительно недавнего времени киару не были в таком

уж почёте у руан. Всё изменилось, когда началась война с нхассами, и выяснилось, что мы можем видеть их истинный облик, а остальные руане не могут. Ну и в принципе, что киару практически невозможно что-либо внушить. Тогда и был создан совет киару…

– А кстати, что это за проект-то, ради которого всё затевалось? – надо же пользоваться минутой откровенности синеглазого. Ну, хотя бы попробовать!

Айрдан помолчал, задумчиво на меня глядя, и – воистину что-то странное случилось! – ответил.

– Идея в том, чтобы активировать и растянуть некий аналог щита. Это позволит отсечь все корабли нхассов от большей части наших планет, и высвободит ресурсы для нападения. Сейчас мы вынуждены возле каждой планеты держать оцепление из кораблей, и у нас нет возможности нанести консолидированный удар по нхассам и закончить войну.

– А кто и почему может быть против? Зачем это Анмирену и прочим? Он ведь не один?

– Тоже думаю, что не один… Зачем? Возможно, боятся, что когда не будет угрозы со стороны нхассов, киару резко утратят свою значимость и власть. А терять не хочется.

– А как ты меня нашёл? – наконец, спросила я, втайне ожидая услышать историю о нечеловеческих подвигах и страданиях во имя любви. Ну хоть немножечко, ну хоть коротенькую!

– Мне помогла Араанн, – ответил он. И всё. Это и вся история? Я немного подождала, но это и правда было всё.

– Знаешь, – не удержалась я, – Анмирен и то разговорчивее… был!

– Я связался с ней, – неохотно пояснил мой киару, – выяснил, что тебя нигде на том корабле нет, выяснил, кто улетел ещё за эти несколько часов, потом поймал момент, когда корабль Анмирена вышел на связь с базой и считал его логи – куда он летал… и вот.

На этом киару отобрал у меня так и не начатый бутерброд и отправил в медотсек. Меня, не бутерброд, разумеется. Ну, как отправил… сначала сказал «иди». Потом сам же удержал и поцеловал. Потом я сказала «иду!» и тоже поцеловала… но до медотсека я всё же дошла.

Глава 24. На Землю

Чтобы остаться незамеченными, приземлились мы довольно далеко, чуть ли не на другой стороне планеты, и чтобы попасть на базу требовался ещё перелёт на катере.

– Если я скажу тебе возвращаться, ты без всяких пререканий бежишь к катеру и летишь на корабль, – ультимативно заявил Айрдан, не торопясь поднимать этот самый катер в воздух.

Я надеялась отмолчаться – то, что он требовал, обещать не хотелось, но не тут-то было.

– Я жду. Явного и осмысленного согласия, – сообщил киару. Как жаль, что это он всего лишь про катер…

– А мне разве можно в одиночку в катер? – нерешительно поинтересовалась. – Он не сойдёт с ума?

– Нет, твоё состояние стабильное, разве Лалира не сказала?

– Сказала, – послушно подтвердила я. Но этой инопланетянке я с некоторых пор не очень-то доверяю. – Так летим?

– Либо обещай, либо вылезай, – очень миролюбиво, но твёрдо предложил киару, и я, скрепя сердце, пообещала. А пальцы скрестила просто на всякий случай.

На базу мы, вроде бы, так же прокрались незамеченными. По крайней мере, нас никто не встретил, тут была ночь, и я, честно говоря, уже даже подумала, что кое-кто перестраховывается, и можно было бы не заморачиваться такими предосторожностями, не оставлять катер не пойми где, не пробираться через сад, вызывающий разные волнующие воспоминания…

Пустынные полутёмные широченные коридоры, в которых гулко отдаются шаги и кажется, что по этому звуку нас непременно и обнаружат, а с другой стороны, а кому мы вообще нужны?

– Куда мы идём? – шёпотом спросила я, но ответить он не успел, если и собирался – в это время раздались голоса откуда-то из-за поворота. И пока я затравленно оглядывалась – прятаться вроде бы и негде, кругом только двери в чужие комнаты, которые открываются только хозяевам, Айрдан бесцеремонно распахнул одну из дверей – киару, что с него взять, и затащил меня внутрь.

Я успела пережить несколько мгновений мучительной неловкости, представляя, что мы вломились, например, к Никите и этой его Анжелине,

в самый неподходящий момент, или ещё к кому-то, мало ли, чем люди по ночам занимаются и в каком виде спят… Но комната оказалась пустой.

Впрочем, не успела я перевести дух и облегчённо выдохнуть, как киару схватил меня в охапку – порадоваться неожиданно нахлынувшему на него приступу страсти я тоже не успела, и мы переместились к двери в ванную, задержались там на пару секунд, но потом всё же нырнули внутрь.

– …прилетел? Я ожидала увидеть именно его, – с ужасом услышала я женский голос. Голос говорил на руанском, но хорошо это или плохо в данной ситуации я не определилась. – Можете переночевать здесь, а завтра вылетаем. Ключ… останется у Вас?

– Да, – отозвался Анмирен. Я невольно взглянула на всё ещё обнимающего меня киару. Кажется, этому голосу он искренне обрадовался.

– Неужто и на базу сами повезёте? – на мой взгляд, женщина была на грани хамства. И этим сразу мне понравилась – сама-то я так и не решилась ему нахамить.

– Я не настолько безумен, как этот ваш Айрдан, – огрызнулся гад, а я уставилась на своего киару с подозрением. Что значит «ваш»? – Завтра выберу, кому отдать из людей. Сам выберу.

Женщина только фыркнула и, холодно попрощавшись, ушла.

А гад остался. Айрдан обнял меня покрепче, видимо, чтобы ждать неизвестно чего было не так скучно.

– Подождём, – и в самом деле шепнул он. И погладил меня по спине. Этак он дождётся чего-то вовсе не того – не мы сделаем сюрприз Анмирену, а он нам, застав в тот самый неподходящий момент… мало ли, когда ему приспичит посетить удобства.

– Чего ждём? – спросила я, стараясь говорить совсем-совсем тихо. Практически выдохнула прямо в инопланетянское ухо.

– Вдруг ещё кто придёт. Дать ему по голове я успею…

Айрдан оказался прав. Где-то через полчаса, которые я даже не знаю что больше: наслаждалась или мучилась, в комнате появился кто-то ещё. По крайней мере, гад снова заговорил.

– Могла написать, – буркнул он.

– Хотела тебя увидеть, – отозвалась девушка, и голос у неё был смутно знакомый.

– Ула, – шепнул мне в ухо синеглазый, посылая кучу волнительных мурашек.

И точно, Ула. Моя молчаливая соседка. Может быть, зря я относила её поведение на особенности характера? Возможно, её бесила именно я, или, вернее, моя связь с киару? Хотя какая там связь… у нас и сейчас-то

непонятно что, а уж тогда…

– Всё по плану? – совершенно не впечатлился признанием Улы Анмирен.

– Не совсем, – покаянно вздохнула девушка. – На одной из последних тренировок я запуталась, начала делать не то, и…

– Они поняли, что ты на самом деле делаешь? – моментально подобрался гад, а вместе с ним и мы. Кажется, двойной агент Ула должна сделать не совсем то, чему их учили. Но что?

– Нет, нет, не поняли! – сбивчиво зачастила бедная девушка. Да, мне было её жалко. Мне после общения с гадом по умолчанию жалко любое существо, которое вынуждено вести с ним диалог, а уж зависеть от него… – Я просто словно бы замялась, но…

– Но? – тоном опытного прокурора поинтересовался её собеседник.

– В общем, я теперь в резерве, – тихо и как-то виновато произнесла девушка.

– Как так? – спросил Анмирен, причём с большим удовольствием, как мне показалось. – Вот как так? Я столько времени и сил на тебя потратил… уже даже любой ррругг бы всё понял, запомнил и выучил, а ты…

– Прости, – моя бывшая соседка по каюте чуть не плакала уже. А гад решил её добить.

– Зря я с тобой связался. Надо было Марию Романову взять… её и в постели иметь приятнее оказалось! И не только там!

Вот честное слово, я не ощутила себя ни капельки польщённой его первой инсинуацией, а от второй вообще потеряла дар речи. И чуть было не начала оправдываться в голос. Да я бы и начала, но киару вовремя зажал мне рот.

– Я понял, – сказал он, – ничего не было. Тссс!

Ула тем временем начала всхлипывать.

– Иди, – сказал ей гад. – Завтра я позабочусь о том, чтобы место в основном составе освободилось.

– Прости, я старалась, я правда старалась…

– Уйди, я сказал! – прикрикнул на ней Анмирен. Но потом смягчился. – Впрочем… если дальше всё сделаешь хорошо, я с радостью тебя прощу. И когда я отдам тебе завтра ключ, постарайся нормально отыграть удивление. Не переигрывай!

Вот ведь мерзость рыбоглазая!

Девушка заверила, что всё будет идеально, и, всхлипывая – нашла из-за кого! – ушла. А гад решил-таки посетить наше убежище. Вернее, удобства. А там оказались мы.

Драка двух киару пронеслась перед моими глазами, как какой-нибудь из фильмов Джеки Чана, ещё и в быстрой-быстрой перемотке. Кажется, всё заняло буквально несколько десятков секунд – вот Айрдан молниеносно оставляет меня в сторону, в дальний угол, вот начинает открываться дверь и мой киару охотно ей помогает, от души пнув ногой. Анмирен на какие-то доли секунд дезориентирован, но хватается за оружие на поясе, которое Айрдан каким-то немыслимым образом отбирает… дальше серия ударов с каждой стороны, и я далеко не всегда успеваю понять, кто в данный момент нападает, а главное, надо ли мне помогать и как… но всё быстро заканчивается, на полу лежит оглушённый Анмирен, а Айрдан его связывает.

– И что дальше? – спросила я, чувствуя себя до крайности глупо. Ну спрячем мы его, например, в шкаф, и что дальше?

– Возвращаемся на корабль. Очень осторожно, – ответил Айрдан. И ещё раз врезал чуть шевельнувшемуся было Анмирену.

– А почему ты в него просто не выстрелил? – хотела я просто спросить, но получилось чуть укоризненно. Потому что нервы мои не бесконечны, в конце-то концов.

– Вот, – мой киару, победитель гадов и психов и просто красавец, показал на костюм своего поверженного противника. – Защищает от парализатора.

Я решила побыть милой и воздержалась от вопроса – а фигли сам Айрдан такие не носит. Ну, может жарко в них. Или фасончик не тот…

Потом как-нибудь узнаю.

– Мария, – сказал Айрдан, поднимая катер в воздух. – Вы с Лалирой полетите на Землю.

– Эм… да? – не нашла я, что сказать. Сам ведь когда-то утверждал, что на Землю мне теперь ни-ни.

– Да, – мой многословный киару в своём репертуаре.

– Ты же говорил, что мне туда нельзя!

– Говорил. Но теперь мне кажется, что там тебе будет безопаснее всего. Кроме того, твоя кровь стабилизировалась, и теперь тебе не нужно постоянное наблюдение нашей медицины… – И когда? – спросила я, за что удостоилась внимательно-укоризненного взгляда.

– Сейчас, Мария. Прямо сейчас, как только вернёмся.

– А Вы… ты? – от волнения я начала путаться в местоимениях. И не только в них.

– А у меня дела, – туманно ответил Айрдан, и я нахмурилась. А то я не знаю, какие у него дела – небось, хочет прикинуться Анмиреном и за Улой

проследить. И мне почему-то это не нравится…хотя, в общем-то, понятно почему. Опасно! А вдруг у психа ещё есть здесь сообщники?

– Будешь Анмиреном прикидываться? – уточнила я всё-таки.

– Да, – коротко подтвердил он. И, чуть-чуть помедлив, почти виновато произнёс. – Есть ещё один момент…

– Да-а? – спросила я, с удивлением обнаружив в себе тон сварливой жены с двадцатилетним стажем как минимум.

– Насчёт коррекции памяти…

– Что-о-о? – нет, теперь я не сварливая жена, скорее, оскорблённая монашка. Нет, ну как он может? Как?! После того, что мы пережили, после всего того, что у нас было, вот так вот взять и покуситься на мою память! А ведь это значит, что он не собирается за мной прилетать… вот интересно, а он этим своим землянкам, с которыми у него был секс, тоже память потёр?

– Мария, это не обязательно! – поморщился киару. – И если ты дашь мне договорить, я расскажу, какие есть варианты.

– Я очень внимательно слушаю, – очень смиренно и вкрадчиво сообщила я, скрестив руки на груди.

– Я не имею права оставить память о событиях последнего времени обычной человеческой женщине, но я совершенно не обязан стирать воспоминания члену моей семьи. Если ты войдёшь в мою семью, твоя память останется нетронутой.

– В качестве кого? – прямо спросила я, предчувствуя какой-то подвох. И он не заставил себя ждать.

– Мне жаль, но сейчас я не готов предложить тебе тот статус, который ты, как мне бы хотелось думать, желаешь принять…

– То есть? – нет, я не буду додумывать и расстраиваться, я сначала выслушаю тебя от и до. А уже потом у меня будет куча времени во время перелёта до Земли, чтобы обвешать всё это домыслами и вдоволь наплакаться.

– Помнишь, ты спрашивала, есть ли у нас такое понятие как «жена»… Такого действительно нет, потому что у нас всё немного по-другому. Я могу принять в семью любого человека, и это навсегда. У вас можно развестись, и вы снова чужие люди, у нас такого нет. Если тебя взяли в семью, то взяли навсегда, но статус в семье может быть разный. Наверное, «семья» вообще не самое правильное слово, так как у вас оно описывает только родственные связи… но не суть. Максимально близким аналогом к вашему браку у нас является решение создать совместную семью… И этого я тебе предложить не могу. Могу только принять в свою.

Я молчала. Вот если честно, я мало что поняла, кроме того, что, если

перевести на простой человеческий, то со мной можно спать и дружить, а жениться – нет, не готов. Чудно. Было бы. Если бы не было так больно.

Мы как раз долетели до корабля, и в разговоре возникла вынужденная пауза – пока Айрдан рассказал Лалире, что да как, дал какие-то инструкции, куда-то дел Анмирена… я же была как в тумане. Словно бы меня из-за угла треснули пыльным мешком по голове.

В общем-то, всё закономерно. Кто сказал, что если влюбилась я, то обязательно должны влюбиться в меня? Просто ещё одна землянка, с которой переспал киару, вот только землянке как-то очень больно… хотя с чего я взяла, что остальным не было так же? Синеглазый киару мастерски не договаривает, позволяя девушкам обрастать иллюзиями и рисовать воздушные замки, Никитосу такое и не снилось…

Наверное, я должна усвоить какой-то урок. Говорят, жизнь будет вталкивать тебя в одни и те же ситуации снова и снова, стучать тебе по голове всё сильнее и сильнее, пока ты, наконец, не сделаешь правильный вывод. Видимо, я не способна его сделать… сейчас так точно. Сейчас мне хочется лечь в медкапсулу, и забыться там… Точно! А почему бы мне и в самом деле не забыться? Есть ведь ещё вариант подкорректировать воспоминания, так почему бы и нет? Ведь если меня не устраивает вариант Айрдана, ничто не мешает мне выбрать свой!

– Мария, – появился рядом Айрдан, уже в личине Анмирена. Но голос был его, а смотреть я и так и так не могла – больно чего-то. И горько. И хочется то ли расплакаться, то ли схватить и трясти, пока не объяснит, за что он так со мной. И какого чёрта ему до сих пор от меня надо. – Пожалуйста, дайте мне две недели. Я прилечу на Землю, и мы поговорим, хорошо?

Обида душила меня, заставляя глотать непролитые пока что слёзы, и она же заставила меня сказать:

– Не стоит, киару Айрдан-ниа-Ши. Есть ведь и другой вариант, сотрите мне память, и всё. И не надо оправдываться и тратить на меня своё время.

Остатки самолюбия и здравого смысла заставили меня всё-таки удержаться и не спросить – всем ли своим любовницам предлагает войти в семью или же стереть память. Какая мне, к чёрту, разница всем или нет, если мне предлагается лишь это?

– Мария, – как-то сильно погрустнел Айрдан, – если Вы решите избавиться от воспоминаний, Лалира к Вашим услугам. Если решите не избавляться – я найду Вас через пару недель на Земле, и мы поговорим.

Секунду или две мы постояли молча, потом он быстро поцеловал меня и ушёл. А я стояла, как идиотка, заливаясь слезами и прижимая руку к

губам. До последнего не верила, что он уйдёт вот так. Ничего толком не прояснив. Не поцеловав как следует. Не выбив обещание ничего не делать с воспоминаниями, дождаться…Значит, не очень-то ему этого и хотелось?

– Мария, – окликнула меня Лалира. Кажется, она чувствовала себя неловко. – Я могу Вам чем-то помочь?

– Да, – сказала я с такой твёрдостью и уверенностью, которой не испытывала. – Можете. Именно Вы и можете.

Глава 25. Жду!

Интересно, как это будет? Из моей памяти просто исчезнет последний месяц, и я, проснувшись, буду в ужасе озираться и визжать, что меня похитили вероломные инопланетяне? Или мозг адаптируется и сам заполнит все пробелы, всё объяснит, и я даже не пойму, что чего-то лишилась?

А что будет с моими чувствами? Насколько они привязаны к конкретным воспоминаниям? А вдруг я всё равно буду тосковать по киару и, что хуже всего – буду с ума сходить от тоски, даже не зная её причины. Или вообще – решу, что это тоска по Никитосу… Я даже как-то содрогнулась, и вдруг одумалась.

Что я делаю? Что я, чёрт возьми, делаю?! Лучший месяц в моей жизни я собираюсь забыть просто назло киару, из какого-то совершенно детского и недостойного чувства обиды – он не предложил мне замуж после первого же секса, так гори оно всё огнём, так получается, что ли?

Нет, я не хочу забывать. Не хочу! Вот только уже, наверное, поздно. Я ведь уже влезла в эту чёртову медкапсулу, и вот-вот засну… Лалира говорила, что я засну. А я всё не засыпаю… может, ещё не поздно её позвать?

Я даже попробовала, правда, как-то негромко и неуверенно – ничего не произошло. Так я и лежала почти час – ни сон не шёл, ни Лалира… а воспоминания наоборот шли. Все как одно синеглазые. Но я хочу помнить. Хочу. Каждую минуточку.

– Мария, как Вы себя чувствуете? – спросила инопланетянка, наконец-таки появляясь и открывая медкапсулу. Я собиралась уже было сказать ей, что ничего не вышло и не сработало, но осеклась. – Был небольшой сбой в работе двигателей, корабль тряхнуло, и Вы упали, ударились головой. Могут быть небольшие пробелы в памяти, которые скоро восстановятся.

– А куда мы летим? – на всякий случай поинтересовалась я. Нет, я ж помню на самом деле – на Землю. На Землю отправил меня жестокосердый киару.

– На Землю, – подтвердила она.

– А где остальные? – уже просто из какой-то вредности спросила я. Интересно, что она будет врать?

– Киару Айрдан-ниа-Ши показывал Вам планету, так что Вы летите отдельно, – почти убедительно соврала она. Хотя почему соврала? Чего мне

только этот самый киару не показывал… эх.

Я сходила с ума от беспокойства. Как бы там ни относился ко мне господин синеглазый киару, лично мне он очень дорог, а с этой базой и ключом явно что-то неладно. Я даже разыскала Анмирена – удивительно, но мне открывались все двери, о чём я Лалире тоже не торопилась говорить, но гад был без сознания и приводить его в чувство я, естественно, не решилась.

Где-то за сутки до прилёта на Землю я сдалась.

– Лалирочка, – взмолилась я, и инопланетянка вздрогнула – до этого мы с ней старательно друг друга избегали, обмениваясь при встрече чрезвычайно любезными улыбками, – как он там?

Вдруг он как-то с ней связался, что-то ей сообщил, а я и не знаю! А всё из-за своего глупого упрямства. И зачем мне надо было, чтобы она думала, что я всё забыла?

– Кто? – немного испуганно, как мне показалось, спросила она.

– Киару этот ваш бестолковый, – всхлипнула я.

– Вы не забыли! – потрясённо прошептала она. – Но это же невозможно… это работает для всех, кроме… кроме киару.

– Угу, – сказала я, озабоченная совсем другим вопросом. – Так как он там? Всё…хорошо?

– Да, – уверенно сказала Лалира, отводя глаза.

Вот разве можно так неумело врать? – мысленно возмутилась я, чувствуя, как заходится и мгновенно леденеет сердце. И ладони. И губы.

– Что с ним?!

– Всё в порядке… пока, – «успокоила» меня инопланетянка. – Но он полетит на базу и…

– …мутирует? – тихо закончила я за неё предложение. Ну почему же мы не попробовали с вирусом, почему?!

– Почему? – спросила я вслух, но она поняла мой вопрос по-своему.

– Ключ… с ним что-то не так. Он как-то перепрограммирован и не годится. Я не знаю подробностей.

Я сама не заметила, когда успела опуститься на пол, и теперь жалобно смотрела оттуда на Лалиру.

– Нет, – сказала я. – Скажите, что с ним всё будет хорошо. Что Вы что-то придумали, и он от этой дурацкой мутации защищён… Дайте мне с ним поговорить, в конце-то концов!

– Мария, – неожиданно тепло сказала Лалира, опускаясь на пол рядом со мной. – У Вас с ним был секс, а значит, есть шанс, что вирус всё-таки

передался и как-то замедлит или предотвратит процесс…

– А можно с ним поговорить?

Мне срочно приспичило сказать ему, что я его люблю. Нет, я понимаю, что он может отправиться на тот свет и без этой ценной информации, и если бы она была так ему важна, наверное, спросил бы сам, но это нужно мне! Я не хочу прожить всю жизнь, ну или, как минимум, несколько лет, мучаясь осознанием, что я с ним даже толком не попрощалась! Даже вот почти нахамила ему… воспоминания стереть грозилась…

– Увы, нет. Теперь уже только с Земли. После.

Земля. Мама. Папа. Лёшка. Ждать киару на Земле было и проще, и сложнее. У меня так и не получилось с ним поговорить – я всё же не могла дежурить круглые сутки на руанском корабле, мне надо было появиться дома, но когда среди ночи мне пришла смс-ка от Лалиры с одним единственным коротким «жив», я прыгала по кровати и скулила от радости.

Я ждала его каждый день. Вопреки всему. Смешно ведь предполагать, что он переместится мгновенно? Но я ждала.

И словно бы раздвоилась – одна я разослала резюме и ходила по собеседованиям, улыбалась, встречалась с друзьями, ходила с мамой по магазинам и пекла с ней по вечерам пирожки, а другая – ждала-ждала-ждала, и молча удивлялась – а зачем я вообще это всё делаю, если через пару недель он меня заберёт? Почему не скажу родителям правду – ваша дочь сошла с ума, влюбилась в инопланетянина и жизни без него не мыслит!

А киару всё не появлялся. Лалира улетела, и мне было некого терзать вопросами. Так что я просто надеялась, перечитывая по сотне раз ту короткую смс-ку «жив». А потом вернулись ребята. Собственно, мне позвонил Никитос и предложил встретиться, и я радостно согласилась, потому что где-то в глубине души надеялась, что он мне что-нибудь расскажет об Айрдане, о базе, хоть что-нибудь. Увы. Никитос не помнил толком даже Анжелину, так, мельком упомянул, что была на тренировках светленькая девчонка, но он, дескать, даже имени не помнит… зато мой бывший с каким-то подозрительным интересом смотрел на меня. И какие-то странные поползновения делал. То за руку взять. То ногой под столом коснуться. Я шарахалась и мечтала, чтобы он хоть слово сказал о моём киару. Мне уже просто невыносимо хотелось просто с ним поговорить. Ну или хотя бы о нём.

Две недели прошли, а синеглазый инопланетянин так и не появился.

Я не гордая, наверное, даже слишком не гордая, и я бы давно ему как-

то позвонила, написала или ещё что, если бы просто знала как. Да мне бы даже просто знать, что с ним всё хорошо, меня бы, наверное, уже хоть немного отпустило… а ещё не давала покоя мысль, что он так и не появится. Вообще никогда. Ведь я выбрала – забыть. И что с того, что не получилось, если своё намерение я обозначила очень даже чётко. А Лалира… ну наверняка она ему сказала, если он вообще спросил. А значит, он может никогда не прилететь…

Удивительно, но меня не трогали спецслужбы. Вообще. Ни одного визита, звонка или письма от человека в сером, чёрном или любом другом цвете костюма. Но, как выяснилось, пасли при этом очень даже хорошо. Обнаружилось это совершенно случайно. И по традиции в этих своих неприятностях я тоже была виновата сама. А именно – я зачем-то согласилась ещё раз встретиться с Никитой. В том, что мне он был не нужен, у меня не было ни малейших сомнений, скорее, он просто был одной из немногих ниточек, тянущихся в наше общее с киару прошлое, вот я и пошла… Сам же Никитос был настроен почему-то на очень романтический лад, даже букет какой-то мне вручил, и всё пытался срулить с темы инопланетян на то, какая я красивая, и куда бы нам вместе сходить. В итоге я от него практически сбежала, отбившись от настойчивых предложений проводить и, завернув за угол, тут же попала в окружение троих крепких мужчин.

– Мария, – сказал один из них, – забирая у меня букет. – Вы с ним больше никогда не встретитесь, Вам понятно?

– Понятно, – покладисто кивнула я, но, видимо, слишком спокойно кивнула. А может, у них был отработанный план, который они должны были отыграть от и до.

– А мне что-то кажется, что не очень-то понятно, – гнусаво протянул второй и выхватил у меня сумочку. – Надо закрепить…

Тут я открыла рот, чтобы то ли погромче позвать на помощь, то ли заверить, что мне совершенно этот паршивый Никитос не сдался, и сумочка куда ближе моему сердцу, чем он, но тут мои обидчики стали падать, как подкошенные, так что я так и стояла с открытым ртом. А ко мне подошёл вежливый молодой человек, поднял сумочку и, отряхнув, вручил.

– Мария Александровна, с Вами всё в порядке? Прошу простить, что не вмешались раньше, мы не сразу поняли, нужна ли Вам наша помощь. Больше не повторится.

– А… ага, – сказала я и закрыла наконец-то рот.

– Вас подвезти? – спросил вежливый молодой человек. Я тут же активно замотала головой – в машину к незнакомым людям – ну уж нет!

– А Вы вообще кто? – мой вопрос нагнал его на полпути к машине.

– Ваша охрана, Мария Александровна, – очень любезно отчитался он. Разве что под козырёк не взял, и то потому, что козырька не было.

– И давно? – ошарашенно поморгала я.

– С момента Вашего возвращения.

– С чего вдруг? – не сдалась я. И не надо на меня так смотреть, словно это должно быть мне известно.

– Вы из семьи ниа-Ши, – почти невозмутимо доложил молодой человек.

– И у вас есть какая-то связь с киару Айрданом-ниа-Ши? – спросила я, особо ни на что не рассчитывая, но одновременно очень надеясь.

– Мы ежедневно докладываем, – нимало не смутившись, сдал киару этот прекрасный молодой человек.

– Ежедневно? – спросила я, начиная злиться. Нет, я радовалась, конечно, но и злилась тоже. Я тут с ума схожу, подушку каждое утро сушить приходится, потому что по ночам меня особенно забирает, думаю, что не увижу его никогда, а он про меня ежедневные отчёты получает!

– А Вы не могли бы ему кое-что передать?

– Конечно, Мария Александровна, – очень удивился мой телохранитель. Наверное, думает, что я сошла с ума. Всё равно, что маме с папой, с которыми я живу, что-то через третьи руки передавать, но в том-то и проблема, что с ним я не живу! И, похоже, от меня этот жестокий инопланетянин прячется…

Вот только что ему передать? «Выходи, подлый трус»? Ну, так он мультик про кота Леопольда не смотрел, не поймёт. Да и не солидно это… Да и вообще – хотел бы, пришёл бы! Что я, в самом деле, сколько можно пребывать в иллюзиях?

– Я передумала. Простите, – сказала я молодому человеку, но он уже ничему не удивлялся, и ничто в его лице не дрогнуло.

Вечером этот же молодой человек заявился к нам домой. В руках у него было что-то наподобие бронированного ноутбука, если такие бывают.

Я немного растерянно пропустила гостя в свою комнату, он повозился пару минут возле стола, куда пристроил свою ношу, и, ни слова не говоря, вышел. И дверь прикрыл.

А из ноутбука на меня смотрел Айрдан.

Живой. И с виду даже здоровый – не знаю уж, в чём заключалась мутация, но ни рогов, ни хвоста не выросло, как и дополнительной пары рук. Разве что глаза стали почти полностью золотыми.

– Вы хотели со мной поговорить, Мария? – очень тепло, но слишком

официально спросил киару.

– Да, – сказала я, присаживаясь на заботливо заранее отодвинутый «связистом» стул. – Мне нужен Ваш совет. По традициям и поведению руанцев.

– Спрашивайте, – немного удивлённо отозвался он. – У Вас всё в порядке?

И не поймёшь, то ли пауза в звуке по техническим причинам – какие бы ни были технологии, моментальной передачи через любое расстояние они вряд ли достигнут, то ли киару так долго молчит.

– Нет, – честно ответила я. – Не всё. Но я справлюсь. Итак, вопрос. Если руанец не прилетает к девушке и никак не даёт о себе знать, это значит, что он просто не хочет её видеть?

Мне удалось произнести это ровным голосом, хотя горло в какой-то момент сжало спазмом. Киару на экране вздохнул и прикрыл на секунду свои золотисто-синие глаза.

– Мария, – начал было он, но потом явно передумал и спросил коротко и прямо. – Ты хочешь, чтобы я приехал?

– Хочу, – честно ответила я. Хотя очень тянуло лягнуть что-то вроде «если тебе не надо, то и мне не надо, и вообще, прости, что побеспокоила!». Но я удержалась. В конце-то концов, лучше всё прямо выяснить, чем мучить себя годами. Пусть знает, что я хочу его видеть, и при встрече я скажу ему, что люблю его, и очень рада, что с ним всё хорошо. Но если он меня не любит, то пусть отпустит и не мучает. Хватит уже недосказанностей. И эта пауза, всё-таки наверное техническая, но от этого мне сейчас не легче, она просто меня убивает!

– Еду, – наконец, пришёл ответ от киару.

– Жду, – отозвалась я.

– А что не в порядке? Я могу помочь? – это было явно вдогонку к «еду», слишком мало времени прошло.

– Приезжай, как сможешь. Вот и всё, – ответила я, разрываясь между желанием заплакать и желанием улыбаться.

Глава 26. Всё наконец-то становится хорошо

Через несколько дней, спускаясь в лифте к ждущему меня внизу в машине киару, я ужасно нервничала. Надо как-то не струсить и сказать ему всю правду о своих чувствах, чтобы не мучиться потом мыслями из серии «а может, это я сама его оттолкнула?», «а может, он меня не так понял?». Я скажу всё, как есть, и если «нет», то нет. Да. Именно так. Сяду в машину и скажу «я тебя люблю». И главное потом найти в себе силы остаться сидеть и ждать ответа, а не броситься бежать, в лучших традициях детского сада. Или же главное – на него не смотреть, иначе я вряд ли решусь сказать…

Айрдан ждал меня рядом с машиной. И мне показалось, что золота в его глазах стало меньше, хотя это, наверное, просто эффект освещения.

– Привет, – улыбнулся он, открывая мне дверь, и я послушно села в машину, разом растеряв всю свою решимость.

– Привет, – повторила за ним. И, естественно, струсила, сказала вовсе не то, что собиралась. – Что с твоими глазами?

– Я был на базе, – как-то очень аккуратно отозвался он. Я молчала, ожидая продолжения, но он вдруг спросил. – Прости, а что ты помнишь?

Здравствуйте, приехали! Всё я помню, всё! Каждую минуту с тобой и каждую без тебя!

– Всё! – удивлённо отозвалась я. И даже чуть-чуть возмущённо. – Ты отказался жениться и свалил, прикинувшись Анмиреном. Якобы проследить, чтобы Ула не попала в основной состав. А потом Лалира сказала, что ты, – здесь у меня совершенно неожиданно сорвался голос и задрожали губы, – отправился на базу, потому что что-то не то с ключом… И…

Я замолчала, чтобы не разрыдаться. А ещё, потому что слова подобрать было невозможно, я толком не знала, что хочу ему сказать. Не предупредил меня? Не попрощался? Не сообщил сам, что с ним всё хорошо?

– Ты же выбрала забыть, почему не забыла? – спросил киару, настолько спокойно и ровно, что я начала злиться, забыв уже о своём плане честно признаться, невзирая ни на что.

– Не сработало у вас там что-то. И я передумала.

– Я не знал, – вздохнул Айрдан, – Лалира сказала, что ты решила

забыть…

– Конечно, – немного сварливо отозвалась я. – А что ещё я должна была делать, если ты мне сказал, что я гожусь для того, чтобы приятно провести время, но недостаточно хороша, чтобы провести со мной жизнь?

– Мария, я такого не говорил и не думал, – мягко возразил он.

– Словами нет, но смысл примерно такой, разве нет? – вздохнула я.

– Нет, – сказал киару.

Ну вот, Маша, давай уже, скажи своё абсолютно ему не нужное «я тебя люблю» и сваливай. Видишь же, что ничего не поменялось, и предлагать тебе опять никто ничего не торопится… Мы заговорили одновременно.

– Я…

– Говори, – поспешно предложила я, когда мы оба замолкли. Ляпнуть о своих чувствах я всегда успею. Наверное.

– Я не мог предложить тебе разделить со мной семью, не будучи уверенным, что останусь в живых и не буду объявлен преступником и предателем. Это был бы плохой подарок, поверь мне, – чуть улыбнулся киару. – Ответственность за моих детей и мои предполагаемые преступления, тебе это надо?

– Какие преступления? И что всё-таки с базой, ключом и Анмиреном? И с твоими глазами.

– База строилась не только как защитный объект, но и как оружие. Она вообще довольно универсальна, – сказал Айрдан, как бы невзначай беря меня за руку. Я сделала вид, что не заметила, а внутри вдруг стало тепло. – Соответственно, и сделать там можно многое. Идея Анмирена была в том, чтобы вместо щита распространить поражающее излучение на наши же корабли. Для этого он «заслал» Улу и внёс некоторые изменения в настройки ключа.

– Но всё хорошо? – спросила я неуверенно.

– Всё хорошо, – подтвердил Айрдан.

– А глаза – это мутация?

– Да. Но она оказалась куда слабее, благодаря вирусу, который я от тебя подцепил. И вроде бы даже уменьшается.

Я хотела спросить, как это и когда это он подцепил от меня вирус, потом поняла, что это намёк на близость, которая у нас была, и покраснела. Причём в основном от собственного желания предложить ему несколько повторных терапевтических сеансов.

– Хорошо, – сказала вслух. – Я очень рада, что с тобой всё в порядке.

Он так на меня посмотрел, словно мысль о терапевтических сеансах и ему пришла в голову. Но сказал он тоже совершенно не это:

– Как дела у Никиты Рекунова?

– Не знаю, – пожала я плечами. Нет, я не собираюсь отрицать, что с ним встречалась, тем более, что киару и так всё давно доложено, но я правда не знаю. – Мне не интересно.

– Если это из-за последнего инцидента, то я могу это решить, – зачем-то предложил мне этот глупый и излишне щедрый инопланетянин.

– Мне не интересно. Но если Вы не знаете, куда меня деть, не трудитесь. Я сама что-нибудь придумаю! – опять расстроилась я и попыталась забрать обратно руку.

– Мария, ты разделишь со мной семью? – как-то очень просто и совершенно неожиданно спросил он. Руку, кстати, не отдал.

И вот тут я впала в панику. У него взрослые дети. Какая-то своя неизвестная мне жизнь. Как я туда впишусь? Что я там буду делать? А вдруг это всё из-за того, что я теперь с высокой долей вероятности нарожаю киарчиков? А вдруг это вообще временное помутнение сознания, а Айрдан говорил, что семья – это навсегда и что же я буду делать, если что?

– Э… – сказала я, мучительно подыскивая слова. – Эм-м…

– Я тебя люблю, – мастерски прихлопнул все мои сомнения киару, и я сама не заметила, как уже ответила:

– Да. Да!

Да, я не знаю, что ждёт меня с ним в будущем, но этого мы вообще не можем знать, зато в настоящем при одной мысли о нём, при одном взгляде на него уже становится на душе как-то очень тепло и хорошо.

– Поехали ко мне? – предложил тем временем киару и чуть прищурился. – Ты мне ещё кое-что должна…

Я мгновенно поняла, о чём это он, снова покраснела и решительно соврала:

– А вот этого я как раз не помню! Не помню, точно говорю! И не надо на меня так смотреть! Ладно! Ладно… но без света!

Взгляд Айрдана стал совсем весёлым, но от меня он его так и не отвёл. И с места не тронулся.

– Что?! – не выдержала я.

– Нет, пожалуй, что ничего, – сказал он, всё-таки заводя машину и выезжая из двора. – Такой вариант меня тоже вполне устраивает.

Но я всё же пробормотала «я тебя люблю», зря что ли столько готовилась? Айрдан чуть сжал мою руку, и я, наконец, ощутила себя спокойной, уверенной и счастливой.